

Елисеев Ф.И. “С ХОПЕРЦАМИ”.

Воспоминания командира Хоперского конного полка (старейшего полка Кубанского Казачьего Войска) о боевых действиях осенью 1919 года. Это был один из самых тяжелых периодов в истории полка – отступление казачьих войск от Воронежа до Ростова.

Часть 1.

Часть 2.

Часть 3.

Примечания.

Ф.И. ЕЛИСЕЕВ. С ХОПЕРЦАМИ

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

В 3-м Уманском полку. Полковник Гамалий

Я совершенно не знал черноморских станиц, в середине мая 1919 года еду в Екатериновскую станицу Уманского полкового округа, где формировался 3-й Уманский полк, которым командовал полковник Гамалий¹¹⁰ и куда я был назначен походным атаманом генералом Науменко на должность помощника командира полка.

Мне было скучно. Я был огорчен несправедливостью отозвания меня из Корниловского полка в самый разгар победного наступления на Царицын и чувствовал, что тыл — совершенно не для меня. Тишина и покой после долгого пребывания на фронте и в боях были неприятны. Они томили и клонили душу к апатии. Я чувствовал, что в тылу буду совершенно бесполезен. И сытая тихая беззаботная жизнь меня утомит своим застоєм. И вот, когда я вышел из поезда на станции Крыловская, как везде на Кубани далеко отстоящей от станицы, мне сделалось неимоверно нудно...

На извозчике степью еду в Екатериновскую, направляясь прямо к площади, зная, что штаб полка должен быть где-то там. Издали вся станица утопала в цветку белой акации.

Я приятно волновался, когда подошел к двери большого казачьего дома, за которой должен быть мой старый и старший друг еще по Оренбургскому казачьему училищу с 1910 года, полковник Василий Данилович Гамалий, теперь мой командир полка. У него я должен отдохнуть душою от постигшей меня неприятности и, конечно, рассказать ему все, как “защитнику обездоленных”, каким он прослыл в военном училище среди нас, младших юнкеров, будучи тогда портупей-юнкером. Спросив разрешения войти, рапортую — представляюсь по всем правилам воинского

Устава, а он, быстро встав со стула и обойдя свой письменный стол, не слушая рапорта, подходит ко мне, обнимает и целует в губы, произнеся:

— Ну, к чему этот рапорт? — Из штаба войска он уже знал о моем назначении в его полк.

Я хочу предъявить ему свое предписание, а он флегматично перебивает меня словами: Да успеешь еще... Ты обедал? — добавляет.

Отвечаю:

Конечно нет... я сюда прямо с поезда.

— Постой... куда бы нам пойти пообедать? — вдруг спрашивает он и... смотря в землю, думает.

Красивый, высокий, крепкий, здоровый мужчина — кровь с молоком. Очень стройный. Крепко скроенный и красиво сшитый. С могучими плечами и легкой походкой. На светлой широкой гимнастерке — офицерский Георгиевский крест и английский орден. Своим внешним видом Гамалий представлял классическую красоту казака-черноморца. Ему тогда было чуть выше 35 лет. Этой атлетической фигуре, казалось, не только было тесно сидеть в этой небольшой его комнатке-канцелярии, но и — неуместно. Его крупное тело требовало простора, степи, именно степи, а не гор и леса! И требовало той работы, которую нужно было держать ему на этих могучих плечах, как что-то особенное на своем гранитном фундаменте. Это была “машина”, требующая физической работы, и, мощи,

может быть, безудержного разгула, и вот он — молодой и заслуженный полковник и герой — формирует в глубоком тылу полк из старых казаков и полк пеший...

Он холост, еще не устроился, вот почему и не знает — где ему обедать.

Вечером этого же дня я был представлен командиру бригады, генерал-майору Филимонову¹¹¹, родному брату войскового атамана. В черкеске и только при кинжале он прогуливался возле квартиры под тенистыми акациями с очень молоденькой, интересной и шустрой местной учительницей. Он не обратил никого внимания на нас с Гамалием и постарался скорее отпустить нас от себя. В его бригаду должен войти и 3-й Запорожский, также формируемый, как и 3-й Уманский. Станный прием был стусеван приятной встречей со старым Корниловцем, сотником Шурой Хлусом¹¹³, отчетливо представившимся мне. 26 октября 1918 года в конной атаке полка на пехоту красных под станицей Убеженской под командой полковника Бабиева мы оба были ранены. Это связывало дружбой.

Получив от Гамалия месячный отпуск, выехал к себе в станицу.

В своей станице

В станице работаю и отдыхаю. Братя на фронте, идут с боями на Царицын. В хозяйстве рабочих мужских рук нет. Отец погиб. Бабушке сверх семидесяти лет. Матери более пятидесяти. Три сестренки — 16, 14 и 12 лет. Все учатся. Кому же работать?!

У нас, под горою, над Кубанью — два сада, по две десятины каждый. Один фруктовый и овощной, а другой — травяной, с люцерной. Эту траву косили четыре раза в лето. Подошел первый укос. Косили “травяной”, то есть американской косилкой.

Скосили, высушили, перевезли сено и сложили в скирд во дворе. Спеют черешня, малина, клубника и другие ранние фрукты в нашем верхнем саду, раскинутом длинно по кочугурам.

Я веду в станице замкнутую жизнь. Ни у кого не бываю. Ложусь спать не позже девяти вечера. Мне скучно. И томительно. Я оторван от своего воинского дела, вот почему мне и скучно, и томительно. Живу как отшельник.

— Што ты, сыночек, такой грустный? — участливо спрашивает наша дорогая и такая добрая мать. — Ах, сколько невест есть хороших, Федюшка! — добавляет она, думая, что я скучаю в одиночестве.

Выслушав это и дав несколько минут ей на размышление — встаю и иду тихо от нее, чтобы не огорчать ее отрицательным ответом. Моя душа была пуста, и я совершенно не думал о женитьбе.

Так приятно работать в своем фруктовом саду! Моя кобылица Ольга свободно пасется в огороде. Она так “округлена” на воле. Ей пять лет. Она словно семнадцатилетняя красавица “в соку”. Она так привыкла ко мне. И когда ей становится жарко — сама идет ко мне. Подойдет, станет возле, словно хочет сказать: “А не довольно ли, старина, работать?.. Не пора ли на фронт?.. А пока что — я хочу пить и постоять в тени”.

И стоит она, моя дорогая Ольга, и монотонно кивает головой. отгоняя назойливых мух.

— Крас-сивая она у тебя, сыночек! — говорит мне мать и любит-ся ею, словно своей дочкой.

По праздни-кам я часто е-зжу по станице верхом и уж “не огородником” в широкой рубахе, вобранной под очкур широких шаровар, в напуск на чувяки, а в черкеске, в погонах, при кинжале и револьвере. Тогда я уже для своих станичников — и пан, и господин полковник, и Федор Ваньч, и Федюшка для своих сверстниц и пожилых женщин-казачек. Прекрасны наши станицы! Прекрасный народ там!

Меня волнуют иногда старики. Сидит какой-нибудь седой и бо-родатый на своем парадном крыльце в широкой белой овчинной бабьей шубе, пригревшись на солнышке, и видит — приближается офицер. Он хочет встать и показать свое ему почтение.

— Сидите, сидите, дедушка!., не вставайте... Здравствуйте! — Предупреждаю его и снимаю перед ним папаху.

— Ды... как же!.. — отвечает он, не договорив, что всякому офицеру казак должен отдать воинскую честь.

Идут жестокие бои под Царицыном. Оттуда везут многих убитых казаков. Привезли двух убитых хорунжих-станичников 1-го Кавказского полка, Васю Барыкина и Ваню Гетманова — друзей и сверстников нашего Жоржа-хорунжего.

— Что там с Андрюшей и Жоржем?! — ломая руки и разрываясь от тоски, порою плачет наша самая старшая замужняя сестра Маня. — Убьют... Убьют их! — надрывается она в плаче. — Сердце, ну... вырывается из груди! — твердит она, наша умница и такая чуткая 33-летняя сестра-казачка. И привезли Жоржа, хорунжего Корниловского конного полка, но... раненого — в третий раз. Увидав его, Маня заплакала радости. У бабушки и нашей матери — нет уж слез. Все они выплаканы...

— Ну вот, недаром же сердце так ныло, — говорит Маня и уже сквозь слезы.

Урядник Сальников. Подпоручик Астахов

— Сыночек!., тебя хочет видеть какой-то казак! — говорит мне мать, войдя в мою комнату.

С крыльца во двор — я увидел стройного казака в праздничном бешмете, застегнутом на все крючки, и при дорогом серебряном кинжале с поясом. Крупная папаха черного курпая с красным верхом и серебряными галунами на ней говорили, что передо мной стоит урядник, и урядник не простой. Очень смуглое лицо с черными усами по-монгольски, как и лицо чуть монгольское, показались мне что-то знакомыми.

— Здравия желаю, господин полковник! — произнес он сам первый, взяв под козырек, и тут же опустил руку. — Не узнаете господин полковник? — весело и совершенно запросто спрашивает он, но почтительно и смело.

Я не узнаю его, но что-то все же знакомое мне кажется в нем.

— А помните майские лагерные сборы в 1914 году? Я был малолетком и был в Вашей наезднической команде! Сальников я! — поясняет он.

И я узнал худого длинного джигита станицы Тифлисской на небольшом вороном коне. Расскажи, Сальников, Расскажи — где и как служил послеэтого? — дружески спрашиваю его и подаю руку.

В Конвое Его Величества!.. Я старший урядник, а теперь в Кавказской запасной сотне, — говорит-докладывает он. — А сейчас, господин полковник, по старинке прошу взять меня к себе конным вестовым, — вдруг огорошивает он меня.

Ка-ак?.. гвардейца, старшего урядника и вестовым? — перебиваю я его. — Не стыдно ли? Господин полковник!.. Все это не в счет!.. Теперь все так перепутано... Я Вам докладываю лишь свое желание. У меня отличный конь, и Вы мною останетесь довольны! Вы же меня знаете по 14-му году, по лагерям. Я теперь в тылу и хочу идти с Вами на фронт, — говорит он, бравый и, видно, умный урядник, моложе меня одним годом по рождению.

Я никак не мог понять его столь странного желания! Даже неприличного вообще для урядника, а для “гвардейца”, как их называли в станицах, — в особенности. Но он так настойчиво просил, что я согласился. И не пожалел потом.

Мой отпуск окончен. Погрузив лошадей с Сальниковым, прибыли в Армавир. Мы двигаемся в Майкоп, куда уже переброшен пеший 3-й Уманский полк. Здесь надо менять вагоны, но их не Иду к коменданту станции Армавир. Подпоручик в темных очках и в красной комендантской фуражке встал и, вытянувшись за столом в положение “смирно”, спросил:

— Что Вам угодно, господин полковник?

Выслушав, что я с лошадьми двигаюсь на Майкоп и что мне нужен вагон, он ответил, что “вагонов нет”. А потом добавил: “Пройдемте со мною”.

Мы выходим из его служебного кабинета и вместе идем к пустынному концу платформы. Там он останавливается, снимает свои темные очки и весело произносит:

Здравия желаю, господин полковник!

Астахов?.., что это такое?.., что за наряд у Вас?.., как Вы попали сюда?.., почему Вы в темных очках? — забросал я его вопросами.

Астахов¹⁴ — первопоходник. Был при генерале Эрдели. После 2-го Кубанского похода произведен в прапорщики. Под станицей Михайловской Лабинского отдела я застал его помощником начальника команды связи Корниловского конного полка у хорунжего Ишутина¹⁵. Высокий, стройный, проворный, веселый, смелый на слова — его почему-то не любили в полку офицеры, его же сверстники из урядников. Возможно, потому, что он был очень разговорчив и на остроту над ним отвечал также остротой. Возможно, не любили его за активность. И когда потребовался от полка один офицер в штаб нашей 1-й Конной дивизии, коей тогда командовал генерал-майор Врангель, Астахов согласился быть там.

С тех пор я его не видел. Теперь он подпоручик и помощник коменданта станции Армавир. Его речь передо мною льется рекой. По выговору никто не может подумать, что он был урядником. Его красная комендантская фуражка — эмблема власти. Его же темные очки для того, чтобы его не узнавали те, кто для него был невыгоден. И устроился он на эту должность для того, чтобы иметь здесь свою казачью власть — так он, как и раньше, очень быстро говоря, пояснил мне.

— Вагонов нет, господин полковник, — говорит он. — Это официально, — добавляет. — Но для Вас я прежний прапорщик Астахов Корниловского полка, и вагон для Ваших лошадей будет подан немедленно же.

Вагон подан. Лошади погружены, и мы с Трофимом Сальниковым тронулись к Белореченской, проходя так знакомые места, где девять месяцев тому назад, текла казачья кровь в боях. Вот и станция Андрей-Дмитриевка... вот и тот мост через болотистый Чамлык, через который отходила 1-я Конная дивизия 18 сентября, после неудачного боя под Курганной. Вдали, вправо, видна роковая Михайловская станица. Роковая — по жестоким боям тогда. А вот и станица, и станция Курганная. Прощай и она. Это теперь глубокий тыл. Скоро белыми войсками будет взята Москва, и когда-то какой-либо казачий певец воспоет тебя. Прощайте, столь знакомые места, где так щедро лилась казачья кровь в боях за освобождение своей Отчизны.

В Майкопе. Черкесы

Белореченская... Майкоп. Мы у цели. Разгружаемся и едем верхом в город. Я нахожу сотни полка, расположенные в постоянных дворах. Полковник Гамалий в отпуску. За него — полковник Постников 116, наш кавказец. Представляюсь ему. Он все так же беспечный, каковым был и в Мерве мирного времени. И как тогда — с бритой головой. Он поклонник и подражатель горцам Кавказа.

— Где же мне остановиться? — спрашиваю Николая Николаевича, нашего “Коку”.

— В отеле, — лениво отвечает он.

Это мне не нравится — служить и жить в отеле, но исхода нет, и я становлюсь в ближайшей к полку “Центральной” гостинице.

Расположился. Сажу и думаю: “Куда идти?.., что делать?”

К вечеру являются сотник Хлус и есаул Бугай 117, бывший вахмистром у Гамалия в Персии.

В нашей гостинице, оказывается, есть садик и в нем открытая сцена, на которой поют и танцуют “ночные птички”... Открытие с 10 вечера и... до утра.

Мы ужинаем втроем — Бугай, Хлус и я. В вечерней прохладе, в садике, перед сценой, где поют и танцуют разные красавицы — так приятно быть после пустынных степей Ставрополя и Астрахани... Дорого мне обошлась эта ночь с хором песенников от 3-го Уманского полка “до утра”...

Через два дня еду в дом Париновых, в котором 12 лет тому назад мы, семь станичников Майкопского технического училища, жили на полном пансионе.

— Папа, мама, дети!.. Скорее сюда!.. Федя Елисеев приехал!..- Полковник! — кричит кто-то, увидев меня.

Ничто не переменилось в людях этого благородного дома, у которых папа и мама — простые горожане, но две дочери их учительницы, три сына офицеры и четвертый реалист. Коромыслом заходил их большой кирпичный дом.

— Ты где?.. ты где же остановился, Федя? — перебивает всех старшая их дочь-учительница и хозяйка дома, глава и распорядитель всего хозяйства, Степанида Павловна (Стеня). Та, которая двенадцать лет тому назад так всех нас, их пансионеров-техников, крепко держала в руках, словно классная дама, которую мы и боялись, и не особенно любили за строгость над нами.

В “Центральной” гостинице, Стеня... — стыдливо отвечаю ей.

Что-о?.. когда ты приехал?.., сегодня? — вцепилась она в мою душу.

Нет... три дня уже, как я в Майкопе, — как провинившийся ученик, отвечаю ей, под общее молчание всей семьи, окружившей меня.

Три дня-а!!! И только потом к нам!.., к своим родны-ым!.. да еще из “Центральной” гостиницы? — прошипела она с ужасом. — И ты там, наверное, кутил?.., там ведь сцена... и певички!.., сейчас же и немедленно переезжай сюда... к нам... как к своим... как тогда — 12 лет тому назад! — уже приказывает она мне и не хочет меня слушать.

И я у них, у Париновых, где каждая складочка их благородных душ так мне известна с отроческих лет и которых я так сильно любил тогда, 12 лет тому назад.

И как я пожалел, искренне пожалел, что тогда, с вокзала, прямо не поехал к ним. Тогда бы не было и кутежа до утра с хором песенников, и были бы деньги в кармане. А теперь у меня чуть больше ста рублей... Мне было стыдно и досадно на самого себя. Огорченная душа искала выхода. Но это не оправдание.

Переселившись к ним, я зажил с ними как сын и брат. Для всех я был все тот же “Федя”, “ты”. И о “цуке” нас Стеней — только весело смеялись.

— Ты озорной был, Федя, но и самый послушный, — откровенничает со мною милая Степанида Павловна, казавшаяся нам тогда очень строгой, придиричливой и несправедливой к нам.

Ах, эта молодость! Сколько она делает промахов!

Я часто езжу верхом за речку Белую. И езжу туда, где делали экскурсии группами техников. Там же и так же росли под горою крупные кислицы-яблоки. Я даже подъехал к этим деревьям, сорвал одно яблоко и покушал... Оно было ужасно кисло, но тогда... тогда они нам нравились.

Я заглянул во все уголки, где тогда бывал. Навестил свое механико-техническое училище. И как оно показалось теперь мне мало и серо! А тогда это длинное двухэтажное кирпичное здание с массивной чугунной лестницей наверх и под нею комната швейцара казались колоссальными. А училищная роща-сад? цветник и кирпичная аллея-дорожка в мастерские наши? — теперь казались так обыкновенны... Но наш дивный майкопский городской сад с шумящей внизу рекой Белой остались те же. В нем и теперь много гуляющей публики. Я обхожу дальние аллеи, где мы “стреляли” за гимназистками, и... это показалось мне так давно-давно бывшее... И стало грустно на душе.

Я купаюсь в Белой, и вода в ней холодна так же, как и тогда. Стоят те же купальни. И люди купаются, как и тогда — без купальных костюмов. Это мне нравится.

Я рассматриваю пожарную каланчу. Она теперь не так высока, как казалась тогда. И городской базар не так насыщен публикой. И “брехаловка” не так величественна. А с

каким затаенным интересом бежали мы на нее, чтобы встретиться с гимназистками! Все ведь были влюблены тогда...

Я заглянул и в лавочку к армянину-старикуну Арутюну, где мы, техники, копейки на три покупали у него свежешаренные на вертящейся жаровне фисташки. Лавочка, лачуга на углу, все та же, но сам Арутюн — теперь глубокий старик. Я купил у него очень много тех жареных, приятно пахнувших и вкусных фисташек, чтобы порадовать старика. Он удивленно смотрит на молодого полковника, так щедро платящего ему.

Там же стоит и “первоклассная” фотография Амбражевича, где мы снимались техниками. Вот и армянская церковь. Вообще Майкоп словно и не переменялся. И на Клубной улице та же грязь и топи, так как она до сих пор не мощена. И городская пожарная команда на вороных вихрь-лошадях крылато несется по ней, разбрасывая по сторонам жидкую грязь.

По улице идет конная сотня черкесов. Впереди нее вижу друга по техническому училищу корнета Ажигоева¹¹⁸. Под ним красивая лошадь, и сам он все так же стройный, статный и изящный, каковым был всегда. Взводные урядники и другие инструкторы только казаки. Они-то и поют казачью песню, идя во главе Черкесской сотни.

Мой дивный друг Пшемаф в миноре. Он говорит, что их Черкесскую дивизию свернули в полк и отправили сюда на переформирование.

Ему, черкесу со средним русским образованием, сыну дворянской черкесской семьи и вообще хорошо воспитанному и благородному человеку, очень тяжело переживать и необученность военному строю своих черкесов, и некоторое пренебрежение к ним, которое он услышал на одном званом богатом обеде у местного кубанского тавричанина.

— Так это же все те же дикари... — говорит одна дама, жалуется он мне. — Ты знаешь, Федя, дело дошло до того, что мы должны были встать из-за стола, извиниться перед хозяйской и ночью же уехать верхами (верхом) к себе в полк. И это за двадцать верст от него. — И, передохнув, продолжает: — Я начинаю жалеть, что окончил наше техническое училище. Лучше было бы навсегда остаться “диким черкесом”, чтобы не понимать всего этого. Мои офицеры за эти слова готовы были взяться за кинжалы... Ты знаешь, как среди нашего народа развиты чувства чести и гордости! Но ведь мы живем не во время Шамиля!.. Я их успокоил. И они мною недовольны... Я испытываю двойственность своей души. И только мой авторитет... не мой, может быть, лично, а авторитет нашей семьи останавливает их от открытого недовольства на многое.

Я отлично понимал своего благородного друга-черкеса и постарался его успокоить. И невольно вспомнил одно четверостишие Михаила Лермонтова в его поэме “Измаил-бей”:

Черкес удалый, в битве правой —
Умеет умереть со славой!

И у жены его младой —

Спаситель есть — кинжал стальной...

Инспекция Походного Атамана. Генерал Бабиев

Получена телеграмма, что в Майкоп приезжает Походный Атаман генерал Науменко инспектировать части войск.

На железнодорожном вокзале выстроен почетный караул от 3-го Уманского полка. Официально его встречает Атаман Майкопского отдела генерал Данилов¹¹⁹, являющийся и начальником гарнизона Майкопа. На правом фланге караула все офицеры полка в порядке старшинства чинов.

Подошел очень короткий поезд, и из него вышел генерал На-уменко, в черкеске. После рапорта генерала Данилова он идет вдоль фронта и за руку здоровается с офицерами. Подав мне руку, он улыбается и вдруг весело говорит:

— А знаете, Елисеев?.. Со мною прибыл и генерал Бабиев. Он в вагоне... но у него после Михайловской станицы болит голова!..

И действительно — в окно выглянул Бабиев в папахе и тут же скрылся. Бабиев — казак Михайловской станицы Лабинского отдела, и, конечно, как и принято у казаков, Походного Атамана и своего молодого и молодецкого станичника генерала Колю Бабиева старики угощали на славу. Все это только нормально.

Генерал Науменко с Атаманом отдела решили с вокзала ехать в Войсковой конно-учебный дивизион, который размещен в лагерных бараках на Белой, на восток от города, верстах в пяти. Приготовлен уже и параконный экипаж, и оба генерала садятся в него. Мы будем сопровождать их верхами, — тихо говорит мне Гамалий. К чему это, Васылю? — спрашиваю его. Надо... ты не понимаешь... надо быть политиком, — так же тихо отвечает он.

Я его понял... И несколько офицеров его полка, у кого были лошади (а были они только у нескольких, так как полк был пеший), мы идем у колес экипажа.

Жара исключительная. И тишина в природе. Выйдя за город, экипаж взял широкую рысь своих лошадей. Мы идем уже коротким наметом. Через версту наши лошади в мыле, а мы паримся в затянутых черкесках. Все растянулись по дороге, и только у колес экипажа, по сторонам его, остаемся мы трое на своих сильных лошадях — Гамалий, я и сотник Хлус. В душе я ругаю Гамалия — к чему это? Словно ординарцы...

Мы в учебном дивизионе, построенном в казармах у своих коек. И... что я вижу? Походного Атамана рапортом встречает полковник — старик Миронов¹²⁰. Он был помощником командира полка по хозяйственной части в нашем 1-м Кавказском полку в мирное время. В 1914 году, по предельному возрасту, 55 лет, он вышел в отставку и уехал на Кубань. Тогда он был войсковой старшина, и, как положено в Русской Императорской армии, всякий офицер, выходя в отставку, производится в следующий чин.

Миронов был довольно крупный телом и мясистый. Обходительный и дипломат. Находчивый и не робкий перед начальством. Любил снисходительно цукнуть нас, молодежь, как бы по-отечески. Любил посещать клуб в Мерве, как единственное общественное место. Но... за целый год моего пребывания тогда в полку мы ни разу не видели его в седле.

Ему теперь, в Майкопе в 1919 году, было около шестидесяти лет. И он был начальником Кубанского Войскового конно-учебного дивизиона в две сотни молодецких казаков, будущих урядников, которые должны быть разосланы по всем полкам войска, как “хребет армии” — младший командный состав.

— Ваше превосходительство... во вверенном мне конно-учебном дивизионе все обстоит бла-го-по-луч-но! — не отрапортовал, а рассказал он Походному Атаману — ласково, с приятной улыбкой и по-штатски, с поклоном, пожал протянутую руку генерала Науменко.

Должен еще сказать, что в 1910 году, когда я был вольноопределяющимся 4-й сотни 1-го Екатеринодарского Кошевого Атамана Чепеги полка, Миронов, в чине войскового старшины, был помощником командира полка по хозяйственной части, а войсковой старшина Бабиев (отец)121 был помощником по строевой части. Следовательно — служба проходила у Миронова вне строя.

На мое удивление, Гамалий мне сказал в тот же день, что, когда Науменко был хорунжим 1-го Полтавского полка, Миронов в то время был старым подъесаулом или есаулом того же полка. Это подтвердил мне и генерал Науменко уж в Нью-Йорке. Вот почему их взаимоотношения и были близкими.

Кажется, в 1925 году (в 1924-м. — П. С.) генерал Миронов из Болгарии вернулся в Россию вместе со своими двумя сыновьями, офицерами 4-й Кубанской казачьей батареи, в мирное время входившей в нашу тогда Закаспийскую казачью бригаду.

После рапорта, поздоровавшись с казаками, генерал Науменко обходил казаков, стоявших у своих коек, и, внимательно всматриваясь в глаза каждому, расспрашивал — какого полка? какой станицы? и прочее. Должен подчеркнуть, что генерал Науменко нравился казакам и он умел привлечь к себе сердца их, как и молодых офицеров.

Строя Походный Атаман не смотрел — ни пешего, ни конного. Потом попросил он офицеров в сторону от казаков и сказал приблизительно следующее:

— Сейчас идут большие дебаты в Раде о создании своей Кубанской армии. Мне, как Походному Атаману, хотелось бы знать по этому вопросу мнение господ офицеров. Как вы все на это смотрите?

Если бы наблюдательный человек посмотрел тогда в окно, как подтянуто стояли все офицеры перед своим Походным Атаманом в положении “смирно” и... не дыша — то он сразу определил бы, что никто из них, не только что в силу молодости лет некоторых, но в силу особенного воинского воспитания, запрещающего рассуждать перед высшим начальством, — никто из них ничего не ответит по существу на этот очень большой политический вопрос. Это был, конечно, вопрос политический, а не военный. И не строевым офицерам, да еще молодым, было решать его.

Если бы можно было резко, бритвой, разрезать их сердца и заглянуть в них, то можно было точно проречь: “Да! Надо! Надо иметь свою Кубанскую армию!”

Генерал Науменко спросил и ждал ответа. Мы все молчали.

— Так как же, господа? — переспросил Науменко.

Полковник Миронов по-штатски развел руками и сказал “что-то” в пользу создания Кубанской армии, но окончательно резюмировать отказался. Молчал и генерал Данилов, молчал и полковник Гамалий, молчал и я, полковник Елисеев. Зачем скрывать это, 42 года спустя, исповедуясь теперь?

Не дождавшись ответа, генерал Науменко пояснил всем нам, что “по существу дела — кубанцы должны иметь свою армию, как вот имеют донцы, но это трудно... И нам мешает в этом главное командование. Почему, чтобы не ошибиться, я и опрашиваю всех”, — закончил он, Походный Атаман генерал Науменко.

Атмосфера прояснилась. Высказались некоторые за создание Кубанской армии, подчеркнув, что это право войскового штаба решать, но не нас, строевых офицеров. Фактически вопрос повис в воздухе. Этим смотр конно-учебного дивизиона и был закончен.

Вновь тем же эскортом мы скачем назад, в Майкоп, прямо в летний клуб, на обед. На него приглашены только старшие начальники. Там нас уже ждал Бабиев, теперь генерал-лейтенант, но — все тот же, для некоторых — Коля Бабиев! Со мной он поздоровался дружески, внимательно, словно ничего и не случилось в наших воинских взаимоотношениях в Корниловском полку, и за стол просил сесть против него.

Он словно стеснялся того, что из трех присутствующих генералов¹ он, хотя и самый младший по летам, но старше их в чине, почему в своем тосте и провозгласил, что считает себя “сотником”, так как у него на погонах “три звездочки”. Это всем понравилось, и некоторые называли его “генерал-сотник”.

Обед был не пышный, но отличный. Конечно, выпивка и хор трубачей. Бабиев без лезгинки не может быть весел. Она ему нужна как приятное сладкое блюдо после обеда. Он смотрит на меня, улыбается, подмаргивает и тихо говорит, чтобы не слышали другие: “Как бы там лезгинку?” Я киваю ему, чем показываю, что “можно”. Тогда он, перегнувшись через стол, шепчет мне: “Начните Вы первым... а потом пригласите меня... я буду отказываться, так как имею большой чин и мне неудобно сразу же выскакать... но Вы обязательно вызывайте меня... и тогда уж я выскочу”.

Он называет меня по-прежнему “Джембулат”, но на “Вы”. Я не сержусь, но холодок к нему у меня остался за Корниловский полк. Да и к генералу Науменко также. Нехорошо они поступили со мной.

Все мы, офицеры, любили нашу кавказскую лезгинку. Хотя танцевали ее немногие, но смотреть ее все любили. Любили и Гамалий, и Науменко. И Гамалий, как хозяин стола (угощали уманцы), приказал трубачам “дать лезгинку”.

По кавказскому обычаю, даже самый большой любитель этого танца не может и не должен сразу же выбрасываться в нее. Нужно, чтобы его “обязательно” попросили. Иначе это не этично, не благородно. Так вышло и тогда. Я сидел за столом, словно танец меня и не касается. Но Гамалий и Науменко сразу же произнесли мое имя, то есть просят протанцевать... И я танцевал “зло и досадно”, потому что чувствовал себя все еще оскорбленным и брошенным гене-; ралами Науменко и Бабиевым в дебри тыла от радостной походно-боевой жизни, почему танцевал “злостно”. Конечно, после немногих “па” вызвал Бабиева. Он также “отказывался” вначале, но потом... выскочил из-за стола и понесся...

Дивный наш Край Казачий! И в каком мире можно видеть, чтобы, не говоря уже о чине полковника, но чтобы генерал-лейтенант мог выступить в своем народном танце?! Это можно видеть только среди народов Кавказа да кубанских и терских казаков.

Приезд в Майкоп генералов Науменко и Бабиева дал мне только огорчение, так как я еще больше почувствовал то, что я потерял на фронте... В тот же день они выехали в Туапсе и потом пароходом в Сочи.

На могиле генерала Маневского

Устроившись в доме Париновых, иду навестить вдову погибшего моего начальника¹²² и друга, Лидию Павловну Маневскую. У них был собственный домик по соседству с армянской церковью. Увидев меня, она разряжается горячими слезами.

— Жорж!., мой Жорж!., и его нет! нет!., и не будет уже никогда!.. — вскрикивает она сквозь обильно полившиеся слезы.

Я, любя искренней любовью этого выдающегося во всех отношениях кубанского офицера, моего командира сотни по Великой войне с 1914 года и благороднейшего человека и личного друга, сам так расстроился, что мне трудно поддерживать в конвульсиях бьющуюся эту молодую красивую стройную вдову и вытирать свои слезы.

Наконец успокоились. Сели. Она встает, идет в другую комнату и приносит его последнюю карточку... в гробу.

Какая ирония судьбы! Приказ о производстве его в генералы шел на фронт. Он имел уже разрешение ехать в отпуск на Кубань, как в неожиданном бою на Маныче, в районе Баранниковской переправы, в направлении станицы Великокняжеской, он выскочил верхом на курган для ориентации. Красные открыли артиллерийский огонь, и разорвавшимся снарядом он был тяжело ранен в бедро. На руках своего вестового он там же и умер, истекая кровью. Он тогда временно командовал 1-й Кубанской казачьей дивизией.

Горю молодой вдовы не было конца. И генеральские погоны на его бездыханном теле еще более увеличивали ее горе. И погибнуть таким молодым, в 37 лет от роду!..

Мы идем на его могилу. Он похоронен в ограде Введенской церкви, что против здания управления Майкопского отдела. Над свежей могилой в цветах — белого мрамора крест, на котором золотыми буквами выбито:

“Здесь похоронен Генерал-Майор Г.К. Маневский, Командир Линейной бригады, погибший в бою против красных 29 апреля 1919-го года.

Мир праху твоему, мой дорогой любимый муж”.

Мы подошли, перекрестились, стали на колени, поклонились три раза в землю, вновь перекрестились и поцеловали холодный белый мрамор креста.

Потом присели тут же на скамейке. Вдова тихо, молча льет сами бегущие слезы. Я же гримасами лица едва сдерживаю свои. И думаю — как брэнна человеческая жизнь! Маневский всю жизнь прожил так честно! Достиг отличного воинского положения! Теперь только бы жить и радоваться и ему, и его молодой красивой супруге — и вот... Он теперь и не видит, и не знает, как горестно страдают у его могилы две любящих его души! Лидия Павловна, моя сотенная командирша с 1914 года, умная женщина, она отлично понимает, как нам обоим тяжело быть здесь !

— Пойдемте, Федор Иванович... пойдемте домой! Слезами ведь ! не поможешь горю! Поплакали вот над Жориком, отдохнули, отдохнули душой и... довольно!

Вновь перекрестились, вновь поцеловали холодный белый мрамор креста и тихо, молча вышли на пустынную улицу Майкопа... В эмиграции Л.П. Маневская проживала в Америке, в Сан-Франциско.

3-й Уманский полк поездом переброшен в район Туапсе для действий против “зеленых”. Одна сотня перед Гойтсхим перевалом, остальные сотни расположились в районе станции Кривянка. В Туапсе расквартирован 3-й Запорожский полк. Им командует пожилой полковник Ратимов¹²³. Грустная картина кругом... Фактически — ни службы, ни боевых действий нет. Тускло и мрачно на душе. А главное — бесплодная жизнь. Войска идут победно на Москву, а мы здесь, в глубочайшем своем тылу, бездействуем. Решил бежать на фронт. Отлично знаю, что Гамалий меня не отпустит. Кстати — мать пишет, что предстоит молотба хлеба, а работать некому!

— Хоть бы ты прибыл, сыночек, помочь мне обмолотить. Святой хлебушко. Мне одной с детьми не справиться...

Гамалий недоволен, что я вновь прошусь в отпуск, но, зная состояние нашей семьи, отпустил.

Дома, во дворе, шла молотба ячменя котками, чтобы хороший корм был для скота, и мое прибытие в семью как нельзя было кстати.

Ровно две недели “я крутил веялку”... Думаю, многие не знают этот каторжный труд, если сам его не испытал. Помощники же у меня — мать и три сестренки. Бабушка — у печи... По току — все босиком. Я тоже...

Трудом святым здесь добывались —

Богатство, слава и покой... —

как писал какой-то казачий поэт.

В Екатеринодаре. “Гадалка”

Отмолотился. Иду через голову своего командира полка — в Екатеринодаре представляюсь Походному Атаману генералу Науменко, войдя в его кабинет с таким рапортом:

— Ваше превосходительство... Полковник Елисеев, представляюсь, желаю выехать на фронт в корпус генерала Шкуро.

К Шкуро прошусь потому, что он выбросил якобы такой лозунг: “Все обиженные — ко мне!” Я был обижен, почему и хочу идти воевать в корпусе кубанского героя, у генерала Шкуро. Кстати, он занял уже Воронеж. До Москвы осталось так недалеко...

Генерал Науменко улыбается и, выслушав мои доводы, вполне разделяя их и приветствуя, тут же выдает предписание:

“С получением сего — выехать на фронт, в г. Воронеж, в распоряжение начальника 1-й Кавказской казачьей дивизии”.

Срок выезда не указан, так как я должен вернуться еще в Уманский полк для получения расчета.

Когда прибываешь в Екатеринодар, то бывают сплошные сюрпризы. Теперь же они были особенны.

На Красной улице встречаю молодых полковников: А.И. Кравченко¹²⁴, Л.М. Дейнегу, О.И. Лебедева; тут же знаколюсь с войсковым старшиной Черешневым¹²⁵, на сестре которого женится Афоня Кравченко. Все вместе ужинаем в ресторане-погребке “Медведь”. Молодой генерал Растегаев¹²⁶ пролетел метеором...

Встречаю сверстников Гамалия по Оренбургскому училищу — Помазанова¹²⁷ и своего станичника Скрябина¹²⁸. Они выпуском на два года старше меня, но... до сих пор в чине подесаула. Мне неловко перед старшими бывшими нашими юнкерами за свой чин, но они “не ревнивы” и говорят мне, что “гордятся царскими чинами, а офицерские чины в Гражданской войне — не в счет”...

Еще больше меня удивил В.Т. Бабаев¹²⁹, геройский командир 5-й сотни 1-го Таманского полка и георгиевский кавалер. Он также окончил наше Оренбургское казачье училище еще в 1908 году и теперь, летом 1919-го, он только в чине есаула. Он также ценит “только царское производство”. Но чем он меня “убил” — так это то, как он сказал: “Я не верю в победу Добровольческой армии”.

Бедняга... Он остался в Екатеринодаре и в 1920 году был сослан на Соловки.

И еще один сюрприз... На Красной улице у Войскового собора козыряю какому-то молодому и нарядно одетому кубанскому генералу. Рядом с ним хорошо знакомый мне 1-го Екатеринодарского полка хорунжий Косякин, родной племянник известного на Кубани генерала Косякина¹³⁰, бывшего помощника по военной части у Наказного Атамана генерала Бабыча¹³¹. Косякин остановился и подошел ко мне. Генерал почему-то тоже остановился. Взяв под козырек, Косякин произносит, адресуясь ко мне:

— Его превосходительство, генерал-майор Павличенко¹³². “Так вот он... тот самый кубанский самородок-герой”, — пронеслось в голове.

Он спокойно, но не по-генеральски подает мне руку. На нем отличного защитного цвета гимнастерка и темно-синие диагоналевые бриджи с генеральскими лампасами. На ногах — хорошо сидящие горские ноговицы и чувяки. На генеральских погонах вензельная буква “Е” с короной — эмблема 1-го Запорожского, Императрицы Екатерины II полка. На голове каракулевая папаха крупного курпея черного барашка с восемью галунами по верху алого войскового цвета. Он туго затянут ремнем щегольского кавказского оружия. Вид очень нарядный. Все на нем новенькое и стильное, но он так просто смотрит на меня, словно изучая того, о котором что-то слышал. Он молчит.

— Вы получили телеграмму от генерала Врангеля? — спрашивает меня Косякин.

— От генерала Врангеля?., какую? — удивленно спрашиваю его.

— Да он же предлагал Вам должность командира его конвоя в две сотни казаков. И я, как его адъютант, сам отправил ее вам в Майкоп! Там Вас видел генерал Бабиев и рекомендовал генералу Врангелю!

Я слушаю Косякина и начинаю кое-что понимать. Значит, Гамалий, получив, перехватил ее и скрыл от меня...

— Так неужели не получили, господин полковник? — переспрашивает он.

— Первый раз слышу об этом, — отвечаю ему.

Потом Гамалий признался мне, что он действительно “перехватил” эту телеграмму и скрыл от меня, не желая расставаться со мною.

Этой случайностью я не стал участником разгона Кубанской рады в ноябре того же 1919 года...

Я обедаю в Войсковом собрании, что на Екатерининской улице, совершенно один. Против меня обедают человек восемь офицеров какого-то пехотного полка “цветной дивизии”. Они навеселе... Один из них пристально всматривается в мое лицо. Все они в обер-офицерских чинах. Всматривающийся встает, подходит ко мне и говорит: Господин полковник!.. Вы едете на фронт? Да... а что?

— Не езжайте!.. Нет!.. Дайте вначале Вашу руку — я погадаю!

— Я не верю ворожеям, — отвечаю ему.

Но он настаивает, так как в моем лице он нашел что-то его удивившее. Я согласился и дал руку. Быстро посмотрев на ладонь, потом поднял на меня глаза и твердо произнес:

— Если Вы поедете на фронт, то будете убиты!

Я не верил предсказаниям. На фронте смерть витает над каждым, и очень близко. Все могло быть, конечно, но такое безапелляционное и определенное суждение меня испугало. В кармане у меня уже лежало предписание “ехать на фронт”, и я поеду, я должен ехать. Но... отступая от Воронежа, при каждом бое или при каждой начавшейся перестрелке я всегда помнил об этом офицере- гадалке” и невольно думал: “Не сейчас ли будет конец моей жизни?!”

Это его предсказание буквально отравило меня, тем более что положение тогда на фронте было жуткое. Мы отступали от самого Воронежа с боями до самого Матвеева Кургана. Нас давила сильная красная конница Буденного. На всякий случай я сделал “завещание” и возил его с собою. Завещание было на все мое богатство братьям, Андрею и Георгию, которое заключалось в двух верховых лошадях, в двух седлах, в трех комплектах кавказского оружия и нескольких черкесках. Смешно — но это было так. И такое “богатство”, думаю, было у большинства нашего кубанского офицерства.

С моей смертью станичный пай земли в 8 десятин автоматически переходил в земельный юрт станицы. Пенсии матери — никакой...

Но... случилось все наоборот — погибла вся семья и в живых остался только я, один... Кому поведаю печаль свою?!

Пленные красноармейцы

Из Екатеринодара вернулся в полк, который был у селения Джугба, на Черноморском побережье, получил жалованье и с лошадьми и с Сальниковым прибыл в станицу. Гамалия в полку не было. Его вызвал к себе в Новороссийск генерал Кутепов.

Мать ждет паровую молотилку, чтобы обмолотить на гумне пшеницу. Все рабочие при молотилке по вольному найму, работают только “с чувала”, то есть на процентах обмолоченного хлеба, так как ценность денег падает и веры в них нет.

При станице, в крепости, многочисленная Кавказская запасная сотня казаков. Ею командует-управляет старейший наш кавказец, бывший в Великой войне командиром 3-го Екатеринодарского полка, житель хутора Романовского, где у него собственный дом, полковник Миргородский¹³³ — глубокий добрый старик и большой, широкой души казак. Чтобы помочь жителям, он разрешил казакам своей сотни артелями работать при паровых молотилках. Это была единственная мужская сила в работе при них.

Мать просит задержаться выездом на фронт и помочь ей. При молотилке до сорока рабочих. Все нанятые. Куда же ей управиться ?

Стыдно было, но иду в запасную сотню и нанимаю команду молодцев-казаков, человек двадцать, при двух подхорунжих. Все они летами моложе меня, а почему находятся в Запасной сотне — не знаю.

Машина открыла свои пары. Молотьба началась. Я вожу воду из става для паровика. Мать с детьми на кухне, в горнах, при котлах: на 40 человек еды и три раза в день. Работа кипит. И так приятен гул машины издали. Но на второй день, когда я вернулся с сорокаведерной бочкой из става на пароконке, наша машина стояла. Оказалось — пшеница была “сорная”, было много “азатков”, то есть сорных трав в ней, и все рабочие нашли, что им невыгодно работать. Они забастовали... Забастовали и казаки. Меня это задело. Моя мать в ужасе от этого. Где же достать новых рабочих?

— Бабачки-и!.. да чиво же это вы?., сдурели, што ли? — говорит она им, чуть не плача от горя. — А вы, ребяташки?., и не стыдно ли вам? — упрекает она казаков.

Но ее не хотят и слушать.

— Я вас могу заставить! — строго говорю я бабам-мужичкам. — А вам, казаки!.. Как вам не стыдно?.. Вы знаете меня, а-а?.. И я работаю как простой мужик, а вы-ы?! И почему вы не на фронте, такие молодые?

Нашу семью многие знали и в других станицах Кавказского полкового округа. Знали нас, братьев, знали о гибели отца во время восстания и о беспомощном положении женской половины семьи.

— Што вы скажете на это, подхорунжий? — не по-воински, а строго по-станичному обратился я к их жожаку.

Казаки стоят молча, смущены. Все молодые, очень подтянуты своей молодой силой, хорошие, приятные и такие родные мне лица соседней, очень богатой и хозяйственной Ильинской станицы.

— Ну, ребята, довольно!.. Верите вилы и начинайте! Вы извините нас, господин полковник! Вы говорите сушую правду! Мы продолжаем работать! — уверенно закончил он, подхорунжий, старший казачьей рабочей артели Кавказской запасной сотни.

То, как потом признался мне во Франции, в городе Виши, в 1926 —1929 годах, был подхорунжий Александр Иванович Дейнега. Об этом случае мы потом говорили с ними как о нехорошей шутке.

Работа была закончена, то есть молотба хлеба, которую ждет каждый казак-домохозяин ровно год, в чем заключалось все его богатство к существованию

— Спасибушка тебе, сыночек... ну а ежели бы я была одна? Ну, што я могла бы сделать с ними ? — говорит мне мать и от приятного волнения плачет.

Бедные наши матери и жены-казачки! Вот на кого выпала вся горечь ада революции. Мой конный вестовой, старший урядник-гвардеец Тимофей Сальников, оказался очень хозяйственным человеком,

сильным физически и добросовестным в работе. Молодец во всем. А главное — такой рассудительный. И как он работал вилами на скирдах! И как он окрысился на забастовавших казаков!

Ну а тепер Вы, Федор Иванович, и Вы, тетенька (так называл он по-станичному нашу мать), позвольте и мне поехать домой, в Тифлисскую, и помочь отцу, — говорит он за столом.

Езжай, деточка, езжай, — говорит моя мать ему, словно отпуск для Тимофея зависит от нее.

Но не только что наша мать, но и сам Тимофей (так я его звал всегда, а он меня, вне службы — по имени и отчеству) отлично знал, что он обязательно поедет в отпуск, в свою станицу, на несколько дней, помочь отцу по хозяйству.

— Кланяйся своим (я знал его отца), жене... и скажи, что я тобою очень доволен, — говорю ему.

Но он только улыбнулся в свои черные усы и большие белые зубы, словно сказал: “Странно было бы слышать обратное”... И в тот же вечер сам протянул мне руку и верхом выехал рысью за ворота на своем дивном темно-сером кабардинце. До его станицы 35 верст. Он их сделает за ночь.

В нашем фруктовом саду на кочугурах перекапывают землю шесть пленных красноармейцев. Бабушка, руководящая ими в работе, очень довольна.

— Да они и не “красные”, внучек, — говорит она мне. — Они такие добросовестные работники и такие вежливые. Они мобилизованы были в Красную армию. Саратовские они... и у них дома хорошее крестьянское хозяйство, — поясняет мне наша умная строгая и величественная во всем, любимая и глубокоуважаемая бабушка.

Я подхожу к ним в работе. Они точно знают — “кто я”. И какова наша семья. Они стараются рыть лопатами и боятся смотреть на меня.

Здорово, ребята... — тихо, по-хозяйски говорю им, одетый в станичную рубаху, вобранную под очкур.

Здравия желаем, господин полковник! — тихо и спокойно, но стесняясь произнесли они.

Они очень плохо одеты. В защитных солдатских гимнастерках и штанах, но — все оборваны... видно даже тело. Вид не замученный.

— Хорошо вас кормят, ребята? — спрашиваю.

— Да за это спасибо; с бабушкой мы все разговариваем за хозяйство, вот только обносились мы, — отвечает один и показывает на свои опорки и порванные штаны и гимнастерку.

Я им отвечаю, что в этом ничем помочь не могу и мне важно, чтобы их хорошо кормили и не обижали бы. Но на это они только улыбаются и смотрят на нашу бабушку, которая, как мать, также молча смотрит и улыбается. Я понял, что их хорошо кормят и не обижают в нашем семействе. А самый бойкий из них, краснощекий парень лет 25, вдруг говорит мне:

— Ну, зачем нас тут держать?.. дали бы винтовки, мы бы эту красную гадину в момент бы растоптали с вами! А то, вот... бесполезно это все!

Как правильны эти слова! Слова пленного красноармейца-крестьянина саратовского на Кубани... Слышал ли он о ней когда? о Кубани-то нашей? А вот мысли, взгляд — одинаковый “на красную гадину”, как он выразился.

Пленных надо было накормить, одеть, обуть, сказать им душевное слово, промуштровывать в строю и — дав оружие — поставить в строй.

Какое-то странное непонимание было тогда в “верхах”! Оружие ведь было! Сотни тысяч их брали ведь вооруженными! И сколько их было на хуторе Романовском — обносившихся, грязных, запуганных и полуголодных на богатой хлебом Кубани!., словно пленных рабов в чужой стране... Жуткий был наш тыл!

Кубанские части на фронте летом 1919 года

Кубанская армия не была организована, но на Царицынском направлении, к весне и лету 1919 года, были сосредоточены следующие строевые части Кубанского войска: 1-й и 2-й Полтавские конные полки, 1-й и 2-й Черноморские, 1-й и 2-й Кавказские, 1-й и 2-й Кубанские, 1-й и 2-й Лабинские, 1-й Таманский, 2-й Запорожский, 2-й Уманский, 2-й Екатеринодарский, Корниловский конный, Сводно-Кубанский конный, Кубанский гвардейский дивизион, 1-я и 3-я Кубанские пластунские бригады и Кубанские казачьи конные батареи. Число и номера этих батарей нигде не указаны.

Все эти части составляли 1, 2, 3 и 4-ю Кубанские казачьи дивизии.

1-й Запорожский, 1-й Уманский, 1-й Екатеринодарский и 1-й Линейный конные полки составляли 1-ю Конную (Кубанскую) дивизию, названную так со 2-го Кубанского похода.

Итого на Царицынском направлении действовали двадцать один конный полк и две бригады пластунов кубанских казаков.

“В течение Гражданской войны, организация высших кубанских соединений, несколько раз менялась. Конные части, со своей артиллерией, обыкновенно, составляли три Кубанских корпуса. Пластуны работали, почти все время, бригадами, будучи приданы конным корпусам” (Кубанский календарь 134).

Генерал Врангель в своем труде “Белое Дело” пишет:

“Через несколько дней после 7-го мая, части генерала Шкуро — 1-я Кавказская и 1-я Терская дивизии — были сведены в корпус, получивший название 3-го; 1-й, 2-й и 3-й корпуса — получили наименование КУБАНСКИХ.

Корпус же генерала Шатилова¹³⁵ был переименован в 4-й Конный”¹³⁶.

В этот 4-й Конный корпус входили: 1-я Конная (Кубанская) дивизия и Сводно-Горская, что отмечено Врангелем на той же странице, но не указано, какие племена кавказцев составляли эту Сводно-Горскую дивизию.

Кроме чисто кубанских строевых частей, на Царицынском направлении были: Черкесская конная дивизия и Карачаевская конная бригада, которые территориально принадлежали к Кубанскому войску.

На этом же направлении действовали прибывшие с Терека и Дагестана: 2-я Терская казачья дивизия, 1-я Терская пластунская бригада, Кабардинская конная дивизия, Ингушская конная бригада, Дагестанская конная бригада и Осетинский конный полк. Все эти части указаны в том же труде генерала Врангеля. Как и указано, 1-я Кубанская казачья дивизия и 2-я Терская казачья вначале составили 1-й Конный корпус¹³⁷.

Все эти части, с левофланговыми от них дивизиями Донского войска, с Астраханской Отдельной конной бригадой (казаки и калмыки Астраханской губернии) и с 6-й пехотной дивизией, образовали КАВКАЗСКУЮ АРМИЮ, под начальством генерала барона Врангеля; но еще до взятия Царицына донские казачьи дивизии влились вновь в свою Донскую армию.

В конце февраля 1919 года, после победного очищения от красных территории Терского войска, в Каменноугольный район Донецкого бассейна спешно были переброшены с Терека: 1-я Кавказская казачья дивизия генерала Шкуро, состоявшая из кубанских полков — 1-го и 2-го Хоперских, 1-го и 2-го Кубанских конных партизанских, 2-я Кубанская пластунская бригада, 1-я Терская казачья дивизия генерала Топоркова¹³⁸ и 2-я Терская пластунская бригада.

Все эти казачьи части, с частями 1-го Армейского пехотного корпуса, так называемыми “цветными дивизиями” — Корниловской, Марковской, Дроздовской и Алексеевской, образовали Добровольческую армию, под начальством генерала Май-Маевского.

Кроме того, в эту армию влиты были потом 2-й Таманский и 2-й Лабинский полки Кубанского войска, которые обозначались в войске 3-й Отдельной Кубанской бригадой. С 42-м Донским казачьим полком они составляли Казачью группу под командованием генерала Виноградова.

Итого на Украине действовали шесть Кубанских конных полков и одна бригада пластунов, а от Терского войска — четыре конных полка и одна бригада пластунов.

Всего же на внешний фронт Гражданской войны Кубанское войско выставило 27 конных полков, три бригады пластунов и 24 батареи, не считая Черкесскую конную дивизию и Карачаевскую конную бригаду.

К лету 1919 года было мобилизовано еще четыре полка казаков третьей очереди — 3-й Запорожский и 3-й Уманский, составлявшие 2-ю Кубанскую Отдельную казачью бригаду и 3-й Кавказский и 3-й Черноморский — сведенные в 1-ю Кубанскую Отдельную казачью бригаду. Эти бригады не были на фронте: запорожцы и уманцы были разбросаны в Черноморской губернии, в районе города Туапсе, против “зеленых”, а кавказцы и черноморцы в Ставропольской губернии, северо-западного ее района, также для охраны внутреннего порядка.

Столь значительные воинские силы выставили на фронт казачье население и горцы Кубани, территория коих, то есть Кубанская область, была равна территории русской губернии.

Эти цифровые данные и размер территории Кубани особенно отчетливо показывают и напряженность, и жертвенность кубанского казачества, как и психологическое состояние его в борьбе против красных.

Боевые картинки кубанских частей на фронте

Мы их занесем из источников не казачьих. Генерал Деникин в своем труде “Очерки Русской Смуты” пишет: “Мы оставили Юзо-во, Долю, Волноваху, Мариуполь. Ввиду этого коннице генерала Шкуро (1-я Кавказская казачья дивизия. — Ф. Е.), взявшего 17 марта Дебальцево, была дана задача ударить по тылам Западного фронта. В течение двух недель — с 17-го марта по 2-е апреля — он прошел от Горлова до Азовского моря, наводя страх на большевиков, разогнав, порубив и взяв в плен несколько тысяч человек, бронепоезда и другую военную добычу. Между Волновахой и Мариуполем генерал Шкуро разгромил “дивизию Махно”, полки которого, как сообщалось в донесении, “обратились в паническое бегство, бросая оружие, шубы, шинели и даже сапоги...”¹³⁹

“В этом и последующих сражениях надлежит отметить боевое сотрудничество с генералом Шкуро и оперативное руководство корпусом, его доблестного начальника штаба, генерала Шифнер-Маркевича¹⁴⁰”, — отмечает генерал Деникин¹⁴¹.

Один из командующих Красной армии А.И. Егоров об этом рейде генерала Шкуро пишет в своей книге “Разгром Деникина в 1919 году”:

“Начальные успехи 13-й красной армии и группы Махно были быстро ликвидированы конницей противника. Направленный между Волновахой и Мариуполем генерал Шкуро нанес ряд сильных ударов малоустойчивой и невысокой в моральном отношении группе Махно, и вследствие этого войска генерала Май-Маевского, в первых числах апреля, вновь занимают первоначальное положение”¹⁴².

Генерал Деникин продолжает: “1-й Армейский корпус генерала Кутепова и 1-я Терская казачья дивизия генерала Топоркова устремились на Харьков и, после пятидневных боев, 11 июня занимают город.

16-го июня, по собственной инициативе генерала Шкуро, был занят Екатеринослав”¹⁴³.

Как был захвачен город и как восприняло это его население — приведем выдержки из пространного рассказа юриста города З.Ю. Арбатова¹⁴⁴:

“С утра 12 июня, проделав какие-то маневры, показавшиеся большевикам отступательными, полковник Шифнер-Маркевич бешеным налетом под артиллерийским огнем первым влетел на железнодорожный мост через Днепр, увлекая за собою безудержную лавину разгоряченных казаков”.

“К часу дня, озираясь по сторонам, по городу разъезжали казаки... а Шифнер-Маркевич с сотней казаков помчался к станции Горяиново, чтобы отрезать большевикам путь по железной дороге, и, захватив там два эшелона красноармейцев, вернулся и город”.

“Легкой рысью проносились по проспекту сотни казаков; добродушные улыбки кубанцев, загорелые лица офицеров, часто мелькающие беленькие Георгиевские крестики на груди и бесконечный восторг, невероятное счастье освобожденных людей...”

“К обеду разнеслась весть о приезде генерала Шкуро, и улицы снова наполнились толпой.

Увидев молодого генерала, идущего впереди бесконечной ленты конных войск, толпа забыла печаль прошлой ночи... Прилив твердой веры и новые надежды охватили исстрадавшихся людей. Генерала забрасывали цветами; молодые и старые женщины, крестясь и плача, целовали стремяна принесшего освобождение генерала. И впервые, после трехнедельного молчания, зазвонили церковные колокола”...

“Шкуро, устало покачиваясь в седле, смущенно улыбался; к его простому загорелому лицу как-то не шли ярко-красные генеральские лацканы (лампасы. — Ф. Е.); и еще вчера неизвестная фамилия Шкуро сегодня стала ореолом освобождения и надеждой на восстановление Родины”.

А вот как действовали кубанские конные дивизии на противоположном фланге, на Царицынском направлении:

“На закате 6-го мая я назначил общую атаку, дав горцам, 1-м Конной дивизии и бригаде полковника Фостикова направление на станицу Великокняжескую. С начала артиллерийской подготовки я объехал фронт полков, сказал людям несколько слов, приказал снять чехлы и распустить знамена.

При построении боевого порядка всем полковым хорам трубачей приказал играть марши своих частей.

Как на параде строились полки в линию колонн, разворачиваясь в боевой порядок. Гремели трубачи, реяли знамена. Вот блеснули шашки. Пронеслось “Ура!”, и масса казачьей конницы ринулась в атаку, вскоре скрывшись в облаках пыли. Гремела артиллерия. Белые дымки шрапнелей густо усеяли небо...” — пишет генерал Врангель¹⁴⁵.

“Противник, за три дня боев, потерял около 15 тысяч пленных, 55 орудий и 150 пулеметов”, — тут же добавляет он.

А вот вторая картинка казачьей славы и страданий, по его словам:

“В автомобиле выехал в Котельниково. На всем пятидесятиверстном пути мы не встретили ни одного жилья. Безлюдная, покрытая ковылем, местами солончаковая степь

была совершенно пустынна. Красные кирпичные маленькие здания полустанков одиноко стояли в степи. За весь путь мы встретили лишь медленно тянувшийся, запряженный верблюдами арбяной транспорт с ранеными, убийственно медленно тянулись сотни верст скрипучие арбы; укрывши головы от палящего зноя, лежали несчастные страдальцы”146. Своеобразный многотысячный бивак казачьей конницы в Астраханской степи генерал Врангель описывает в поэтических тонах. Вот он:

“В ночь на 27-ое мая, перед атакой, армия ночевала в поле. Стояла тихая звездная ночь. Воздух напоен был степным ароматом. Далеко по степи раскинулись бивуаки полков. Я спал на бурке, подложив под голову подушку седла. Кругом слышались голоса казаков, фыркали кони, где-то далеко, на заставе, стучали выстрелы. Казалось, что история перенесла нас на целый век назад, в эпоху великих войн, когда не было ни телеграфов, ни телефонов — и вожди армий сами водили войска в бой”147.

Все это так красочно и выпукло пишет русский генерал о доблестных полках Кубанского войска, победно идущих на Царицын, коих под начальством генерала Врангеля было ДВАДЦАТЬ ОДИН. Но никто из кубанских генералов и старших начальников, участников этого похода, глубокого по боевой славе, остро по кровавым потерям и всевозможным невздам в солнцем спаленной Астраханской степи — никто не описал...

Но возможно, что в казачьей психологии это было самое обыкновенное дело, самое нормальное, о чем и не следует писать? Возможно...

После кровопролитных двухдневных боев, главным образом под ударами 1-го Кубанского конного корпуса генерала Покровского и 2-го Кубанского конного корпуса генерала Улагая, 17 июня 1919 года Царицын пал.

Насколько жестоки были кровавые потери, генерал Деникин пишет: “Стоил этот успех крови не малой (то есть весь поход на Царицын и взятие его. — Ф. Е.). В одном командном составе убитых и раненых было пять начальников дивизий, два командира бригад и одиннадцать командиров полков — свидетельство высокой доблести войск, в особенности Кубанцев”148.

“ 15-го июля под сокрушительными ударами группы генерала Покровского пал Камышин. В трехдневную операцию под Камыши-ном, было взято около 13 тысяч пленных, 43 орудия и много пулеметов”, — пишет генерал Врангель149, а всего за 40 дней Царицынской операции — 40 тысяч пленных, 70 орудий, 300 пулеметов150.

“После овладения Царицыном — 21-го июня 3-й Кубанская казачья дивизия под начальством генерала Мамонова, переправившись на левый берег Волги, достигла полотна железной дороги Саратов — Астрахань; своими головными частями заняла село Средне-Ахтубин-ское, где была встречена населением колокольным звоном”151, а “в середине июля, в районе Эльтонских озер, части генерала Мамонова вошли в связь с уральцами. Разъезд уральских казаков, пересекший на пространстве ста с лишним верст пустынную степь, соединился с нашими частями”152.

“На Дону царил высокий подъем. 10-го июня Донское Войско торжественно праздновало в Новочеркасске освобождение своей Земли от нашествия красных. А Армия Дона, насчитывавшая в середине мая 1919 года ПЯТНАДЦАТЬ тысяч бойцов, росла непрерывно, дойдя к концу июня до Сорока тысяч”153.

После этого знаменитый рейд 4-го Донского корпуса генерала Мамантова по тылам красных в августе месяце — Тамбов, Козлов, Лебедянь, Елец, Грязи, Касторная.

“По всему пути генерал Мамантов уничтожал склады и громадные запасы противника; разрушал железнодорожные мосты; распустил несколько десятков тысяч мобилизованных; вывел целую бригаду крестьян-добровольцев; нарушил связь, снабжение и вызвал среди большевиков сильнейшую панику”¹⁵⁴.

“Разграбление и уничтожение складов, баз и запасов Южного нашего фронта нанесли весьма тяжелые удары всему снабжению армий”, — пишет красный командующий А.И. Егоров и фиксирует, что “значение этого казачьего конного рейда генерала Мамантова было очень велико для всей операции Южного красного фронта этого периода”¹⁵⁵.

“В то время, когда Мамантов нащупывал на фронте наиболее подходящие пункты для своего обратного прорыва — конный корпус генерала Шкуро, вместе с другими добровольческими частями, продолжал наступление, — говорит в своем повествовании Егоров и потом эпически заканчивает так: — 19 сентября (6 сентября по ст. ст.) Мамантов ударил в тыл четырем нашим пехотным дивизиям, и около 10 часов в тот же день произошло его соединение с корпусом Шкуро”¹⁵⁶.

Эти два казачьих конных корпуса соединились северо-западнее станции Лиски¹⁵⁷.

После захвата города Екатеринослава 16 июня 1-й Кавказской (Кубанской) казачьей дивизией она долго и очень успешно оперировала на правом берегу Днепра в юго-западном и западном направлениях от города, совместно с 2-м Лабинским, 42-м Донским казачьими полками и Терской пластунской бригадой и левофланговыми частями Добровольческой армии. Угроза Харькову со стороны красных войск заставила главное командование перебросить спешно поездами дивизию в этот район по маршруту Полтава—Харьков—Белгород. К этому времени с левого берега Днепра сюда перебрасывают и 1-ю Терскую казачью дивизию генерала Агоева¹⁵⁸.

Из этих двух казачьих дивизий был составлен корпус, который был назван 3-й Конный. Его командиром был назначен генерал Шкуро. Генерал Шифнер-Маркевич стал во главе 1-й Кавказской казачьей дивизии. Все это произошло в первых числах августа 1919 года.

Если после занятия Камышина головные части Кубанских конных корпусов подошли по правому берегу Волги к Саратову на 80 верст, как пишет генерал Деникин¹, то в августе под нажимом красных войск был сдан и Камышин.

В центре же Вооруженных сил Юга России, как официально определялись все силы под командованием генерала Деникина по его “Московской директиве”, был полный успех.

“7-го сентября 1-й Армейский корпус генерала Кутепова взял Курск. 17-го сентября генерал Шкуро неожиданно переправившись через Дон, захватил Воронеж. 30-го сентября части корпуса, Кутепова овладели Орлом и продолжали движение к Туле”¹⁶⁰.

“В начале октября 1919 г. силы Юга России занимали фронт севернее Царицына, вверх по р. Хопру до Лиски, потом Воронеж, Елец, Орел, Чернигов, Киев”¹⁶¹.

“Состав Вооруженных сил Юга России, с мая по октябрь, возрос последовательно от 64-х до 150-ти тысяч”¹⁶².

“Из этого состава около 20-ти тысяч оставались на Черноморском побережье против Грузии и в Терско-Дагестанской области против горцев, Азербайджана и Астрахани”¹⁶³

“Этот фронт прикрывал освобожденный от советской власти район, заключавший в себе 16 — 18 губерний и областей, пространством в 810 тысяч кв. верст и с населением в 42 миллиона”¹⁶⁴, — заключает генерал Деникин.

Малиновый звон кремлевских колоколов Белокаменной, как писали тогда многие газеты, казалось, уже слышен был...

При таком состоянии фронта я выехал с Кубани в Воронеж, в 3-й Конный корпус генерал-лейтенанта Андрея Григорьевича Шку-ро, по его, возможно, мифическому лозунгу ко всем казакам: “Все обиженные — КО МНЕ!”

На фронт — к Воронежу

В последних числах сентября, погрузив лошадей на станции Кавказская, со своим конным вестовым-сверстником, бывшим старшим урядником Конвоя Его Величества Тимофеем Сальниковым, мы ждали отхода поезда на Ростов.

На этой станции нашей Кавказской станицы мы увидели толпы пленных красноармейцев — грязных, отрепанных и, думаю, голодных. Вид их был неприятный. Я даже подумал: “Отчего их не отправили в запасные батальоны. Накормив и одев — почему не использовали людской материал?”

До Ростова ехали как по родной земле. Кругом довольство, знакомые картинки и знакомые типы людей.

От Ростова поезд направили на запад, на Таганрог, и пред нами появилась чужая и незнакомая степь. На железнодорожных мостах часовые солдаты говорили нам, что здесь не совсем спокойно

Вот и Таганрог. Поезд дальше не идет, и я осматриваю этот чистенький белокаменный приморский городок, такой тихий, словно и нет войны. Здесь Ставка главнокомандующего генерала Деникина. Таганрог — родина Чехова, почему его и интересно осмотреть.

Мы в Харькове. Вновь долгая остановка поезда. Иду в город. улицы многолюдны. Много военных. Странно было видеть и слышать на углах поющих кобзарей-слепцов. На улице встречаю сотника-шкуринца в волчьей папаче. Узнав, что я еду в корпус Шкуро — он был очень активным моим проводником по городу.

Но... окончился тыл. Наш поезд вошел в прифронтовую полосу. Начиная с Валуйки и до станции Лиски наш товарный поезд шел в зоне, словно оккупированный пленными красноармейцами. На каждой станции их были толпы — грязных, голодных, предоставленных самим себе — слоняющихся, спящих тут же, апатичных, но не злобных на вид. Если бы не коменданты станций в своих красных фуражках и с погонами, как единственные представители власти, можно было подумать, что поезд движется по советской территории. Здесь, на всех этих станциях, была разбросана целая Красная армия. Мне казалось, что она, взбунтовавшись, даже и без оружия могла бы легко взять власть в свои руки.

Вся эта масса пленных, предоставленных самим себе, явно голодных, вызывала во мне человеческую жалость к ним, как и возмущение нашими порядками в тылу.

На одной из больших узловых станций вижу длинные пассажирские составы поездов. В вагонах яркое освещение. В них много офицеров и сестер милосердия. Звучит пианино. Я впервые вижу подобное зрелище в прифронтовой полосе, почему и спрашиваю первого попавшегося офицера-добровольца в цветной фуражке:

— Что это?

— Это поезд N-ского полка! — отвечает он отчетливо, как о нормальном явлении.

Стоит и еще один поезд, но в нем большинство товарных вагонов. Пассажирские вагоны не так ярко освещены.

— Это поезд генерала Шкуро... — докладывает мне казачья папаха.

— Кто его начальник?., и где он? — спрашиваю папаху в темноте ночи.

Передо мною вырастает фигура хорунжего в волчьей папахе. Он хотя и отчетлив, но во всем виден простой служака.

— Генерал Шкуро проследовал вперед в одном вагоне, а поезд он оставил здесь, со всеми запасами для своего корпуса, — докладывает он мне.

Все вагоны на замках. Видимо, интендантство. А что в них — не известно. Хорунжий с казаками — страж поезда.

Этот перегон в 200 верст, с бесчисленными толпами пленных на станциях, с крестьянами-мешочниками, с убогими женщинами-крестьянками, также мешочницами, с полным произволом над ними едущих белых воинских чинов, отбирающих у них муку лично для себя, произвел на меня удручающее впечатление. Мы ехали будто по зачумленной зоне, объятай уже голодом, карательными отрядами и произволом. И это было в самом ближайшем тылу фронта, где все должно быть точно и крепкая поддержка. И я вспомнил, с каким удовольствием и радужными надеждами там, в тылу, смотрели многие, и я лично, на передвигающуюся “линию фронта” на больших картах, показываемую толстым шнуром агитационных пунктов... И этот толстый шнур, обозначавший на карте “передвижение вперед, к Москве красной, фронт белых войск”, был словно нашей живой артерией. И его передвижение вверх, на север, было так приятно!..

Его передвинули... но никто там, в тылу, не знал, а может быть, и не хотел знать — что же дала белая власть тем, кто остался теперь к югу от этого магического толстого шнура?

У меня в душе от всего этого сложилось нехорошее чувство. И это чувство было — чувство страха перед пустотой.

Вот так знакомая мне станция Лиски. Сколько раз мы, юнкера, проезжали этот длинный низенький железнодорожный вокзал, где должна быть нам пересадка!

И хотя здесь всегда было грязно, на перроне всегда была давка от празднующей молодежи, а позади вокзала было грязное село-городок, откуда неприятно пахло кислыми крестьянскими щами, — мы были всегда так рады, достигнув из Оренбурга этой станции

Лиски. За нею вскоре начинались земли войска Донского, и мы вступали в свой казачий рай, где даже и кизячий острый запах из дымившихся труб был так дорог и приятен.

И вот теперь я на этой нашей “милой юнкерской станции Лиски”. Но ее не узнать! Вихрь разрушения войной прошел здесь особенно остро. Узловая железнодорожная станция каждому врагу нужна. Она, видимо, упорно защищалась красными. Постройки сильно пострадали от артиллерийского огня. А через Дон подорван мост. Сейчас ее занимают небольшие донские части и немного терских казаков. Отсюда и до самого Воронежа тянется фронт. Вдали слышны орудийные выстрелы. Конные донские казаки, с полным седельным вьюком, в серых шинелях, на крепких лошадях, следовали на восток. За ними шли двуколки, нагруженные мешками и фуражем. Было уже холодно. Наступил октябрь месяц. Дул холодный восточный ветер. Было серо-серо и неуютно кругом. И вся эта суровая картина войны предстала передо мною во всей своей неприглядной наготе. Я уже отвык от нее, так как не был на фронте ровно пять месяцев. Да и весенний фронт в ставропольских и астраханских степях, когда ярко светит согревающее солнышко, растет и радуется трава, щебечет жаворонок в поднебесье и казак-воин радостно снимает с плеч свой кожух и ввязывает в торока седла, — это совсем не то, что вижу я теперь, по осени.

И путь наш “до Москвы” показался мне бесконечно долгим, трудным и совсем не тем, каким казался в вечно праздном и ликующем Екатеринодаре.

Железнодорожный мост через Дон взорван красными, но не сильно. “Быки” все целы, и только на первом пролете, у самого берега, взорвана передняя часть рамы. Ее уже починили. Комендант станции доложил, что путь до Воронежа не безопасен от красных. И генерал Шкуро, возвращавшийся из отпуска с потушенными огнями и на авось, в одном вагоне при паровозе, ночью выехал в Воронеж и прибыл туда благополучно.

Инженер, осмотревший починенный мост и тяжесть нашего состава поезда, черепашим шагом пропустил его через мост, и мы к ночи двинулись также на Воронеж. Это было 5 октября 1919 года.

В Воронеже. Генерал Шкуро

Наш товарный поезд благополучно дошел до сортировочной станции, что в 7 верстах на восток от Воронежа.

Еще далеко до прибытия на эту станцию — мы обратили внимание на северо-восток, на движущиеся к Воронежу конные и пешие толпы людей, раскинувшиеся по полю, насколько хватал глаз человека. А кто они — мы не знали. И лишь когда остановился наш поезд и должен был менять паровоз, мы увидели “передовых людей” всей этой неизвестной мешанины. Это, оказывается, отступали некоторые части 3-го Конного корпуса генерала Шкуро, после боя с красной конницей Буденного под Усмать-Собакино. Пешие же люди были местные крестьяне, которые, с котомками за плечами, в лаптях и в своих бурых кафтанах старорусского покроя, уходили от красных, бросив свои семьи и пожитки на местах.

Отступавшие одиночные казаки без строя и без своих частей сказали нам, что красная конница двигается непосредственно за ними и вот-вот будет здесь...

Паровоз долго не подавали. Становилось жутко от неизвестности. Но вот вышел из депо главный путейский инженер в черном щегольском пальто, с генеральской зеленой подкладкой на нем — солидный, с барской осанкой и седеющей бородой. Он был в

большом гражданском чине. Паровоз был подан и, схватив состав, безо всяких правил потащил нас в Воронеж. С нами уехал и инженер-инспектор. Это был последний поезд из Лисок. К вечеру хозяева положения здесь были уже красные...

Наш поезд, как прибывший с сытного юга, немедленно же окружили жители голодного города, чтобы что-то купить у мешочников. Среди них много учащейся молодежи. Вид всех грустный. Я попал в неведомый мне край по жизни, по настроению людей...

Вдруг над городом разорвалось, высоко в небе, несколько шрапнелей красных. И если для меня это было так неожиданно, то для тех, кто пришел к вокзалу купить что у мешочников, оказалось нормальным явлением: они продолжали свой торг с мешочниками, покупая главным образом муку. Мы же, быстро выгрузив своих лошадей, широкой рысью двинулись по городу к “штабу Шкуро”. Его мы очень скоро нашли. Он помещался на Дворянской улице, кажется, в “Центральной” гостинице.

Мы там... Но я ужаснулся тому, что увидел: нас, верховых, прижал к южной стороне улицы поток повозок, отходящих пешком крестьян и разрозненных конных казаков, по разным причинам отколовшихся от своих частей. Все шли куда-то... Обозы нервно торопились, крича и погоняя своих лошадей. У верховых казаков худые лошади и у многих не верхового сорта, а крестьянские, видимо обмененные на своих, загнанных долгими походами и боями.

У многих казаков лошади в сплошной болотной тине до тебеньков седла и длинные хвосты коней, слипшись сплошным жгутом, подло болтались между задних ног.

А вот идут две пары артиллерийской упряжки в хомутах, на загнанных мокрых лошадях и... без орудия. Видимо, это двухпарная упряжка от зарядного ящика, который застрял где-то в болотной трясине, так как все лошади в сплошной тине со шлеями вместе. Но лица всех отходящих верхом казаков были спокойные; они не торопились и все были вооружены шашками и винтовками. Одеты были уже по-зимнему. Но печать усталости от непрерывных походов и боев ярко обозначалась на всем виде всадников.

Подо мною и урядником-гвардейцем Сальниковым лощеные лошади. Мы в черкесках и при погонах стоим верхами, прижатые этим потоком людей к тротуару. Мы не знаем — что же нам делать? Вдруг на балконе гостиницы быстро появился генерал Шкуро. Он в черной черкеске, в блестящих генеральских погонах и без папахи.

— Куд-да?! куд-да вы?!, кто вам позволил?!, отступить?! Конвой!., волки!., в плети их!

На его глаза попалась и моя фигура на рослой красивой лошади.

— Полковник!.. Задержите всех этих казаков!.. Да скорее!.. И отведите назад в их части!
— очень быстро и запальчиво выкрикнул Шкуро всю эту тираду слов и быстро вернулся назад.

Он, видимо, имел телефонный разговор с кем-то. Тут же против меня немедленно открылись ворота, и оттуда быстро выскочил взвод пеших казаков-волков”, конвой Шкуро в волчьих папах. Они вихрем “перерезали” улицу и совершенно бесцеремонно стали хлестать плетью и лошадью, и казаков, кто хотел проскочить “их цепь”. Воспользовавшись этим, я уже смело команду-распоряжаюсь:

— Стройся вот сюда!.. Пристраивайсь!.. Живее!

И через несколько минут уже появился строй конных казаков, человек в 120. Шкуро опять показался на балконе и крикнул мне:

— Полковник!.. Ведите их вперед, в село (он назвал это село), к генералу Губину!¹⁶⁵ — и опять скрылся в свой штаб.

Где это село?.. кто такой генерал Губин? — я ничего не знал, но нервная нетерпеливость Шкуро не позволила мне размышлять. Думаю — в дороге от урядников узнаю, где это село и кто таков генерал Губин.

С темнотою ночи я прибыл в назначенное село Острожко. Оба начальника дивизий корпуса Шкуро — 1-й Кавказской казачьей генерал Губин и 1-й Терской казачьей генерал Агоев Владимир — были на колокольне церкви. Взобрался туда и представился высокому мясистому Губину. Рядом с ним стоял небольшого роста и хорошо сложенный Агоев. Последний в чевяках и в мелких галошах. Вид его — типичный горец — изящный, легкий, подвижный и щегольский. Одет он был так, словно собрался на бал. Мне он напомнил генерала Колю Бабиева.

От него я узнал, что красная конница Буденного нанесла их дивизиям два удара под городом Усмани-Собакино 1 и 5 октября и они отступили. Убиты начальник штаба Терской дивизии (фамилию не помню) и командир 2-го Хоперского полка полковник Беломестнов¹⁰⁰.

С Губиным и Агоевым я вернулся в Воронеж и на ночь расположился в офицерской столовой “Центральной” гостиницы, где находился штаб генерала Шкуро. Это было 6 октября.

7 октября — легкий завтрак офицеров разных команд штаба корпуса — кто, когда и как хочет и что у кого есть съестного. Я сижу один. Все офицеры в младших чинах из бывших урядников.

Встать!.. Смирно!.. Господа офицер-ры! — подалась команда. Обернувшись, я увидел генерала Шкуро. Он был в волчьей папахе и в нарядной светло-серой николаевской шинели с пелериной на дорогом меху. Вздернувшись со стула, подошел к нему, остановился и отрапортовал:

Ваше превосходительство... Полковник Елисеев — представляюсь, назначен в Ваш корпус.

Шкуро глубоко испытывающе посмотрел мне в глаза, подал руку, сказал “хорошо” и просил меня зайти к нему в кабинет после завтрака.

Я у него в кабинете. Предъявил предписание Походного Атамана генерала Науменко.

— Да-да... Кубанская ведь дивизия здесь одна. Вы будете назначены в распоряжение начальника 1-й Кавказской казачьей дивизии. А пока что я прошу Вас проехать в тыл корпуса, за Дон, это верст десять на запад от Воронежа, и собрать всех безлошадных казаков корпуса... Из них надо сформировать пеший батальон... и я назначаю Вас командиром этого батальона...

Я слушаю и не верю своим ушам... Я — “командир пешего батальона”? Хотел отказаться, уклониться от этой странной для меня и миссии, и должности, но Шкуро просит: “Вначале исполнить это, а там дальше — видно будет!”

Мы вышли с ним в общую просторную залу-гостиную, как к нам навстречу шли два командира полков — 2-го Кубанского конного партизанского полковник Михаил Соламахин и 1-го Хоперского — полковник Юра Ассиер¹⁶⁷, которых я так давно хорошо знал и любил. Они оба в бурках и в “волчьих папах” подходили скорым и бодрым шагом, явно с каким-то важным докладом. Юра Ассиер как юнкер щелкнул каблуками и взял под козырек перед Шкуро, а Соламахин — вольготно и с улыбкой предстал перед Шкуро.

Их полки стоят под Графской. Они почти изолированы, почему и просят оттянуть их к Воронежу. Они титулуют Шкуро “Ваше превосходительство”, Шкуро их называет ласково — “Миша, Юра” и на “ты”. Мне это понравилось.

Шкуро слушает их и успокаивает, что “это есть временная неудача”; говорит, чтобы они возвращались немедленно же к своим полкам, и отпускает их.

Они подходят ко мне и обнимают. Юра очень рад, по-детски рад, что я прибыл в их корпус; забрасывает вопросами и просит на службу в свой полк, но я его “расстраиваю” назначением батальонным командиром... Соламахин мило улыбается на мои слова и успокаивает, что это назначение, конечно, временное. Об этих отличных кубанских офицерах подробно скажу по событиям.

“Казачий пеший батальон корпуса”

7 октября, по телеграмме главнокомандующего генерала Деникина, Терская дивизия спешно, поездами, была отправлена в тыл, так как “батько Махно” захватил почти всю Екатеринославскую губернию и подходил уже к Таганрогу, к ставке Деникина. В тот же день я выехал собирать безлошадных казаков. Обозы 1-й Кавказской казачьей дивизии сосредоточились за Доном, верстах в десяти от Воронежа. В селе, в котором они находились, было много беженцев из Воронежа. Из учащейся молодежи какой-то офицер формировал роты.

При обозах действительно было много безлошадных казаков. У каждого из них было седло, сумы и винтовка. Конечно, неизменная бурочка и шуба.

Куда казаку девать этот груз? — думал я. Оставить седло и сумы в обозе — конечно, все это пропадет со временем. И каждый казак никогда не согласится на то, чтобы эти дорогие для него собственные вещи военного снаряжения отдать в ненадежное хранение.

Собрал я подобных казаков несколько десятков и не знал — что же с ними делать? И будет ли от них какая-нибудь польза? И одно было ясно, что надо достать для них лошадей. Но где? Воронежские крестьяне бедны. Семьи у них большие. А хозяйство — одна лошаденка да одна-две коровенки...

Все казаки, потерявшие своих лошадей в боях и предоставленные самим себе — они, естественно, шли в свои полковые обозы, жили по крестьянским хатам, там же как-то питались и следовали за обозом, как за путеводной звездой.

Никогда нельзя винить в дезорганизации армии нижних чинов и рядовое офицерство. Организация армии зависит от высших штабов, вернее, от того, кто возглавляет это дело, будь то полк, дивизия, корпус.

Когда я находил где-нибудь еще какую группу казаков, они неизменно окружали нас с урядником Сальниковым, всматривались в глаза незнакомым им людям, любовно рассматривали наших холеных и красивых лошадей, гладили их, и я замечал волнение и зависть в их глазах, что “вот, дескать, вы на лошадях, а мы — пешие, почему и несчастные”. Все были послушны и просили лошадей. Мне было жаль их.

Найдя формирование пешего батальона совершенно невозможным, решил вернуться и доложить все Шкуро.

Воронеж был сдан без боя 11 октября. Поезд генерала Шкуро я нашел на какой-то маленькой станции. При Шкуро никакого штаба. Десятка два сестер милосердия пили чай в станционном вокзале и угощали им “Андрей Григорьича”, как они называли Шкуро. У всех были встревоженные лица.

Доложив о своей неудачной миссии, я услышал от него:

Что же делать?

Достать лошадей и посадить на них казаков, — коротко ответил ему.

Хорошо... тогда поезжайте в села и реквизируйте лошадей у крестьян, — ответил он.

— Слушаюсь, Ваше превосходительство, позвольте получить аванс ?

— Аванс?.. Плату за лошадей? — удивленно отвечает он. — Денег у нас нет... Вы будете реквизировать бесплатно... Крестьяне должны помочь армии, России, — добавил он. — А впрочем, можете выдавать от себя квитанции, — закончил он.

Подобное распоряжение меня больше чем удивило. Для нужд какой армии и для какой России крестьяне должны жертвовать последним своим достоянием? — думал я тогда. Существовало в действительности две армии и две России. Белая и красная. Обе России и обе армии реквизируют все у крестьян бесплатно, где же правда? И в чем она заключалась для крестьян? И кого они должны поддерживать? Получался заколдованный круг для них, а для меня — приказ высшего начальства. Получив предписание, с четырьмя казаками-хоперцами я выехал куда-то на запад.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

Во всех государствах после каждой войны, победной или не победной, изучаются военные действия своей армии и действия армии врага. Изучаются события, состав армий, вооружение их, причины войны, ошибки и удачи старших военачальников, и делаются выводы: почему так случилось, что одна сторона проиграла, а другая выиграла войну?

Все это изучается по возможности беспристрастно, как анализ событий.

Военное дело есть специальная наука, вечно прогрессирующая, как и другие науки — техника ли, медицина ли и прочие, но более серьезная. Серьезная до трагизма, так как побежденная армия может привести к полному краху свое государство, свой народ и его свободное существование, которые она, армия, не могла защитить, отстоять. За примерами далеко ходить не надо — мы живые свидетели жуткой гибели не только что

национальной России и своего кровного многовекового казачества, но свидетели гибели и других государств.

Поражение двух прославленных казачьих конных корпусов генералов Мамантова и Шкуро в октябре 1919 года под Воронежем в моем молодом существе тогда вызвало горькую и оскорбленную боль “за казачью силу”, не забываемую доселе, почему и постараюсь осветить этот вопрос, руководствуясь возможными источниками.

На фронте Донской армии под Воронежем

По данным донского штаба, на 5 сентября 1919 года в Донской армии было: 21 пехотный (пластунский) и 52 конных полка. Всего — 20 с половиной тысяч штыков, 19 тысяч шашек, 175 орудий и 724 пулемета, действовавших против 8-й, 9-й и 10-й красных армий, которые по своей численности вдвое превышали силы Донской армии¹⁶⁸.

К средним числам сентября 1919 года фронт красных шел от Воронежа (занимая и Воронеж) до Павловска по правому, западному, берегу Дона. У Павловска он переходил на левый, восточный, берег и тянулся до города Лиски и потом по реке Хопер, до впадения его в Дон, у дуги перед Царицыном.

В последних операциях красные армии вновь заняли северные округа Донского войска — Хоперский и Усть-Медведицкий. Для очищения их от красных требовалось разбить 8-ю и 9-ю советские армии.

В средних числах того же сентября под ударами 3-го Конного (Кубано-Терского) генерала Шкуро, 4-го Донского корпуса генерала Мамантова — 8-я армия у города Коротосяка была отброшена за Дон, а “14 сентября, прорвав фронт 12-й стрелковой дивизии 8-й армии у города Боршова и переправившись через Дон — 4-й корпус Мамантова вошел в район Левая Роскошь”¹⁶⁹, — пишет командующий Южным красным фронтом, бывший полковник старой Русской армии А.И. Егоров. Это начался второй рейд Мамантова по тылам красных.

“В результате потери Воронежа (17 сентября), сильнейшего нажима белых по всему фронту армии, и особенно в центре и на фланге, нахождение в тылу рейдирующего корпуса Мамантова, а равно и в силу отсутствия всякой связи с соседними и высшими штабами, при полном истощении припасов всякого рода — армия потеряла возможность не только наступать, но (потеряла возможность) и оказывать какое-либо противодействие угрозе обхода противника”¹⁷⁰ — так пишет А. Егоров о действиях казачьей конницы под Воронежем, о новом рейде генерала Мамантова и о состоянии частей Красной армии его фронта.

Похвальное признание противника — дороже похвалы друга. И он продолжает: “Мамантов успел сделать налет на Таловую (захватил ее 17 сентября в тылу у красных. — Ф. Е.), чем сорвал, как мы видели, наступление 9-й армии и облегчил, в свою очередь, наступление Донской армии”.

Надо отметить, что от Боршова и до Таловой около ста верст. С боями Мамантов прошел это расстояние в три дня.

“К 21 сентября, возвращаясь к Воронежу на соединение с корпусом Шкуро — Мамантов находился в районе села Московского. Таким образом, отходящим правофланговым нашим пехотным дивизиям пришлось встретиться при своем отходе с Мамантовым,

вследствие чего отход совершался медленно и с большими потерями. Только 24 сентября дивизии выходили на назначенный рубеж реки Игорец, пройдя за 11 дней всего 50—55 верст”171.

“За время 2-го рейда по тылам красных — 4-й Донской корпус Мамантова взял в плен 8 тысяч красноармейцев”, — кратко говорит сводка Донской армии172.

“23 сентября частями 3-го Донского корпуса был захвачен так долго неприступный железнодорожный узел Лиски”, — указывается там же.

В телеграмме командующего Донской армией генерала Сидорина на имя генерала Деникина донесено следующее:

“Только за время с 25 августа и по 20 сентября Донская армия взяла 25 тысяч пленных, 24 орудия и 162 пулемета”173.

На это генерал Деникин ответил 24 сентября: “Сердечно благодарю Вас и прошу передать доблестным частям генерала Мамантова и генерала Шкуро мою искреннюю благодарность за их последнюю работу, закончившуюся разгромом частей 8-й советской армии и захватом важного железнодорожного Лискинского узла”.

Все это взято из сводок Донской армии, помещенных в “Трагедии Казачества”174.

“22 сентября 4-й Донской корпус был в 30 верстах к юго-востоку от Воронежа, где и соединился с 3-м Конным корпусом генерала Шкуро”.

В конце сентября генерал Мамантов выехал в Новочеркасск, чтобы доложить войсковому кругу о своем рейде на Тамбов. Почти одновременно на Кубань выехал и генерал Шкуро. Выехал туда и его начальник штаба генерал-майор Шифнер-Маркевич. Временно командующим 4-м Донским корпусом был назначен генерал Секретев175, а вр. командующим 3-м Конным (Кубано-Терским) корпусом — генерал Губин, начальник 1-й Кавказской (Кубанской) казачьей дивизии176.

Отъезд трех генералов оказался роковым для этих корпусов.

Это было “в стане белых” на левом фланге Донской армии Теперь проследим по книге А. Егорова “Разгром Деникина”, что было на этом же фронте в стане красных?

Конный корпус Буденного

“В это время корпус Буденного был сосредоточен в станице Казанской Донского войска на левом (восточном) берегу Дона, с задачей: переправиться через Дон и ударить в юго-восточном направлении по тылам 2-го и 1-го Донских корпусов в разрез Донской и Добровольческой армий. Операция назначалась на 17 сентября”.

“Узнав о новом рейде Мамантова, Буденный нарушил приказ своего командующего юго-восточным красным фронтом Шорина, самовольно повернул свой корпус на север и двинулся к Таловой, которая находилась в 150 верстах от станицы Казанской, чтобы разбить корпус Мамантова”.

“Следуя за Мамантовым, Буденный, пройдя Таловую, двинулся дальше на север до села Тулина, пройдя 250 верст за 10 дней. Отсюда он двинулся на Усмань-Собакино и

Графскую, где и произошла встреча с двумя казачьими корпусами — Мамантова и Шкуро”177.

Егоров пишет, что корпус Шкуро по занятии Рамонь-Графской стремился на север, на Усмань, и далее на Грязи, о чем говорят и сводка Донской армии, и генерал Деникин. Мамантовский же корпус стремился держать связь со своим правофланговым 3-м Донским корпусом, на юго-восток, разбросавшись по фронту на 50 верст. И продолжает:

“Конному корпусу Буденного приказано: с приданными ему кавалерийскими частями 8-й армии разбить эту конницу противника и способствовать своими активными действиями 8-й армии при выполнении ей поставленной задачи — вновь выйти на линию реки Дона”.

“Однако Буденный не без основания считал невозможным оставить у себя в тылу и на левом фланге такого активного противника, как Мамантов, и, желая в то же время облегчить положение своих 12-й и 13-й дивизий, ставил своей ближайшей целью разбить и отбросить Мамантовский корпус”.

“1 октября, в районе с. Московского, Буденный вступает в единоборство с Мамантовым и постепенно теснит его части на северо-запад. Последние отходят к Воронежу”.

“Но на левом фланге, — продолжает Егоров, — обстановка складывается крайне неблагоприятно для армии: части 3-го Донского корпуса развивали свой первоначальный успех, и 9-я армия откатывалась все дальше и дальше к северо-востоку и востоку, увлекая за собою и фланги 8-й армии”.

“6 октября Буденный подошел к рубежу Ново-Усмань. В 7 часов утра 12 полков противника повели наступление. Завязался ожесточенный и упорный бой, длившийся до глубокой ночи. В результате боя белые были опрокинуты. Буденный подошел к Воронежу. На следующий день конный корпус вновь переходит в наступление, но белые сумели за ночь организовать сопротивление, и бой не увенчался успехом”178.

Как указано в брошюре-тетради № 1, генерал Шкуро спешно Вернулся с Кубани в Воронеж 5 октября, следовательно, 6 октября он руководил обоими корпусами — своим и 4-м Донским. Генерал Мамантов был на Дону.

Неожиданные события в тылу. Восстание Махно

Оперативная сводка Донской армии о боях под Воронежем коротко повествует так: “6 октября противник обрушился по всему Воронежскому фронту большими массами конницы. В результате упорных боев наша конная группа отошла на фронт Масловка—станция Передаточная — село Отрожка. Нами потеряны 3 орудия, больше 10 пулеметов и бронепоезд “Генерал Гу-сельщиков”179.

О действиях 3-го Конного корпуса генерала Шкуро, в который входили 1-я Кавказская казачья и 1-я Терская казачья дивизии, нигде и ничего не отмечено в эти роковые дни под Воронежем. Но отмечено следующее:

1. 25 сентября командующим Донской армией генералом Сидориным получена из Таганрога, из ставки генерала Деникина, следующая телеграмма: “Немедленно направить на станцию Волноваха одну из конных дивизий корпуса генерала Шкуро”.

Узловая станция Волноваха, по птичьему полету, находится в 50 верстах к северу от города Мариуполя (Ф. И.).

В тот же день получена следующая телеграмма: “Из Донской армии направить в Волноваху, спешно и кратчайшим путем, 1-й саперный батальон”.

26 сентября получена и еще телеграмма из ставки: “Срочно перебросить в район Волновахи из Донской армии одну конную бригаду. Перевозку надлежит произвести полным напряжением”.

27 сентября вновь требование из ставки: “Немедленно перебросить в район Волновахи одну конную бригаду с батареей”.

28 сентября новое напоминание-требование: “Принять все меры к ускорению переброски Терской дивизии и Донской бригады в тот же район”.

Донская бригада полковника Морозова была переброшена, как 4 октября получено было новое распоряжение: “Минуя всякие препятствия, завтра, 5 октября, двинуть Терскую дивизию на юг, в распоряжение генерала Ревина180”.

6 октября получена телеграмма за подписью самого генерала Деникина следующего содержания: “По последним сведениям, Горско-Моздокский полк находится в бою восточнее села Давыдовка (по карте село Давыдовка находится в 50 верстах южнее Воронежа. — Ф. И.), а Волгокий полк опять введен в дело у Воронежа. Приказываю немедленно вывести дивизию из боя и спешно вестить. Махновцами заняты Александровск, Мелитополь, Бердянск, и сегодня они ведут наступление на Мариуполь. Преступление задерживающих дивизию ничем оправдано быть не может. (Таганрог, 6 октября, 4 часа утра. Деникин)”.

“6 октября Мариуполь занят махновцами. Главком приказал принять исключительные меры для ускорения прибытия Терской дивизии. Начштаба приказал отыскать во что бы то ни стало 2-ю бригаду Терской дивизии и спешно направить ее по назначению. Для восстановления связи с ней использовать все средства включительно до самолетов и отдельных паровозов (ген. Плюшевский-Плющик181)”.

Требования повторялись: “Главком приказал теперь же перебросить в его распоряжение Терскую бригаду со всей артиллерией (ген. Романовский, 7 октября. Таганрог)”.

7 октября командующий Добровольческой армией генерал Май-Маевский телеграфирует генералу Шкуро о категорическом требовании генерала Деникина: “Немедленно, минуя всякие препятствия, отправить Терскую дивизию в распоряжение генерала Ревина”. При этом сообщает, что “для расследования причин задержки дивизии отправляется генерал Лихачев”.

8 октября генерал Май-Маевский телеграфирует вновь Шкуро, копия генералу Сидорину: “Мариуполь занят махновцами, что создает уже угрозу ставке. Надеюсь, что ввиду такой обстановки, несмотря на известное мне трудное условие, в котором Вы находитесь до подхода частей Мамантова, все же, со свойственной Вам энергией, примете немедленно и решительно все меры к тому, чтобы Терская дивизия была переброшена к генералу Ревизинову в наикратчайший срок”.

На эти тревожные телеграммы из ставки, из Таганрога, генерал Сидорин ответил: “Приказал произвести посадку на Лихую из Кантемировка мой единственный резерв Тульскую пехотную бригаду. Вместе с тем докладываю, что 1-й эшелон Горско-Моздокской бригады отправлен на станцию Лиски сегодня в 17 ч. 30 м. по назначению. Погрузка бригады закончится утром 7 октября”. Судя по этой телеграмме генерала Сидорина, одна бригада 1 -и Терской дивизии действовала в 50 верстах от Воронежа к югу и, следовательно, в боях под самым Воронежем в критические дни не участвовала.

6 октября Буденный к вечеру занял станцию Передаточная, что перед Воронежем в 7 верстах к востоку, чем и отрезал железнодорожный путь на юг к Лискам, где 7 октября и грузилась одна из бригад Терской дивизии. Вторая бригада с генералом Владимиром Агоевым по железной дороге двинулась на запад, через узловую станцию Касторная, направляясь потом на юг, в Волноваху. О Махно генерал Деникин пишет в своем труде так: “13 сентября [1919 года] Махно неожиданно поднял свои банды и, разбив и отбросив два полка генерала Слащова¹⁸², двинулся на восток, обратно к Днепру. Движение его совершалось на сменных подводах и лошадях с быстротою необыкновенной: 13 сентября — Умань; 22-го — Днепр, где, сбив слабые наши части, наскоро брошенные для прикрытия переправ, Махно перешел через Кичкасский мост, и 24 сентября он появился в Гуляй-Поле, пройдя в 11 дней около 600 верст”¹⁸³.

О столь неожиданном восстании Махно в глубочайшем тылу армии, почти за 400 верст от Воронежа, генерал Деникин повествует:

“В начале октября в руки повстанцев попали Мелитополь, Бердянск, где они взорвали артиллерийские склады, и Мариуполь, в ста верстах от ставки, Таганрога.

Повстанцы подходили к Синельникову и угрожали Волновахе, нашей артиллерийской базе. Случайные части, местные гарнизоны, запасные батальоны, отряды государственной стражи, выставленные персонально против Махно, легко разбивались крупными его силами.

Положение становилось грозным и требовало мер исключительных. Для подавления восстания пришлось, несмотря на серьезное положение на фронте, снимать с него части и использовать все резервы.

В район Волновахи сосредоточены были: 1-я Терская казачья дивизия, Чеченская конная дивизия и Донская казачья бригада”.

Как происходили бои против Махно — не описано, но генерал Деникин продолжает: “К 10 ноября весь левый (восточный) берег нижнего Днепра был очищен от повстанцев. Махно, с большой бандой, перейдя Днепр, бросился к Екатеринославу и взял его... С 14-го по 25 ноября злополучный город трижды переходил из рук в руки, оставшись, в конце концов, за Махно!”¹⁸⁴

Кроме этих частей, указанных генералом Деникиным, против Махно действовали тогда: 42-й Донской казачий полк, 2-й Таманский полк, 2-й Лабинский полк, 2-я Кубанская пластунская бригада генерала Геймана и 2-я Терская пластунская бригада. Всего девять конных казачьих полков и две бригады пластунов, не считая Чеченской конной дивизии и других частей Добровольческой армии.

О первоначальных действиях против Махно в Заднепровье, между Херсоном и Уманью, очень хорошо написал бывший тогда командир артиллерийского взвода поручик Г. Сакович, приданный с орудиями к 42-му Донскому и 2-му Таманскому полкам¹⁸⁵.

Какой-то злой рок висел над Белым движением. Но рок ли? В мое описание не входит разбор их, а только даются разные факты, как на фронте, так и в тылу. Но в переломный период жестоких боев снять с главного фронта шесть полков казачьей конницы и послать их в глубочайший тыл против повстанцев, то — где же были резервы? Да и были ли они? И почему были восстания? И почему их не было в казачьих областях-краях?

“Одна Кубанская бригада была снята с Царицынского фронта и переброшена в Екатеринодар, ввиду событий в Раде”, — пишет генерал Деникин¹⁸⁶.

“20 тысяч оставалось на Черноморском побережье против Грузии и в Терско-Дагестанском крае против горцев, Азербайджана и Астрахани”¹⁸⁷.

Закроем эту печальную страницу и проследим, как действовал Конный корпус Буденного под Воронежем в эти дни, по его книге “Пройденный путь”.

Что пишет Буденный

“21 сентября в районе Таловой появился самолет. Летчик вылетел из Воронежа с задачей найти Мамантова в треугольнике Таловая—Бобров — Бутурлиновка и передать ему приказ генерала Сидорина и письмо от генерала Шкуро. Ошибочно летчик опустился в районе корпуса. Приказ Сидорина и письмо Шкуро были изъяты и открыли нам планы действий (белых)”¹⁸⁸.

Буденный отмечает, что он не знал о точных силах корпусов Мамантова и Шкуро, почему и медлил в наступлении на Воронеж, чем вызвал большое недовольство среди командного и политического состава своего корпуса. Ему пришлось собрать на совещание :весь высший командный состав, до командиров полков включительно, всех комиссаров, на котором решено, что:

а) общая обстановка на фронте требует самых активных действий и

б) вся партийно-политическая работа должна быть направлена то, чтобы каждый боец понимал свое место и задачи корпуса “Не изолированно, а как единое целое”¹⁸⁹.

“Ночью 6 октября (уже под руководством генерала Шкуро. — Ф. Е.) конные части Шкуро выступили из района Бабякова и Ново-Усмань и на рассвете, под прикрытием тумана, ворвались в с. Хреновое и потеснили заслон 6-й кавалерийской дивизии Апанасенка. Последний развернул главные силы дивизии в боевой порядок и перешел в контрнаступление. 4-я кавалерийская дивизия Городовикова, поднятая по тревоге, спешно выступила в направлении с. Ново-Усмань на помощь 6-й дивизии. Удачным маневром Городовиков вывел свои части в тыл противника, связанною боем с 6-й дивизией, и нанес белоказакам внезапный удар. Сильный туман не позволил ни нам, ни противнику

применять пулеметы и артиллерию, поэтому бой с первых же минут принял характер ожесточенной сабельной рубки”¹⁹⁰, — пишет Буденный

Я не буду копировать “упоение его победой”, так как его описание бесконтрольно. Все же казаки отступили.

“Преследование велось до реки Воронеж, где наши передовые части были остановлены огнем автоброневиков и автопоездов, выдвинутых Шкуро для прикрытия своей конницы. Наиболее эффектно действовали бронепоезда противника”¹⁹¹, — заканчивает Буденный бой этого дня.

“К вечеру 6 октября передовые части корпуса заняли Отрожку и Монастырную”, — добавляет он, что и соответствует действительности.

“На рассвете 7 октября корпус, взаимодействуя с 12-й и 16-й стрелковыми дивизиями 8-й армии, перешел в наступление с задачей овладеть Воронежем. Закипел жаркий бой. Противник за ночь успел подтянуть свежие силы и закрепиться на рубеже реки Воронеж, прикрывая все (свои) имеющиеся переправы пулеметным и артиллерийским огнем. Весь день кипел бой, не давший перевеса ни той, ни другой стороне”.

“В наши руки попал убитый в бою начальник штаба одной из дивизий белых, и мы нашли у него боевой приказ, который помог нам раскрыть замысел Шкуро.

По этому приказу, так же и по ходу боя, мы установили сосредоточение главных сил противника на восток от города, для удержания переправ на реке Воронеже и последующих ударов по правому флангу нашего корпуса.

В связи с этим я решил нанести главный удар на Воронеж не с востока, а с севера.

Выполняя это решение, 6-я кавалерийская дивизия должна сковать противника с фронта, наступая с рубежа Ново-Усмани на восточную окраину Воронежа, а 4-я кавалерийская дивизия, с подчиненной ей резервной кавалерийской бригадой, форсирует (переходит) реки Усмань и Воронеж в селе Чертовицком и, взаимодействуя с 21-й железнодорожной бригадой, нанесет удар на Воронеж с севера на юг, по Задонскому шоссе...

12-я стрелковая дивизия 8-й армии, взаимодействуя с 6-й кавалерийской дивизией, наступает на юго-восточную окраину Воронежа”¹⁹² — так повествует свой план Буденный.

“8 и 9 октября соединения корпуса вели упорные бои. Особенно ожесточенная схватка разыгралась в районе Отрожка—Репное. Противник на этом участке с отчаянным упорством оборонял переправы, обстреливаемый почти всей артиллерией нашего корпуса” .

“С утра 10 октября части корпуса вновь перешли в наступление. Артиллерия корпуса и 12-й стрелковой дивизии и все имеющиеся у нас бронепоезда открыли ураганный огонь по противнику. Белые напрягали все силы, чтобы отбить атаки 6-й кавалерийской дивизии и 12-й стрелковой и не дать им возможности форсировать (перейти) реку Воронеж. Завязался ожесточенный бой, продолжавшийся в течение целого дня. Когда стемнело, противник начал жечь дома, чтобы осветить (для себя) переправы на реке, но ничего уж не могло остановить части 6-й кавалерийской и 13-й стрелковой дивизий, упорно продвигающихся вперед”¹⁹³.

Дальше Буденный пишет, что он был обеспокоен тем, что 4-я кавалерийская дивизия Городовикова задержалась в своем наступлении с северо-запада. Для выяснения обстановки он сам проехал туда. И вот какой диалог произошел между ним и Городовиковым:

“— Где у Вас противник? — спрашиваю я (то есть Буденный. — Ф. Е.).

— В селе Подгорном, товарищ комкор, — ответил мне Городовиков.

— У противника большое количество пулеметов, — добавил начштаба 4-й кав. дивизии Косоков.

А у Вас нет разве пулеметов? Почему Вы здесь? — снова набросился я на Городовикова. Надо людям дать отдохнуть... а утром атакуем, — оправдывается Ока и попятился назад, сделав такой жест, словно защищаясь от удара.

Вот что, Городовиков... если к 6 часам утра дивизия не будет в Воронеже — считайте, что Вы не начальник дивизии. Сниму с дивизии и посажу на эскадрон!., а то и на взвод. Немедленно жепостройте дивизию по тревоге и...

Не успел я договорить, как Городовиков воскликнул:

— Бегу!., пока башка цела! — и выскочил он со двора.

Через час 4-я кавалерийская дивизия, во главе со своим славным начальником дивизии, сбила прикрытие противника и ворвалась в Воронеж”¹⁹⁴.

Оригинальный разговор, как и оригинальная дисциплина, были тогда в Красной армии — командир корпуса своей властью смещает начальника дивизии на должность командира взвода.

По книге Буденного, Ока Городовиков был калмык из Сальских степей, младший урядник старой армии, но был одним из первых соратников Буденного с весны 1919 года на Маныче.

О себе Буденный пишет, что он был сверхсрочный унтер-офицер Приморского драгунского полка, во время войны назначен в 18-й Северский драгунский полк Кавказской кавалерийской дивизии, имел “полный бант” Георгиевских крестов¹⁹⁵, но оставался только взводным унтер-офицером. Следовательно, психология у Буденного и Городовикова была одинаковой.

Заключение Буденного: “Ровно в 6 часов утра 11 октября дивизии Конного корпуса — 4-я кавалерийская с севера, а 6-я кавалерийская с юго-востока, ворвались в Воронеж. Одновременно вошла в Воронеж и 12-я стрелковая дивизия”¹⁹⁶.

Описывая действия Конного корпуса Буденного под Воронежем, командующий Южным советским фронтом Егоров как офицер Генерального штаба — он более академичен и беспристрастно заканчивает: “Заняв Воронеж и отбросив корпуса Шкуро и Мамантова на запад от Лона, корпус Буденного, несмотря на грандиозный моральный эффект этого обстоятельства, все же не достиг главного — оба корпуса белых понесли тяжелые потери, получили весьма ощутительный удар, но не были разбиты, чем, главным образом, объясняется медленное продвижение вперед Конного корпуса Буденного в последующие дни”¹⁹⁷.

В книге Буденного есть интересные признания. Он пишет: “Уже после Гражданской войны, на 8-м съезде Советов, Ленин, якобы, сказал ему: “Не окажись Вашего корпуса под Воронежем — Деникин мог бы бросить на чашу весов конницу Шкуро и Мамантова и республика была бы в особо тяжелой опасности. Ведь мы потеряли Орел. Белые подходили к Туле”.

И заканчивает Буденный: “Так оценил Владимир Ильич значение победы Конного корпуса над Шкуро и Мамантовым в общем ходе борьбы с деникинцами”.

И добавляет: “Разгром конницы Шкуро и Мамантова означал превосходство нашей тактики и оперативного искусства. Ведь конница Шкуро и Мамантова являлась лучшей в Деникинской армии, а ее предводители-генералы считались среди белых самыми способными”¹⁹⁸.

“И вот, эти сильные корпуса, возглавляемые генералами, вокруг которых был создан ореол непобедимости, оказались разбиты красным конным корпусом, уступавшим им по численности в три раза и понесшим при этом ничтожные потери” — так заканчивает Буденный свое повествование.

Необходимое уточнение. Одно свидетельство

На книгу Буденного “Пройденный путь” донцам и кубанцам надо было бы ответить своей книгой, так как в ней идет восхваление только его подвигов, начиная с весны 1918 года, когда он начал действовать в Сальских степях, образуя незначительный конный отряд, и — до взятия Воронежа. По его книге, везде он бил и гнал “донскую и кубанскую конницу”... Но в его признаниях невольно проглядывает боязнь и уважение и к этой казачьей коннице, и к ее вождям, к генералам Мамантову и Шкуро. И если верить его словам, выходит, сам Ленин боялся движения этих корпусов вперед. Как и ненужное бахвальство, что его корпус в три раза был слабее по численности этих двух корпусов.

. “Конная группа Буденного, усиленная пехотной дивизией 8-й армии, насчитывала 12—15 тысяч”²⁰⁰, — безусловно, авторитетно пишет генерал Деникин.

“4-й Донской корпус генерала Мамантова, насчитывавший к 5 октября три с половиной тысячи сабель, — но и эти силы были ослаблены отвлечением части их на поддержку Лискинской, так что в группе генерала Шкуро под Касторной оставалось одно время только 1800 сабель 4-го Донского корпуса”²⁰¹, — пишет генерал Деникин.

1-я Кавказская казачья дивизия насчитывала 600—700 шашек, не считая полковых пулеметных и других команд, а 1-я Терская казачья — около 1800 шашек (по телеграмме Шкуро).

Вся эта конница двух казачьих корпусов была разбросана по фронту на 70 верст, от Графской и до села Давыдовка.

Кроме того, надо отметить и психологическую сторону: переброска в глубокий тыл Терской дивизии в самый разгар жестоких боев, которой предшествовали ежедневные тревожные телеграммы из ставки, начиная с 25 сентября и до 8 октября включительно, безусловно, были известны казакам других полков, что не только уменьшало количество бойцов, но и ослабляло моральное состояние их.

У Буденного же — предварительное совещание всех высших начальников до командира полка включительно, со всеми комиссарами, на котором, как он пишет, был большой подъем, чтобы “разбить белых”. Потом была партийная конференция корпуса, на которой решено подготовиться к решительному бою за Воронеж²⁰².

У Буденного все в кулаке, до политического внушения бойцам цели захвата Воронежа. А живую силу этого корпуса исчисляет его же командующий Южным фронтом Егоров к 27 сентября: “7450 шашек, 590 штыков, 26 орудий”²⁰³.

В эту силу Егоров не включил приданных Буденному 12-й и 16-й стрелковых дивизий, Отдельной кавалерийской бригады и 12-й железнодорожной бригады.

Но самое главное в этой трагедии заключалось в том, что генерала Мамантова не было на фронте; генерал Шкуро вернулся в Воронеж только 5 октября, когда уже разыгрался первый, и неудачный для казаков, фазис боев; и при нем не было его правой руки по операциям, начальника штаба корпуса Генерального штаба генерала Шифнер-Маркевича.

С самого начала корпуса действовали без единого руководства и разбросанно. И как пример — два полка кубанцев занимали Графскую, что в 35 верстах на северо-восток от Воронежа, а два полка терцев — село Давыдовка, в 50 верстах к югу от Воронежа. А именно: в Графской были 2-й Кубанский партизанский полк полковника Михаила Соломахина и 1-й Хоперский полк полковника Юрия Ассиера, а в селе Давыдовка — Горско-Моздокская бригада. Оба начальника дивизий — Кавказской генерал Губин и Терской генерал Владимир Агоев — поздно вечером 6 октября были в селе Отрожка, что в семи верстах северо-восточнее Воронежа, где я им и представился.

Закончим драматический разбор военных действий у Воронежа и приведем здесь телеграмму генерала Шкуро на имя генерала Деникина:

“По долгу воина и гражданина доношу, что противостоять Конной армии Буденного я не могу. Эта армия сосредоточена в числе 15 тысяч сабель в районе Грязи — ведет теперь ожесточенное наступление на наши силы. В моем распоряжении имеется около 600 сабель Кавказской дивизии, в настоящее время безлошадной, и 1500 сабель остатки корпуса Мамантова. Остается Терская дивизия моего корпуса около 1800 сабель, с хорошим конским составом, но эта дивизия, по Вашему приказанию, у меня отбирается. Она, в данное время, грузится в вагоны на станции Лиски для отправки в район Таганрога, ради уничтожения действующих там махновских банд. В силу изложенного — даю приказ завтра оставить Воронеж. Генерал Шкуро”.

Так пишет ротмистр Эраст Чавдарь, начальник конной полевой радиостанции, бывший тогда при корпусе Шкуро в Воронеже, через которого была послана эта телеграмма генералу Деникину в Таганрог²⁰⁴.

Думаю — не без горькой обиды стопобедный генерал Шкуро послал эту телеграмму, подчеркнув в ней полную измотанность своей храброй ударной 1-й Кавказской дивизии, состоявшей из четырех кубанских конных полков. С ней он так красочно прошел боями с Кавказа, из Баталпашинского отдела Кубанского войска, через всю Украину, побывав в Заднепровье, волчком кружился, куда бы его ни бросали требования фронта, и потом коротким ударом захватил Воронеж.

О состоянии этой напористой в боях дивизии, о наших родных хоперцах Баталпашинского отдела тот же ротмистр Чавдарь пишет: “Перед началом операции 1-я Кавказская казачья

дивизия прошла станцию Илловайская. Нельзя было оторвать восхищенный взор от этого зрелища, какое представляла эта дивизия.

Молодые крепкие всадники в живописной кубанской форме; прекрасный конский состав; впереди, во главе своей знаменитой “Волчьей сотни” — генерал Шкуро и начальник штаба, один из наиболее ярких героев наших, генерал Шифнер-Маркевич.

Стихийная удаля, безграничная отвага — вот впечатление, произведенное на всех нас этой блестящей дивизией.

Кзаки-кубанцы — предмет общего внимания, восхищения. Статные, с тонкой талией и легкой, неслышной, быстрой походкой — они неотразимо привлекали женские сердца. Едва заняв какое-либо местечко, железнодорожную станцию, город или деревню — как уже при первом удобном случае появляется гармоника. Раздаются звуки лихой наурской лезгинки, и казаки пускаются в пляс, плавно двигаясь и грациозно поводя руками с широкими развевающимися рукавами черкесок”²⁰⁵.

Эраст Чавдарь, инженер по образованию, окончил Николаевское кавалерийское училище в 1915 году, следовательно, он тонко и глубоко изучил казаков, своих соратников.

И вот теперь эта безусловно самая лихая Кубанская дивизия — она и малочисленна, и обезлошадилась, как будто выдохлась... Но это было не так.

18 октября я вступил в командование 2-м Хоперским полком. В нем, в строю — два сотника, три хорунжих, а остальные подпоручики. Всего 10 офицеров.

О конном бое 6 октября они рассказывали с улыбкой. Был сильный туман. Передовые части красных и казаков смешались, и было не разобрать — где свои и где чужие?.. Пришлось отступить. Но в этом столкновении, в тумане, были убиты наш командир полка полковник Беломестнов и начальник штаба Терской дивизии, безусловно, тот, о котором пишет Буденный и на трупе которого был найден красными боевой приказ Шкуро.

О потерях полка они как-то и не говорили, так как их было мало.

Полк я застал в количестве около 200 шашек боевого состава, не считая пулеметной команды в четыре пулемета системы Максима. На довольствии, с разными командами, вестовыми и денщиками, около 250 человек и лошадей. Такой силы были и остальные три полка дивизии. “Волчий дивизион”, личный конвой генерала Шкуро, был такой же силы, как и полки, но имел одно свое полевое орудие и пулеметы. Этот дивизион не только принимал участие в боях, но был нахрабрейший. Начиная от Воронежа — он подчинен был начальнику нашей 1-й Кавказской дивизии генералу Губину.

Судьбе было угодно, чтобы я попал в эту храбрую дивизию при многих очень неприятных событиях, во время отступления от Воронежа и до Кубани...

А пока что — по распоряжению генерала Шкуро, с четырьмя казаками-хоперцами — я еду куда-то на запад от Воронежа (который уже сдан красным) для реквизиции лошадей у крестьян для своей дивизии.

Неожиданная встреча с донцами

Думаю, мы были верстах в двадцати от Воронежа на запад, когда остановились в селе на ночлег. Нас шесть человек. Сила небольшая. Где тянулся фронт? Где были красные? — я ничего не знал. Не знали и крестьяне.

Чтобы не попасть врасплох, оставив четырех хоперцев в крестьянской хате, с вестовым Тимофеем Сальниковым выехал за село, чтобы ориентироваться. Село на перекасте бугра. На север, в сторону красных, ни души. Решил проехать на юг, к речке, узнать путь на случай “отхода” при нападении красных.

Вижу, с юга к селу движется конная труппа человек в тридцать. Несомненно, “наши”, решаю я, и иду к ним навстречу. Они идут медленным осторожным шагом. Впереди двое дозорных. От них узнаю, что это разведывательный взвод от 10-й Донской казачьей дивизии 4-го Донского корпуса. И когда мы подъехали к ним, взвод остановился.

Я с большим интересом рассматриваю донских строевых казаков на фронте Гражданской войны, знакомясь с качествами их лошадей, с обмундированием, с вооружением и с лицами казаков, так как это есть буквально “моя первая встреча с донцами на фронте”.

Лошади под ними отличные, просто как по мирному времени. Они в хороших телах и в хорошем уходе за ними. Казаки хорошо и однообразно одеты в шинели и папахи. Все они пожилые, лет под 30 каждому. У всех серьезные, даже строгие лица. Во главе их сверстник-подхорунжий на сильном чалом коне.

— Кто Вы и откуда идете? — вежливо, но строго спрашивает подхорунжий, начальник разъезда, рассматривая меня с ног моей кобылицы, через черную черкеску, вплоть до белой небольшой папахи на голове.

Спокойно отвечаю, что командирован генералом Шкуро реквизировать лошадей для своей дивизии. Подхорунжий и его казаки слушают меня внимательно, но я заметил, что все они как-то испытывающе рассматривают меня, и я совершенно не нашел в выражениях их глаз того казачьего братства, которое всегда бывает среди нас, казаков.

Желая осмотреть местность дальше к югу, я хотел уже тронуться, как подхорунжий остановил меня, спокойно, но твердо заявив, что он меня не отпустит от себя, так как в его штабе дивизии сказали, что это село может быть нейтральным или уже занято красными. И добавляет:

— Может быть и верно, что Вы есть настоящий полковник Кубанского войска, но это Вы докажете в штабе нашей дивизии, почему и прошу Вас следовать туда с нами.

Спокойно, но вижу по глазам, очень серьезно говорит мне этот подхорунжий. Все его казаки так же очень серьезно и испытывающе смотрят на нас с урядником Сальниковым.

Меня заинтересовало побывать в штабе Донской дивизии и ближе соприкоснуться и познакомиться с донскими казаками, нашим “старшим братом”.

А сколько верст до штаба вашей дивизии? — спрашиваю подхорунжего.

Верст двадцать, — отвечает он.

Это меня совершенно не устраивало: так далеко ехать туда, задержаться там и возвращаться обратно.

Нет... я не поеду туда... это очень далеко, и я не могу терять времени, — совершенно запросто отвечаю ему.

Но я Вас не могу отпустить... — вдруг заявляет подхорунжий.

Я не понял вначале, что он этим хотел сказать мне, но он тут же продолжил:

— Видите ли, господин полковник, как я Вам уже сказал, по сведениям нашего штаба, это село должно быть или нейтральным, или уже занято красными, а Вы выехали из этого села... Это очень подозрительно... И возможно, что Вы переодеты под казачьего полковника со стороны красных и выехали сюда на разведку, — вдруг заявляет он.

Такое его подозрение, естественно, задело меня. Я строго ответил, что они могут идти в наше село, а я должен проехать немного дальше на юг и познакомиться с местностью.

— Нет, господин полковник, отпустить Вас я не могу, а ежели будете сопротивляться — арестую Вас силой, — вдруг заявляет он и быстро схватил повод моей уздечки.

Нас двое, а их 30. Мое офицерское положение, значит, не поможет — оно ими аннулировано, и я становлюсь бессильным перед ними.

“Уж не большевистский ли это переодетый разъезд”, — мелькнуло в голове. “Так глупо попасться им в руки...” — сверлила мысль. Подхорунжий же, спокойно и даже вежливо, продолжает:

— Вот Вы говорите, что Вы есть полковник Кубанского войска — а почему у Вашей кобылицы стриженная грива? Ежели Вы настоящий казак, да еще офицер, то Вы должны знать, что у казаков этого никогда не бывает...

Его довод был резонный. Не желая, чтобы разговор наш принял форму допроса, я отвечаю, что “моя кобылица вашей же, донской породы и купил я ее уже с остриженной гривой”.

— Да и наших сволочей-донцов немало у красных! — уже немного зло говорит он и добавляет: — А потом, для фронта Вы очень чисто одеты.

Под словом “чисто” он подразумевал “нарядно”, что и было так. На фоне их серых шинелей и потертых папах полковник в черной черкеске и небольшой белой папахе, при стильном кавказском оружии; на светло-буланой нарядной кобылице — красный прибор к седлу, так ярко выделяющийся. Все это, правда, совершенно не подходило к суровому фронту. Мой конный вестовой, слушая все это, выругался...

— А тебе чиво надо? — вдруг окрысился на него урядник, помощник начальника разъезда.

Взять у него винтовку и арестовать! — крикнул тут же урядник, и мощная рука ближайшего донца властно схватила за цевье винтовку моего умного и молодецкого Тимофея, как в тот же момент он сильным ударом кулака наотмашь отбил руку донца.

Не смей!.. не трожь! — буквально зарычал Сальников, перейдя в контратаку. — Как вам не стыдно!.. Полковник вам чисто по-братски объяснил — кто мы и зачем сюда прибыли, а вы придираетесь к нему, как большевики!.. Я сам бывший старший урядник Конвоя самого Государя!.. Посмотрите на мои шаровары и седло! — Ругаясь зло, он отвернул полу своей черкески и показал им форменные темно-синие шаровары с желтым узким тесьмяным лампасиком на них и на подушку седла, расшитую такой же тесьмой...

Все донцы, повернувшись лицами к нему, будто изучали всю правду его слов, как и тон, и манеру казачьей ругани — словно казачий пароль... А он, Тимофей, стройный брюнет в 26 лет, с полумонгольским типом лица, выбросив запальчиво всю тираду слов, доказательств и казачьей ругани, вдруг решительно обращается ко мне:

— Господин полковник... езжайте в село, а я еще поговорю с ними!

Подхорунжий выпустил повод моей уздечки, я повернул свою кобылицу и умышленно шагом двинулся к селу, показывая им, что я совершенно не думаю удирать. К моему удивлению, донцы меня отпустили.

Я у себя с четырьмя хоперцами в хате. Сажу у окна и думаю, что я точно так же мог напороться и на красный разъезд, и возмущался распоряжением Шкуро — как он мог послать меня с пятью казаками в тот район, где могли быть уже красные?

Минут через десять широким наметом на своем дивном темно-сером кабардинце урядник Сальников влетел во двор, спешил и вошел в хату.

— Фу, т-ты... — выдохнул он, улыбаясь. — Насилу открутился... Вот, злые, черти!.. Но все же молодцы-донцы!.. Службу знают, — добавляет он. — Хорошо, что Вы уехали, Федор Иванович!.. Я тогда, после Вас, так “разошелся в мате” и говорил с ними, уж не стеснясь, по-станичному!.. И они поняли мой язык и, как видите, меня отпустили. Молодцы все же они! Не расхлебай!.. Конечно, мог быть и переодетый под казачьего полковника кто-то с красной стороны, для разведки, — закончил он, умный, серьезный и преданный мне брат-казак, бывший старший урядник Конвоя Его Величества.

Порадовался и я в душе, что донцы действительно молодцы и службу знают. И в этом случае выявили полную свою ненависть к красным, что особенно радовало меня. То были мамантовцы.

Воронежские крестьяне

Переночевав, мы выехали в указанный Шкуро район и попали в совершенно неведомое мне царство воронежских крестьян, так непохожее на царство казачье. Оно было далеко от железной дороги.

В большом селе, на площади, совершенно случайно нас встретила какая-то неказисто скроенная, но крепко сшитая фигура, с некрасивым мясистым грубым рябоватым лицом, в куртке и сапогах. На шее у него мужичий шарф, на голове треух. Приблизившись ко мне, фигура по-воински отрапортовала, что он является начальником нескольких сел, вроде коменданта. Он прапорщик.

— Чем могу служить Вам, господин полковник. — почтительно спросил он.

- Я рассказал ему о своей задаче.

— Я Вам с удовольствием помогу, — докладывает он. Но я хочу знать — кто он, чтобы соответственно держаться с ним.

— Я местный крестьянин. Бывший унтер-офицер учебной команды пехотного полка. Имею Георгиевские кресты и медали. Окончил войну прапорщиком за боевые отличия.

Живу “на-отделе” от родителей. Имею жену и десять детей, — подробно и словоохотливо доложил он и добавил: — Милости прошу в мою избу... Но только извините — жена моя деревенская и не знает приличий... Да и не до приличий ей!.. Детишек много... живу бедно... в горнице... жена много работает.

Я иду в его избу. Я хочу убедиться в правдивости его слов и тогда уже прибегнуть к его помощи.

Да... он говорил правду. У него только одна “горница” (то есть комната). Много детей и горем и нуждою придавленная жена. Увидев меня, все дети, как сверчки, попрятались по всем закоулкам, забрались на печь и боязливо выглядывали оттуда. А жена... она, бедняжка, еще молодая и стройная женщина, от страха и неожиданности не могла вымолвить и слова.

Он, прапорщик, по своей бедности, ничем не может меня угостить и просит пройти с ним к его родичу, где все “чиш-ше”, как он выразился. “Там мы и решим нашу работу”, — закончил он.

По пути он послал за старостой и понятыми мужиками. Мы сидим в довольно чистой горнице, а молодухи готовят что-то поесть нам.

Явился староста и понятые. Войдя в горницу, они набожно перекрестились три раза на иконы, низко поклонились мне и стали у дверей молча. С ними заговорил “мой прапорщик”.

Я впервые вижу так близко крестьян центральных губерний и впервые слышу их речь и обращение друг к другу.

Гаспада старики... и Вы, Митрий Ляксандрович (староста), — так начал прапорщик, глава многих сел, Иван Александрович, как я стал его называть. Фамилию, к сожалению, не помню.

Вот его высокоблагородие, господин полковник, приехал с Воронежа ликвидировать для армии лошадей... Им нада спамочь. Нада спамочь, штоба изгнать эту красную нечисть!.. Для армии, для сва- ей страны — христьяне должны все дать! Мы Вас, гаспада старики, не спрашиваем, а только гаварим, што нада дать!.. Памочь! Вы, Дмитрий Ляксандрович, пашлите панятых в села Вашей волости и накажите, што-бы все мужики привяли сваих лошадей завтря суда (сюда). А тут мы уж и рассудим — у каго што можно взять!

— Я Вам гаварю ат имени памошника генерала Шкуры, главнава тут начальника казаков! — он так и назвал меня “памошником Шкуры”.

Это на них произвело впечатление. При этих словах они повернули свои головы в мою сторону, видимо чтобы рассмотреть этого “помощника Шкуро”.

Да, канешна!.. мир памочь далжон! — ответили они все трое разом. — Чижало ста все, но, знаем — надо-ть.

Дык... Вы бяжитя, — говорит староста своим понятым, указав, кому и куда бежать с приказанием.

И они “побяжали”...

На мое приглашение староста наотрез отказался сесть с нами за стол, думаю, из чувства “недостигаемости до меня”...

Смотрел я на них, слушал я их и видел — насколько народ этот добр, хорош, сердечен и жертвенен. Воля начальства для них была законом. Они не протестовали против реквизиции лошадей, своих единственных кормильцев, и не спросили меня, так ли это, не самозванец ли я какой.

Веками привыкшие нести барщину и другие наборы на алтарь Отечества — они вот и теперь, безропотно выслушав все, молча, дельно пошли выполнять это.

Мне было стыдно... Если бы они протестовали против реквизиции, просили бы ее не делать, требовали бы деньги за лошадей — я мог бы активно реагировать на это и звать их на жертву “для их Отечества”. Но это безропотное молчание, слепое послушание моим требованиям обезоружили меня, действовали на психику, укоряли, давили и стыдили меня за завтрашний, фактически, грабеж лошадей...

Мы спали очень чутко в эту ночь. С часовым. Фронта ведь не было! В любой момент могли появиться красные в селе.

На следующее утро мой прапорщик доложил, что крестьяне свели всех своих лошадей с окрестных сел. Их нашлось четыреста.

— Сми-ир-на-а!.. гаспада стар-ри-ки-и!.. шапки-и дал-ло-ой! — вдруг командует он зычным голосом, сам стоя на правом фланге выстроенных в одну линию лошадей с хозяевами их, и сам взял руку под козырек у своего треуха.

Я этого совершенно не ждал и считал, что это было некстати. Конвоируемый пятью казаками, выехал на середину строя мягкой рысью. Команда моего прапорщика-христьянина” (то есть крестьянина), как сам он себя назвал, подсказала мне — надо вести себя так, как и полагается “помощнику самого генерала Шкуро”.

Я верил, что прапорщик Иван Александрович психологию своих крестьян знал лучше меня, почему невольно подчинился всему этому ритуалу встречи.

Под гробовое молчание многотенной толпы всех, всех семейств, женщин, подростков и детей, толпившихся разношерстной массой позади длинной шеренги лошадей, остановил я свою кобылицу и, обведя глазами “весь фронт”, внятно, но не по-воински, громко произнес:

— Здравствуйте, господа старики! — и, дотронувшись до своей белой папахи, приподняв ее чуть вверх, поклонился всем.

— Здраим жила-а-им... — прогудела толпа, и... вновь все смолкло.

— А теперь наденьте шапки! — громко говорю им и, выждав момент, с седла, с расстановкой, чтобы всем слышно и понятно было, поясняю: — Армии нужны лошади!.. Мы, казаки, прибыли сюда с самого Кавказа. Мы потеряли много лошадей в боях, а воевать еще надо. До Москвы не так далеко осталось... Я прибыл от самого генерала Шкуро. Денег в армии нет. Я с вами буду оценивать каждую лошадь и хозяину выдам

расписку на нее. По ней он потом получит деньги от Русского Правительства, когда мы окончательно свалим красную власть...

Поняли, господа старики? — закончил я.

Пон-ня-ал-ли-и... — прогудела толпа.

Что я мог иное сказать?! Так, думаю, 600 лет тому назад приезжал в русские села татарский баскак за данью к покоренному русскому народу...

Начался осмотр и набор лошадей. Я сажу за столом со старшинами и понятыми, но моим пяти казакам приказал быть начеку. Нас легко можно было не только что обезоружить этой многосотенной толпой, а может быть и многотысячной, но и быть убитыми дрекольями... Казаки стояли в стороне, в седлах.

Лошади у крестьян совершенно не годны были под седло. У одного крестьянина была одна лишь лошаденка, кое-как годная под седло, а у иного две-три лошади, но совершенно не годных под верх. С понятыми мы брали эту годную лошадь, ему взамен давали “негодную” под седло от крестьянина, имевшего двух-трех.

Всем я выдавал соответствующие расписки, а сам горько думал: вот завтра могут прийти сюда красные и мои расписки ничего не будут стоить. Мы ведь уже отступали...

Крестьяне же, получив их, бережно заворачивали в тряпицу и клали за пазуху, как действительный и дорогой документ... Мне было стыдно и страшно... Нет — мне было страшно и СТЫДНО.

Мне не понравилось, что недалеко позади строя лошадей стояли две дамочки, видимо сельские учительницы. Они внимательно слушали мои слова к крестьянам и пытливо смотрели в мою сторону.

“Явные революционерки... нигилистки... рассадницы недовольства против начальства”, — думал я.

Из 400 лошадей сравнительно годных под седло набралось около тридцати. Поблагодарив крестьян за их жертву на благо Родины, я разрешил им разъезжаться по своим селам. И только что сам сел в седло, как эти “две нигилистки” быстро подходят ко мне и одна из них говорит:

— Господин офицер!.. Позвольте сказать Вам несколько слов?

Ну, думаю, начинается. Вот сейчас они и скажут: “Это же не реквизиция, а грабеж... И Ваши расписки — подтасовка... Вот завтра придут красные, и что же получат крестьяне по ним?”

— Пожалуйста, — отвечаю.

— Мы местные учительницы. Вы, наверное, заметили, что мы все время стояли недалеко от Вас и наблюдали за всем, что здесь происходило.

“Ну, попался”, — подумал я и решил: как только они начнут меня упрекать — поверну свою кобылицу и быстро отойду, чтобы уехать из села. Она же продолжала:

— Мы, как местная интеллигенция, мы хорошо знаем крестьянскую жизнь. Крестьяне ведь всегда идут к нам за разными советами. Сами знаете — они народ темный. Революция их встряхнула. Но пришли красные — крестьяне отвернулись от них. Потом

пришли вы, белые... Вас мы все приветствовали всем сердцем, но... вы так же ничего не дали крестьянам...

Ваш приезд взбудоражил их. Они обратились к нам — как быть? И Вы видите, господин офицер, сколько они привели Вам своих лошадей! Это не то чтобы была наша работа, но наш совет им был таков: не сопротивляться. И естественно, мы заинтересовались — как представитель белых, полковник будет вновь грабить наших мужиков?

Я начинал уже волноваться и ждал только конца, чтобы как можно скорее уйти от них, от этих навязчивых нигилистов. А она продолжала:

— Мы все слышали и все видели, что Вы говорили крестьянам, и... не ничуть не льстящую похвалу говорим Вам, но мы не ожидали, чтобы казачий офицер, да еще полковник, будет так рассудителен, добр с ними и так сердечно справедлив.

Не скроем — мы ожидали от Вас “нагайки”, почему и боялись к Вам приблизиться, а Вы... Позвольте искренне поблагодарить Вас от лица крестьян за Вашу справедливость к ним и просить Вас обязательно зайти к нам на стакан чая. Мы так будем благодарны Вам за это.

Этот словесный адрес, воспроизведенный мною почти дословно, очень тронул меня. Я был счастлив тем личным сознанием, что я, фактически как татарский баскак обирая крестьян “для нужд армии”, — я не надругался над их душами. Я был счастлив тем, что мои действия по приказанию начальства вызвали умиление даже среди тех, кто был вправе нас ругать, возмущаться нами и кто был для крестьян беспристрастными судьями их дел и мыслей.

Эпилог...

Мы отступали... Были уже под Купянском. Здесь было полное столпотворение обозов пехотных частей. Во главе Хоперской бригады пересекаю их под углом, идя на запад.

— Господин полковник!.. Господин полковник!.. Здравия желаю! — слышу я что-то знакомый мне голос, рассматриваю вопрошающего при одной повозке и узнаю в нем “своего прапорщика-христьянина” из-под Воронежа. Он кричал мне буквально в отчаянии. Я смотрю на него, узнаю его, но не признаю “его вида”. Он полупьян. Полупьян с отчаяния и полупьян не сегодня только, а видимо, с тех пор, как покинул свое село, оставив там свою горемычную жену с десятью детьми, которые мал мала меньше — голодные и холодные, и не знающие — что будут есть завтра?

Я хотел тогда иметь свое сердце черствым как камень, чтобы не видеть жуткое горе этого простого и хорошего русского крестьянина и старого солдата.

Иван Александрович, иди ко мне!.. Иди ко мне в полк! Будь при обозе!.. Авось вернемся, Иван Александрович! — взываю к нему, не останавливаясь, кричу ему через скопившиеся телеги.

Э-эх, господин полковник! — чисто по-крестьянски выдавил он из себя. — Проп-пала Рас-сея... проп-пало все... хрестьяне... семья! — как-то особенно, с надрывом выкрикнул он, этот, безусловно, когда-то бравый и честный унтер-офицер; потом упал ничком на свою телегу и зарыдал... зарыдал, как беспомощная женщина, потерявшая навсегда свое единственное любимое дитя...

Во 2-м Хоперском полку. Первые дни

Сдав реквизированных лошадей штабу 1-й Кавказской дивизии, начальником ее, генералом Губиным, назначен был во 2-й Хоперский полк. Это было 12 октября, когда части дивизии, оставив Воронеж, перешли на западный берег Дона.

В каком-то селе представляюсь командиру полка, в его комнате. Худенький, слегка сгорбленный, в очках, в гимнастерке. Ему лет 50—55. Кто он и откуда — не знаю. Какой-то огонек радости на миг блеснул в его глазах, который я понял через несколько дней.

При нем полковой адъютант, высокий, слегка мясистый подпоручик в солдатской шинели и при солдатской шашке.

Полковник говорит, что мы выступаем сегодня на север. В окно вижу проходящие сотни полка. Они очень малочисленны и на очень утомленных лошадях. И на лошадях больше упряжного сорта.

Полковник надевает сверх гимнастерки с погонами штатское пальто черного сукна, зимнее; поверх него надевает через плечо длинную пехотную винтовку. “На всякий случай”, •— неловко улыбаясь, говорит он мне, как бы извиняясь за свое вооружение.

Во дворе он неумело и долго взбирается на свою косматую лошаденку, явно упряжного сорта, и мы выезжаем к полку. Потом только я узнал от своих офицеров, что он пехотный офицер, вступил в дивизию после занятия Воронежа, живя там, никакого отношения к Кубанскому войску не имел. Его фамилия была Третьяков.

Подъехал он к полку шагом и после команды “смирно!” тихо произнес:

— Здравствуйте, хоперчики-молодчики.

Все это для меня было очень странным.

Мы в каком-то селе. Питаемся за счет населения. Согбенная сухая старушка, но еще бодрая, вынула из печи щи и подала нам на стол в деревянной миске. Они очень кислые и плохо пахнущие.

Есть ли у тебя, бабушка, еще что-нибудь? — спрашиваю ее ласково.

Ничяво, родимый, ничяво нетути... мы с крепостных-то батюшка, — отвечает, — ничяво в нас нетути... бедная мы, — жалуется она, сгорбившись еще больше.

— Как из крепостных, бабушка? — переспрашиваю ее.

— Да-да... с крепостных, батюшка... барския мы были раньше... землицы у нас нетути... бедняющия мы... и ничего нетути покушать-то, — пояснила она.

Революция... свобода... равенство... Все это было объявлено крестьянам в 1917 году, а язык этой старушки крестьянки так был далек от этих слов. “Крепости ыя... барския” — вот и все у нее на уме, у горемычной, даже и после “бескровной революции”...

После обеда прошел “на зады” двора, где стояли наши лошади. Там, под осенним холодным солнышком, ординарцы, расположившись кто где попало, все без рубашек, уничтожали на них вшей.

Они, увидев меня, встали.

Что — воюете, братцы? — весело спрашиваю их.

Да, вот солнушка глянула, мы и приспособились... уж больно их много. Невмоготу даже терпеть, — отвечают они весело. — Все бои да бои... давно меняли белье... идем ведь с самой Баталпашинки...

Я всматриваюсь в лица и в глаза мне еще неведомых казаков 2-го Хоперского полка. Все они очень молоды, совершенно безусые, простые до наивности и такие милые и дорогие нам кровные кубанские казаки, наши младшие братья.

В походах и кровавых боях от самой Баталпашинской станицы и до Воронежа — и никакого ропота, уныния и... “только воши (вши) нас заедают” — как ответили они тогда мне.

В одном из сел знакомлюсь с командиром Хоперской бригады полковником Бочаровым²⁰⁶. Это старейший и высокочтимый природный хоперец. Ему лет под пятьдесят. Типичный старый казак-офицер Кубанского войска. Он спокоен, но говорит мне:

— Делать здесь нечего... И надо ехать в отпуск... Пусть полками командуют молодые.

И он выехал в отпуск на Кубань. С ним выехал и наш временный командир, неизвестный нам полковник Третьяков.

18 октября 1919 года я назначен был командиром 2-го Хоперского полка. Не пришлось мне вкусить сладость победных маршей в этой храброй дивизии генерала Шкуро. Теперь мы пили горькую чашу отступления... Это даже не “кисмет” (судьба), а перемена воинского счастья.

Боевой состав полка

За шесть дней пребывания в должности помощника командира полка я уже хорошо присмотрелся к полку. Он был слаб не только что числом шашек, но был слаб, главное, своим офицерским составом.

Вот он по чинам и должностям:

1. Командир 1-й сотни хорунжий-осетин (фамилию не помню, так как он очень скоро эвакуировался) — из урядников, говоривший с большим акцентом, малограмотный, маленький ростом, мясистый, самый обыкновенный всадник, видимо из Кавказской (“Дикой”, как ее называли) Туземной дивизии.

Командир 2-й сотни хорунжий Борисенко — распорядительный, веселый и молодецкий офицер.

Командир 3-й сотни сотник Ковалев²⁰⁷ — отличный строевой офицер.

Командир 4-й сотни хорунжий Галкин²⁰⁸ — культурный человек и отличный офицер.

Командир 5-й сотни поручик Чулков — не казак, бывший учитель. В полк поступил после занятия Воронежа. Умный, но абсолютно штатский человек, совершенно не распорядительный, почти “сонный” в жизни.

Полк состоял из пяти сотен.

Начальник пулеметной команды сотник Медяник — из урядников, довольно распорядительный офицер.

Полковой адъютант подпоручик Жагар — пехотный офицер, из Ставрополя, умный, приятный, казаков плохо знал и избегал с ними встречаться.

В некоторых сотнях было еще по одному младшему офицеру, но не казаков родом, имели чин подпоручика. Всего было десять офицеров в полку.

Конский состав и казаков и офицеров желал быть лучшим. В долгих боевых походах были большие потери в нем. Принятая, так распространенная, “мена лошадей” у крестьян привела к тому, что конский состав, за малым исключением, не был верхового сорта.

Казаки одеты были хорошо, тепло, но разнообразно. Черкесок мало, но все были в папахах. У офицеров — ни у кого не было черкесок. Были крытые шубы-черкески. Все поручики и подпоручики были в солдатских шинелях, в кожаных поясах поверх них и разнообразных головных уборах.

Обоз 2-го разряда находился где-то в тылу, но где именно — никто не знал, так как теперь обоз передвигался самостоятельно на юг... Им заведывал старый полковник-хоперец Якушев²⁰⁹, имея помощником хорунжего Медяника. При обозе находился и полковой казначей, сотник Леонтий Булавинов²¹⁰.

При обозе находился и полковой штандарт. Там же была и полковая канцелярия.

Списочный состав офицеров полка никто не знал. В непрерывных походах многое менялось. Все командиры сотен были “временные”. Их я утвердил “законными”, чтобы они смогли получить положенное жалованье по должности.

В день назначения командиром полка собрал всех офицеров, чтобы познакомиться с ними поближе, по-семейному, в своей комнате, за чаем, как можно проще.

Спросил их — почему они так просто одеты? Почему у них плохие лошади? Почему только четыре пулемета в полку? Почему они плохо следят за строем в своих сотнях при встрече командира полка (уехавшего)? Почему они так буднично подъезжают к своим сотням перед походом и так буднично здороваются с сотнями, не бодряще ни себя, ни казаков?

Много вопросов я задал им и просил с завтрашнего дня начать новую жизнь. Говорилось много откровенного и с их стороны. Выслушал и учел. Решили работать дружно и все для полка.

Жаловались они на задержку к производству в следующие чины. Офицеры-казаки, как вышли в поход со Шкуро из Баталпашинского отдела, так и оставались в прежних чинах.

В общем — по сравнению с Корниловским конным полком — картина 2-го Хоперского полка не была отрадной.

“С Дона выдачи нет”...

Мы где-то на правом берегу Дона, но недалеко от Воронежа на запад, верст пятнадцать—двадцать. Кого-то ждем. Мимо нас проходит 10-я Донская казачья дивизия 4-го Донского корпуса. Под казаками хорошие лошади своей донской породы. Казаки однообразно одеты в серые шинели и черные папахи. Офицеры в фуражках войскового цвета. Идут широкой уставной рысью, видимо, куда-то торопятся. Равнение, дистанция и строй — словно в мирное время.

Моросит мелкий нудный осенний дождь. Он бьет прямо в лицо казакам, но они идут и идут вперед рысью своих крупных лошадей, не думая о башлыках, чтобы защититься от дождя. Да у них и нет башлыков, а есть только палаточные полотнища, прорезиненные, которыми и накрыли свои плечи некоторые казаки. Сотни идут молча и даже не смотрят в нашу сторону.

— Здравствуй, Федя! — выкрикнул кто-то в фуражке, уже пройдя меня, оглянувшись, и взмахнул рукою в знак приветствия.

Никого не зная из донских офицеров, я подумал, что окликнувший меня просто ошибся. Что-то сказав своему командиру сотни и откозырнув ему — “фуражка” наметом приблизилась ко мне и повторила приветствие. Это оказался нашей Кубанской батарее по Турецкому фронту подъесаул Юрий Борчевский²¹¹.

Ты как, Юра, попал к донцам? — удивленно спрашиваю я своего друга.

А я под судом был!., за то, что с немцами хотел освободить Кубань в 18-м году... с Тамани... с полковником Перетягко...²¹² помнишь — там тогда немцы высадились?., ну, за это нас и отдали под суд... и я бежал к атаману Краснову... и до сих пор служу здесь. С Дону ведь выдачи нет! Ну, прощай! Отставать нельзя... У нас порядок, — быстро, весело произнес он эту длинную тираду, пожал мне руку, повернул коня и поскакал догонять свою сотню. Борчевский стал инженером в Чехословакии и проживал в Праге. В последний раз я видел его в 1933 году. Кстати сказать, он там был женат на донской казачке с высшим образованием, имел дитя-сынишку и был правой рукой у полковника Г.И. Чапчикова в союзе казачьих младороссов. Дальнейшая судьба его мне не известна.

“Волчий дивизион”

До этой встречи с донцами с полком подошел к сборному месту своей дивизии. У пролеска стоял спешенный “Волчий дивизион” — личный конвой генерала Шкуро. Я его вижу впервые, почему и заинтересовался. К тому же от своих офицеров слышал критику на него, и конечно, неосновательную, что “волки” расквартировываются в центре городов, являются привилегированной частью у Шкуро. Но добавляли, что, когда было надо или в случае боевой неустойки, Шкуро бросал их в самое пекло боя, и те уже не поворачивали своих коней назад... Вот почему я и был заинтересован рассмотреть их.

Все “волки” были в косматых, волчьей шкуры, папахах. Все хорошо одеты, почти сплошь в черкески или в шубы-черкески. У многих серебряные кинжалы. Лошади в хороших телах. Их было человек двести. В этот же день я был свидетелем их боевой работы.

Наша дивизия выступила куда-то на северо-запад, левее продвинувшейся 10-й дивизии донцов и неожиданно встретила с пехотой красных. Загорелся бой. Его вела Партизанская головная бригада под начальством полковника Михаила Соломахина. Хоперская бригада и Терская казачья батарея есаула Соколова оставлены были в резерве. Резерв уже обстреливался артиллерией противника. Перекат местности не дает обзора. Начальник дивизии генерал Губин, в черкеске, в бурке, сам крупный на фоне снежного открытого поля, командует нам: “По кон-ням!” А потом мы слышим следующую его команду:

— ВОЛКИ! ВПЕРЕ-ОД!

Крупной рысью “волки” оторвались от нас, потом быстро перешли в широкий намет, перевалили через перекал и скрылись с наших глаз. И когда резервная бригада, также перевалив перекал, подходила к речке в балке, навстречу нам везли четыре трупа казаков-волков”, перекинутых через седла своих лошадей... В шубах-черкесках, с беспомощно повисшими руками и ногами по обе стороны седел, они представляли собою очень тяжелое видение войны. На трупах были и шашки, и кинжалы, и только винтовки были накинута погонными ремнями на передние луки седел. Два верховых казака в поводу вели четырех лошадей с убитыми наповал. А позади них один казак-“волк” конвоировал человек двести пленных красноармейцев. Хвост же колонны “волков” уже переваливал следующий перекал местности.

Мне было очень жаль погибших. И мне показалось, что эти двести пленных — они не стоили жизней погибших четырех казаков, погибших так далеко от своих станиц на Кубани. И погибших как бы “зря”. И что толку от этих двухсот пленных красноармейцев, когда в тылу нашем их скопилось, возможно, больше чем 100 тысяч неиспользованных?..

По ровному снежному полю на северо-запад быстро отходили три цепи красных. На них был брошен 2-й Хоперский полк. Скорым шагом, перекатами, с пулеметами на санках, красная пехота удачно оборонялась. 150 шашек хоперцев, рассыпавшись в одну линию и загибая фланги, отгеснили их от села и к вечеру заняли его, где и остановились на ночлег.

Хорунжий Борисенко. Встреча с Марковцами

В Корниловском конном полку, еще при Бабиеве, было введено, что сотня, выставленная в сторожевое охранение, она же и вела с утра разведку. Принцип был — использовать силу одной сотни, чтобы остальные сотни отдыхали.

На ночь следующего дня в охранение была назначена 2-я сотня. Все сотни были малы — 30—40 казаков.

С утра командир сотни хорунжий Борисенко, взяв весь свой резерв в десять человек, выдвинулся вперед и обнаружил движение на запад красной конницы. Выждав, пока она пройдет, он атаковал ее хвост и захватил два пулемета, несколько саней с продуктами и до двух десятков красноармейцев.

Этот незначительный успех очень ободрил казаков полка. Борисенко стал героем дня. Я искренне благодарил его при всех офицерах. Да и было за что благодарить: кроме так

ценных для полка пулеметов, полк пополнился двумя десятками очень хороших лошадей, мешками печеного хлеба и другими продуктами. Пленные показали, что это прошла конная бригада Колесова, чтобы атаковать Касторную.

После донесения в штаб дивизии 2-му Хоперскому полку приказано двинуться в Касторную и поступить в распоряжение командира пехотной бригады генерала Постовского²¹³.

Полк выступил к Касторной. Пройдя полпути, полк остановился для привала. Кстати, было много печеного хлеба, отбитого вчера у красных, и казакам надо дать перекусить...

Построив полк в резервную колонну и спешив, с офицерами отошел на бугорок, ориентироваться. Кругом белое снежное поле. И на нем, издали, 250 лошадей полка, с пулеметами и обозами, темной массой выделяясь, казались большой силой. Это радовало глаз, душу.

С запада к нам приближаются две фигуры. Подошли и представились — командир батальона Марковского пехотного полка со своим адъютантом.

Оба в чине поручика. Молодые. Батальонному нет и 30 лет. Интеллигентные. Видимо, из учителей. Одеты были по-солдатски, в обыкновенные шинели, при шашках и револьверах. Марковские погоны с характерным белым просветом — крепко вшиты в шинели. Они воински подтянуты, отчетливы. Встреча пред полем брани с храброй пехотой была очень приятна. Они отступают от Орла. Настроены воинственно. На мой вопрос: “Сколько в батальоне штыков?” — командир ответил: “Чуть свыше двухсот”.

На мои слова, что их батальон очень малый, батальонный командир, живой и отчетливый, ответил:

Но у нас есть танки!

Где же они? — радостно спрашиваю его.

Поручик, батальонный командир, отступив от меня на два шага назад и поставив свою правую ногу на каблук тяжелого английского ботинка, на подошве которого были вбиты толстые железные гвозди-шипы, и качнув ботинком вправо и влево, весело сказал:

— А вот они, господин полковник!..

Мы все весело расхохотались. Этим он не только что показал, что “сила пехоты в ногах”, но и показал, что он сам бодр и, пока ноги в целости, воевать можно.

У генерала Постовского

Мы на фланге боевого пехотного расположения у Касторной. Остановив полк в ложбине, спрашиваю офицера: — Где генерал Постовский?

— А вон, на курганчике... верхом на лошади, — отвечает он и указывает рукой на запад.

С вестовым скачу к курганчику. Возле него стоят конные ординарцы. На самом курганчике еще два верховых солдата.

А где генерал Постовский? — спрашиваю я их, думая, что офицер ошибся.

А вон на курганчике, — отвечает один солдат.

Где на курганчике? — уточняю я.

Да вот, что недалеко перед Вами, — поясняет он.

На курганчике стояли два солдата верхом на лошадях, как близнецы похожие один на другого. “Поеду к ним и спрошу как следует — где же именно генерал Постовский?” — решаю. Нажав на тебеньки, вскочил на курганчик.

Где генерал Постовский? — спрашиваю я переднего.

А Вы кто такой будете? — слышу от него.

Я командир 2-го Хоперского полка и прибыл с полком в распоряжение генерала Пестовского, которого и ищу, — говорю запросто.

А-а... здравствуйте, полковник!.. Я и есть генерал Постовский, — отвечает мне одна фигура из этих двух, по внешности, рядового солдата.

И я только тогда обратил внимание, посмотрев на его генеральские плечи и на его военный мундир. Он был таков: солдатская шинель с суконными погонами того же цвета; по погонам химическим карандашом в чуть заметную линию проведены три кривых зигзага; на голове была солдатская фуражка защитного цвета; казенный английский шерстяной серый чулок, выдаваемый солдатам Добрармии, охватывал подбородок и уши генерала, концами своими где-то прятался под фуражкой, предохраняя уши от холода; два таких же чулка были надеты на его руки и заменяли перчатки; четвертым чулком, как шарфом, была охвачена шея генерала; на белом круглом лице пушистыми клочками в разные стороны коротко вились и борода, и усы...

Под ним был рыхлый обозный конь грязно-серой масти с дрянным обозным седлом и с убогой мужицкой уздечкой. Конь как лежал ночью в своем конском помете, так и остался в нем, свежем, неприятном для глаз и для обоняния... Конь стоял, понурив голову, и у него на косматой шее, как никому не нужные, ни седоку ни лошади, висели длинные поводья. Генерал в бинокль осматривал предстоящее поле боя.

Ваше превосходительство... по распоряжению начальника 1-й Кавказской казачьей дивизии со 2-м Хоперским полком в Ваше распоряжение прибыл! — отрапортовал ему.

Очень приятно!.. Очень приятно, полковник!.. Где же Ваш славный полк? — быстро произнес он.

Мой славный полк в ложбине, — доложил я генералу и рукой указал на восток.

“Что за ненужная любезность? — ударило мне в голову. — И почему “славный”? Ни меня, ни полка он не знает, к чему эта похвала? Вам нужна конница, так вот я и прибыл с нею”, — возмущаюсь в душе.

Я с удивлением рассматриваю его “мундир”, и он это заметил.

Что?.. Удивляетесь, как я одет? — нарушает он мое молчаливое любопытство и удивление. — Это все, во-первых, чтобы было тепло, — поясняет он и поправляет на своих руках солдатские английские “чулки-перчатки”... — А во-вторых, чтобы неприятель не заметил — “где генерал?”... Это как бы маскировка... Но я очень рад, что Вы прибыли ко мне. И когда мы вернемся на ночлег в Касторную — обязательно зайдите ко мне на чай, — добавляет он. — У Вас отличная кобылица, полковник! И не бойтесь ли Вы, что ее могут убить в бою?

Не только кобылицу, но и меня могут убить в бою, — отвечаю ему.

— Да, Вы правы... Да и напрасно Вы одеты в серебряные погоны! Смотрите вот на меня!.. Если поймут красные — я словно солдат. А свои солдаты и так меня знают, что я есть генерал. Я даже и не бреюсь, поэтому... — выражает мне “свой духовный мир” командир пехотной бригады, защищающий теперь своими сборными полками важный железнодорожный узел Касторную.

Отправив полк по квартирам, я у него в штабе бригады. Штаба бригады, собственно, и нет. При нем за начальника штаба находится Терского войска подьесаул Слюсарев²¹⁴. Он в хорошей шубе-черкеске. Слюсарев рад видеть у себя офицера-кубанца и с удовольствием говорит со мною. По выпуску из военного училища он, безусловно, старше меня, почему хотя он и в чине только подьесаула, но держит себя совершенно ненатянуто. Мне это понравилось.

Перед генералом Постовским маленький карточный столик. Он пьет чай и без умолку говорит, говорит, рассказывает что-то и тут же спрашивает Слюсарева о ходе фронтовых дел.

Не буду писать о том, как он предложил мне жениться на его старшей дочке... Уйдя от него, по событиям на фронте, я его больше не встречал.

...В недопустимый курьез поставил себя Буденный, описывая им взятие Касторной. Он пишет в своей книге: “Генерал Постовский, бросив свой штаб, пытался на санях скрыться из Касторной, но был опознан нашими бойцами и зарублен”²¹⁵.

Генерал Постовский остался жив и проживал в Париже. В 1932 году я встретил его на одном собрании кубанцев. Он был хорошо одет, чисто выбрит и совсем не походил “на генерала под Касторной”. Казался даже молодым и элегантным. Я ему представился и напомнил о Касторной, но... он ничего не помнил и меня не узнал.

В марте 1933 года я выехал на джигитовку из Парижа по тропическим странам Азии. Потом Иностраный легион французской армии в Индокитае, и только в ноябре 1946 года вернулся в Париж для демобилизации. Я был офицером французской армии во Второй мировой войне. Отсутствуя в Европе 14 лет, я совершенно ничего не знал, какова была ситуация русской эмиграции во Франции, и вот, прибыв, узнал, что ввиду победы Красной армии из рядов эмиграции образовалось общество советских патриотов. Генерал Постовский был председателем этого общества на Юге Франции и в 1947 году, как и многие из них, вернулся в советскую Россию.

Пополнение полка

В Касторной ко мне явился командир конной сотни Марковского полка и попросился с сотней перейти в наш полк. Он был в звании вахмистра. Я его вначале не понял — что он хочет? И он доложил:

— Свыше ста конных казаков шло на пополнение во 2-й Хоперский полк. Офицер в дороге заболел, и он принял командование.

Где-то в пути командир Марковского полка уговорил их перейти на службу в их полк, в качестве разведывательной конницы, где им будет слркить вольготнее, чем при своем

казачьем полку. Здесь у них будет только разведка и служба связи, а в своем полку — бои, атаки... Казаки посоветовались между собой и согласились, — наивно докладывает он. Почему же ты теперь хочешь с сотней быть в своем родном полку? — спокойно спрашиваю его, смотря ему прямо в глаза.

Да скушно там... и офицеры не такие, как наши... нудная служба... все на посылках да на посылках... вот и потянуло к своим... а тут общее отступление — уж лучше быть со своими. Кстати, этот полк теперь в Касторной, вот я пришел к Вам проситься по совету своих казаков, — закончил он.

Выслушав его чистосердечное признание, я уже “по-отечески”, но строго говорю ему:

— Как же это ты, вахмистр, имея предписание привести сотню в свой 2-й Хоперский полк, не исполнил его?

Многое я ему сказал тогда... но не ругал, а только ударял на совесть. Конечно, они были немедленно же зачислены в полк, казаки распределены по сотням, и полк увеличился почти вдвое.

Из Невинномысской для всей дивизии прибыл ремонт кабардинских лошадей, числом около сотни. Все они были кобылицы, “неуки”, захудалые в дальней дороге. Никогда не кованные, почти дикие, прямо из горского табуна и не принимающие зерновой корм. Несмотря на это, все мы были рады получить из войска, так далеко от нас находящегося, этот ремонт. На наш полк досталось 25 лошадей. Пришлось дать некоторым безлошадным офицерам или обменять своих.

Полк доходил уже до 250 шашек в строю с шестью пулеметами на санках, на линейках, на тачанках.

Нет сомнения, что, была бы Кубанская армия, таких случаев, как с конной сотней вахмистра, не случилось бы.

При всем тогда тяжелом положении мы и не думали, что произошел трагический перелом военного счастья и мы докатимся до Черного моря... Начались бои за Касторную. 2-й Хоперский полк вошел в подчинение Марковского пехотного полка. Наш полк оставил Касторную последним.

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

“Каждый офицер, вступая в бой, должен быть на самой своей лучшей лошади и в самом лучшем своем костюме. В бой он должен вступать, словно идти на парад, так как, может быть, это будут его последние минуты в жизни. Поэтому он и должен быть наряжен”, — как-то сказал мне генерал Бабиев на Маньче весной 1919 года, узнав, что один из командиров сотен нашего Корниловского конного полка, сам по себе очень храбрый и распорядительный офицер, перед боем отправлял свою мощную красавицу кобылицу английской крови в хвост сотни, а сам садился на невзрачного своего второго коня.

Бабиев был прав. Это многим старым корниловцам глубоко вошло в душу, и многие из нас следовали словам Бабиева. Вот почему я и описал “мундир” генерала Пестовского в бою в предыдущей своей брошюре и его мышление по этому вопросу. Кроме того, генерал Постовский вернулся в советскую Россию, что дало мне некоторое моральное право описать его личность.

2-й Хоперский полк составом своих лошадей, заморенных и полуупряжного сорта, общим своим внешним видом явно уставших казаков в непрерывных походах и боях, начиная с Кавказа, через всю Украину, в Заднепровье и на Воронеж, был далек от внешнего вида полка, даже Первой мировой войны. Полное отсутствие кадровых офицеров, малочисленность настоящих, ровно наполовину состоявших из молодых поручиков и подпоручиков не казаков, поступивших в полк при занятии Воронежа, не имевших абсолютно никакой связи с казачеством и с Кубанью, скромными и хорошими людьми по натуре, но казаков не знавших и, как я заметил, боявшихся отдавать им твердые приказания, даже в строю, заставили меня принять сразу же определенные меры, чтобы переломить и оздоровить настроение всего полка.

В первый же день выезда к полку 18 октября, построеного в селе для похода, плохо выравненного по сотням, без полкового штандарта и хора трубачей, которые были где-то при обозе 2-го разряда, был дан примерный толчок полку.

Командир фланговой сотни вяло скомандовал “смирно” (сотни были разбросаны по улице), как и сотня вяло ответила на мое приветствие, ответила так, как всегда отвечала моему предшественнику, старичку полковнику из Воронежа, Третьякову.

“Фронт есть святое место”, — говорит воинский устав, поэтому встреча всякого начальника должна быть точна и, если не помпезна, воински красива и отчетлива.

Не здороваясь со следующей сотней, я взял командование над этой фланговой сотней, выравнял ее сам, подбодрил словами, сказав, чтобы она так всегда выравнивалась и отвечала громко на приветствия командира сотни и мне, отчего и им будет веселее после подобной короткой воинской субординации — “встреча начальника”. Казаки этой фланговой сотни на мое вторичное приветствие весело ответили. Следующие сотни, видя и слыша все это, подтянулись, и с ними мне не пришлось репетировать.

Воинский строй, воинская дисциплина — они не терпят имитации и примитивности.

“Тяжело на ученьи — легко будет в походе”, — учил Суворов. К этому можно и необходимо добавить: “Плохой строй, малое послушание начальнику на месте легко может вызвать непослушание начальнику в бою”.

Под станицей Убежинской Кубанского войска 20 октября 1918 года полковник Бабиев, после неудачной атаки на пехоту красных, срывая досаду, вертясь на своем горячем коне меж сотнями, под огнем противника произвел резкие перестроения своему Корниловскому полку, ничего не имеющие с перестроениями для боя. Он этим привел в порядок разрозненные после атаки сотни полки, взял полк “в руки” и подбодрил казаков. Такова похвальная психология настоящего воина-командира.

“Мы есть корниловцы-бабиевцы”, — иногда проносилась горделивая струнка в наших сердцах. Сравнение, конечно, не тождественное, но бодрящее, горделивое и приятное для тех, кто переживал доблестные конные атаки Корниловского полка под неослабеваемой властью и требованиями пылкого, молодецкого и властного полковника Коли Бабиева, ставшего потом генерал-лейтенантом в свои 32 года от рождения.

“Алла-верды”...

Еще до прибытия в Касторную 2-й Хоперский полк достаточно пополнился конским составом, а именно: 20 лошадей отбито при обозе у красных хорунжим Борисенко; 25 лошадей из Баталпашинского отдела, как часть их для всей дивизии, и еще получили 15 от штаба дивизии, не разобранных другими полками. И то, что пополнение с Кубани в 40 лошадей были “неуки” горской породы, не смутило: казаки по привычке быстро взяли их “в шоры”.

В Касторную прибыли офицеры: с Кубани есаул Краморов²¹⁶ и из обоза 2-го разряда хорунжий Дубков²¹⁷, сверстник и однокашник по корпусу и училищу хорунжего Галкина, один поручик (фамилию не помню) и “старый хоперец”, очень моложавый, хорошо воспитанный и веселый подпоручик Гари Тер-Авакьянц, армянин из Ставрополя. С ними прибыл и полковой казначей сотник Леон Булавин для выдачи аванса и жалованья всем чинам полка. Все это было и неожиданно, и приятно. Случай получился исключительный, чтобы на радостях сделать “первую офицерскую вечеринку-ужин с вином” и ближе познакомиться со всеми офицерами полка. К тому же казначей Булавин привез кое-что из обоза. Общий стол был накрыт в просторной крестьянской хате, не пышно, но всего было достаточно.

Не знаю, собирались ли когда офицеры на общую полковую трапезу с вином, потому что, когда они вошли числом человек до пятнадцати в разнообразных своих военных шубах и шинелях при погонах и увидели накрытый стол с закусками и напитками, они удивились.

— ХОПЕРЦЫ — АЛЛА-ВЕРДЫ! — поднявшись со стаканом в руке, произнес я.

Все они, сидя на скамьях, недоуменно посмотрели на меня и... молчат.

— Хоперцы!.. Алла-верды! — повторяю уже более громко, чтобы возбудить их внимание.

Они встали, смотрят на меня и... молчат.

— Садитесь, господа... — говорю им уж тихо, — и послушайте меня в частном порядке.

Сказал, поставил свой нетронутый бокал и сам сел. Все сели и опять молчат...

Кроме официального положения, что 1-й Хоперский полк являлся старейшим полком Кубанского войска, он имел притягательную к себе силу, постоянную стоянку в мирное время в Грузии, в самом Кутаисе. Кроме того, живя в своих станицах бок о бок с

черкесами, с карачаевцами и частью с осетинами своего отдела, хоперские казаки воплотили в себе некоторые черты обычаев, удали и другие качества этих народов, а грузинская песня “Алла-верды, Господь с тобою” и задравная “Мраволжамиер” (многая лета) являлись бытовыми песнями в офицерской среде за столом.

В Первой мировой войне 1914 —1917 годов, входя “четвертым полком” в состав Кавказской кавалерийской дивизии, 1-й Хоперский полк пользовался среди драгун нескрываемой симпатией и любовью к ним. Это мы, 1-й Кавказский полк, хорошо видели в Турции в июле 1915 года, в городе Ване, встречая эту дивизию и угощая сердечно свой старейший полк родного войска.

И вот теперь офицеры такого лихого и молодецкого полка хоперцев “этого” ничего не знают.

Сидя и совершенно в частном порядке я рассказал им “Историю Хоперцев”. Они слушают меня молча, но нисколько не смущенно.

Я окончил. Самый смелый из них на слово, хорошо воспитанный, прозванный Наполеоном за его сходство черепом и лицом с великим французским императором, сам коренной хоперец, командир 4-й сотни хорунжий Александр Галкин, попросил слова. И он сказал:

— Да откуда же нам все это было знать?.. Мы все — молодежь... Кадровых офицеров среди нас ни одного... И половина присутствующих не только что не казаки родом, а многие поступили в полк в Воронеже, по занятии его. Откуда же все это нам знать? — спрашивает он меня. И как бы оправдываясь, закончил: — Нет-нет, господин полковник!.. Мы в этом не виновны.

Оправдание было полностью высказано, и я их понял.

С этого дня началась дружеская жизнь офицеров полка, с которыми с боями и со всеми невзгодами отступающих частей, от Воронежа и до Невинномысской станицы на Кубани, полк совершил тяжкий путь в течение четырех месяцев. С ними я подружился, и с ними никогда у меня не было никаких неприятностей. К тому же летамы мы все были почти сверстники. Но их чины? Два сотника, три хорунжих, а остальные поручики и подпоручики. Такова горькая действительность одного из боевых полков доблестной 1-й Кавказской казачьей дивизии корпуса генерала Шкуро, с которым он устремился, как и все дивизии и корпуса, на Москву...

Такой же приблизительно боевой и офицерский состав был и в остальных полках дивизии. 1-м Кубанским Партизанским конным полком командовал стойкий в боях и строгий капитан Химченко, как говорили, уроженец Баталпашинского отдела, то есть родственник хоперским казакам.

Есаул Краморов был назначен помощником по хозяйственной части, главным образом по “добыче фуража” полку. Бывший подхорунжий 2-го Лабинского полка в Первую мировую войну, он отлично справился со своей задачей, пока не попал в плен к красным в исключительно трагической обстановке. Об этом своевременно будет написано. Полковой казначей сотник Булавин вернулся в обоз 2-го разряда, который находился где-то под Новым Осколом то есть более чем за 50 верст от своего полка.

Начались бои, отступление. С нашей питательной базой, полковым обозом, связь была полностью утеряна, как и во всех частях дивизии. И только через два с лишним месяца мы настигли его под Ростовом.

Первый бой под Касторной

Наш полк был придан к Марковскому пехотному полку, которым командовал молодой красивый капитан-брюнет из кадровых офицеров. В полку у них насчитывалось до 1 тысячи штыков, достаточно артиллерии и пулеметов. К Касторной подошел железнодорожный состав, на котором находились два танка. Ночью они будут выгружены, и с рассветом части перейдут в наступление на село Успенское, находящееся к северу от Касторной, верстах в десяти.

К рассвету 2-й Хоперский полк прибыл. Представился капитану в его полковой канцелярии, но у них еще не разработан план наступления. В канцелярии человек пять офицеров, все молодежь, все отчетливы и вежливы. Несколько писарей и три или четыре пишущие машинки. Я позавидовал их полковой налаженности. У нас в полку канцелярии, в прямом смысле этого понимания, нет. Приказы по полку пишутся от руки. И полковой адъютант временный сотник Царев, накануне моего приезда в полк, выехал в обоз “подтянуть канцелярию”, там не задержался, выехал на Кубань, и я его больше никогда не видел. Он не казак, но уроженец одной из хоперских станиц; по отзывам офицеров, отличный воин, душою казак, много пережил после восстания, и они были удивлены, что он не вернулся в полк.

На улице холодно. Метет мелкий колкий снег. Роты выстроены тут же и ждут приказа. Наш полк также, но приказа еще нет. Мы с удовольствием рассматриваем два танка, коих видим впервые в своей жизни. Они дают полную уверенность нам в победе.

Солдаты стоят вольно, зябнут, переговариваются между собой... они мобилизованы. Жалуются на плохую обувь и на то, что их рано подняли и “теперь, вот, зря стоим”. Я и сам возмущаюсь, что мы зря стоим. Вхожу в канцелярию и довольно резко говорю капитану об этом, что наш полк казаков и их лошади “зря зябнут”. Капитан, милый человек, он просит еще подождать... Мы ждали и двинулись в наступление, когда настало утро.

Впереди шли два танка. За ними — две цепи пехоты. Наш полк на левом (западном) фланге. По затверделому снегу танки шли, думаю, верст десять в час. Пехота быстро отстала.

Мы были впервые с танками в бою. Издали и с фланга было хорошо видно, как какие-то две темные стальные черепахи уверенно ползли вперед. Потом они скрылись из нашего наблюдения... потом вновь показались. Оказывается, они проходили овраг-долинку и, неожиданно появившись перед красными, открыли по ним огонь. Наметом и в разные стороны красная конница бросилась врассыпную. 2-й Хоперский полк, выбросив одну сотню в лаву, развернутым фронтом бросился в преследование. Танки остановились у речонки, которую “взять”, видимо, не смогли. Хоперцы быстро перешли ее вброд и заняли село, успев захватить несколько седел и сум на брошенных красными раненых своих лошадях. Это были передовые части 11-й красной кавалерийской дивизии — бригада Колесова. Бригада Колесова числилась “отдельной”.

В селе, на улицах, много зерна и сена на дороге. Спрашиваю крестьян: “Что это?”
Отвечают: “Так красные кормили своих лошадей наспех”. Все брали у крестьян бесплатно и под угрозой.

“Мы — народная армия. Мы защищаем права народа. Нашим лошадям нужен фураж. Давайте его нам немедленно же!.. А нет — сами возьмем! А когда прогоним золотопогонников — всем вам будет легче жить. А пока — делайте жертву! — так они говорили крестьянам, а те, ненавидя их и боясь их, давали все то, что они требовали именем народа.

Должен подчеркнуть, что воронежские крестьяне были настроены исключительно активно против красных. Как жаль, что эта сила не была использована.

Буденный в своем описании этого боя указывает, что у белых было четыре танка и его кавалеристы вначале признали в них движущиеся телеги с сеном. Когда же эти “телеги” открыли пулеметный огонь по ним, то они в панике бросились врассыпную. В его описании и в описании Егорова все время чувствуется сгущение красок в пользу красных. Для истории приведу, что пишет об этом Буденный в своей книге:

“26 октября (по старому стилю. — Ф. И.) со стороны Касторной, Кожовка и Нижнедевицка противник перешел в наступление силами около 4-х тысяч сабель и до 8-ми полков пехоты, при под держке 4-х танков и 3-х бронепоездов. На всем фронте корпуса завязался упорный бой, продолжавшийся весь день.

К 9-ти часам утра, в районе 2-й бригады 4-й Кавалерийской дивизии, в село Успенку вошли 4 танка белогвардейцев. Наши бойцы до этого ни разу не видели танков, приняли их в непроглядной пурге за возы с сеном и продолжали спокойно укрываться от непогоды во дворах. Не встретив никого на улице, танки повернули обратно и без выстрела медленно ушли. Через некоторое время Успенку атаковала гренадерская дивизия. Гренадеры дрались упорно и, используя свое численное превосходство и также поддержку танков, потеснили 2-ю бригаду. Но к 17-ти часам, 2-я бригада, совместно с 3-й бригадой этой же дивизии, выбила белогвардейцев из Успенки и отбросила их вместе с танками к Касторной”²¹⁸.

Нам без документов трудно определить точность его слов — “как это было”, но одно точно — ни наши два танка, ни наша пехота не вошли в село Успенка. В него вошел только 2-й Хоперский полк, который к вечеру вновь был оттянут в Касторную. Мелкий, но характерный штрих.

Вернувшись в Касторную, полк расположился по старым квартирам. Дочери нашего хозяина, среднего крестьянского достатка, думая, что мы отступаем, буквально заголосили.

Да что вы? — спрашиваю их.

А-а-а!.. Опять придут красные!.. Што мы будем де-ла-ать?.. Опять будут грабить!

Я их успокаиваю, что “красные не придут”. Девушки не верят, несут нашим лошадям спрятанное зерно и завывают:

— Берите лучше вы-ы... чем им от-да-ать!

Жуткие бывали сцены при отступлении. И их нужно было переносить, бодрить павших духом и часто лгать, лгать в противовес своей душе...

Недопустимые неточности

И Буденный, и красный командующий Южным фронтом А. Егоров, и даже генерал Деникин в своих описаниях все время говорят “корпус Мамантова и корпус Шкуро”, тогда как начиная с 6 октября, после вызова 1-й Терской казачьей дивизии на юг против Махно, 3-го Конного корпуса генерала Шкуро уже не существовало. От него осталась только одна 1-я Кавказская казачья дивизия, состоявшая из четырех Кубанских конных полков и Терской конной четырехорудийной батареи под командой твердого, в своем слове старого есаула Соколова. Старого относительно, так как все командиры полков этой дивизии были молодые: 1-го Кубанского Партизанского капитан Химченко, 2-го Кубанского Партизанского полковник Соломахин, 1-го Хоперского полковник Ассиер и 2-го Хоперского полковник Елисеев. Старшему из нас было 30 лет, а есаулу Соколову, думаю, под 40. Высокий, стройный, сухощавый, с громким командным голосом, гордый своей батареей — он не молчал и перед начальством. Нам, послушным, он казался тогда “старым”.

В противовес донесению даже генерала Шкуро, эта дивизия тогда, с “Волчьим дивизионом”, не считая пулеметных команд, имела не менее 1200 шашек.

Наш 2-й Хоперский полк считался самым малочисленным, но теперь, перед Касторной, он имел около 250 шашек. Оба Партизанских полка и “Волчий дивизион” со штабом дивизии и генералом Шкуро считались основой дивизии, и пополнения людьми и лошадьми к ним шли в первую очередь. Из-за этого при распределении ремонта лошадей между полками, еще до Касторной, у меня был неприятный разговор с начальником штаба дивизии, Генерального штаба полковником Соколовским²¹⁹, который подчеркнул мне “привилегированность” этих частей, что меня крайне удивило. “Тяготы боев несем одинаковые, то при чем же здесь и для чего привилегированность?” — ответил я ему.

Шкуро доносил генералу Деникину, что в дивизии всего лишь 600 шашек и дивизия “безлошадная”. Это последнее тоже было неверно. Конский состав был плох, но в конную атаку мы еще ходили.

Силу мамантовского корпуса генерал Деникин исчислял в 1800 шашек, ввиду оттяжки некоторых частей этого корпуса на Лискинское направление²²⁰. Следовательно, вся конная группа Шкуро под Касторной исчислялась в три тысячи сабель.

В самой Касторной находились Марковский пехотный полк и бригада генерала Постовского. В нее входил Самурский пехотный полк. О гренадерах, как пишет Буденный, мы не слышали.

Еще более странно звучат строки красного командующего Егорова, в которых он пишет: “По данным разведывательных сводок, перед фронтом корпуса (Буденного) действовали 33 конных полка и 21 стрелковый, а всего — 54 полка, которые группировались у Касторной, с основной задачей — во что бы то ни стало отстоять этот весьма важный узел железнодорожных путей”.

Это звучит уже полной фантазией.

Но наряду с этим и Буденный, и Егоров пишут, что под Касторной в Конный корпус Буденного вошли: 11-я кавалерийская дивизия и Отдельная конная бригада Колесова. 11-й дивизией командовал какой-то Матузенко.

Надо и еще отметить, что кавалерийские дивизии красных состояли каждая из трех конных бригад, тогда как наши дивизии состояли из двух бригад. Нигде не указано, сколько полков составляли бригаду красных — два полка или три? У нас два полка составляли бригаду.

Считая, что конную бригаду составляли два полка, следовательно, дивизия красных имела шесть полков. Итого Конный корпус Буденного, имея 4-ю, 6-ю и 11-ю кавалерийские дивизии и Отдельную кавалерийскую бригаду Колесова, был силою 20 конных полков. При корпусе действовали еще две стрелковые дивизии. Сила очень внушительная перед узловой станцией Касторная. А мы что имели? Лучше умолчим...

У Егорова против всей этой массы конницы Буденного и его стрелковых двух дивизий обозначено со стороны белых²²²:

- а) 1-я Терская пехотная дивизия,
- б) 1-я Кавказская дивизия (видимо, наша 1-я Кавказская казачья),
- в) 12-я казачья дивизия (видимо, 12-я Донская казачья) и
- г) Волчий дивизион.

Опустим все это для разбора историк и продолжим дальше наш боевой страданный путь в снежной пурге воронежско-курских просторов...

Неприятный бой у села Алисы

Штабом Марковского полка разработан план для частичного наступления на село Алисы, лежащее северо-западнее Касторной верстах в 25 — 30, видимо, для обеспечения своего левого фланга. В операцию назначен один батальон марковцев и 2-й Хоперский полк. Марковцы должны атаковать село с юга, а хоперцы с востока.

Рано утром, в густой туман, полк переправился через мостик болотистой речонки, подступил к селу с востока и был встречен огнем красных. Заняв какое-то кирпичное одноэтажное разрушенное здание без потолка, полк ждал условленных выстрелов с юга, чтобы вместе с марковцами атаковать село. Был настолько густой туман, что в десяти шагах ничего не было видно.

Огонь красных усиливался, но “бил” впустую, так как цели им совершенно не было видно, а наше здание находилось внизу. Красные занимали опушку леса на плоскогорье над нами.

По огню можно было заключить, что красные накапливаются против нас, но где они были и где именно занимали свою позицию — из-за тумана ничего не было видно. Казаки, укрывшись, кто где мог, почти не отвечали на выстрелы, ожидая условленного сигнала марковцев.

Туман стал рассеиваться, когда прискакал казак-хоперец от командира марковского батальона с письменным уведомлением, которое воспроизвожу почти дословно. Оно было таково: “Марковцы, по неожиданным обстоятельствам, отступили назад, даже от своего исходного положения. Наша переправа позади полка уже занята противником. Полку

рекомендуется пробиться на север, обогнуть противника по его тылам и выйти к своим частям западной стороной, где эта болотистая речка сходит “на нет”.

Все это было более чем неприятно. Операция сорвалась, не начавшись. Я не знал положение сторон, то есть где свои и где противник. Острые мурашки пробежали по моему телу, так как полк был “отрезан”.

О том, чтобы пробиться на север, потом свернуть на запад, а потом на юг, не могло быть и речи! Что там на севере?.. Какие буераки?.. Какая там сила красных?.. И где наши? “Легко это было написать, но выполнить — возможно ли?” — пронеслась горестная мысль. И одно я точно знал — надо как можно скорее “смаываться”...

Я считал, что надо вновь отбить свою переправу на востоке у красных и этим спасти положение полка.

Как нарочно, туман почти разом рассеялся, и перед нами показалась опушка леса, из которой стрелял противник. Мы были оголены почти полностью.

Казак-гонiec впопыхах наглядно передал моим казакам картину отхода наших войск. Этот слух, как всегда водится в полках, быстро прошел по сотням. И по моей команде “ПО КОНЯМ!” сотни быстро вскочили в седла и инстинктивно бросились к речке, к тому месту, где казак-гонiec, в поводу с конем, прошел по тонкому льду. Остановить и завернуть сотни было уже невозможно.

Туман еще застилал низины, но 250 с лишним лошадей, шарахнувшись в эту низину со своими санями, линейками и тачанками, произвели известный шум, и красные открыли сильнейший огонь из винтовок и пулеметов “на слух”.

Наше отступление спас туман. Порыв пуль был настолько страшен по своей близости, что мне казалось — вот-вот будет убита моя кобылица.

Штаб полка стоял у самого сарая, а сотни стояли внизу, и при таком поспешном отступлении штаб полка оказался позади своих сотен.

Сотни, рассыпавшись, у речки спешили. С конями в поводу, карачась по скользкому чистому тонкому молодому льду, спешно двигались к противоположному берегу речки. Часть их была уже там и скрылась в узкую балку.

Выпрягая лошадей из пулеметных леек, казаки тащили руками и линейки, и пулеметы в отдельности, боясь провалиться под лед.

Я настиг две пулеметные тачанки, из которых, под огнем красных, казаки не успели выпрячь своих лошадей. Кони запирались и боялись идти на ясный, совершенно беснежный лед, под которым так ясно видны были подводные болотные растения. Казаки взяли их в кнуты. Лошади двинулись, поддерживаемые за поводья пешими казаками, — храпели, скользили и так боязливо шли... Молодой лед давал уже ясно свои длинные белые полосы трещин... Потом он как-то глухо треснул и... обе тачанки, с пулеметами и двумя тройками запряженных лошадей, тихо, но очень страшно начали опускаться куда-то вниз... Вода хлюпнула наверх из-под всей этой тяжести — казаки бросили лошадей и отскочили по льду в стороны.

Я стоял еще на берегу противника, держа свою кобылицу в поводу, следил за переправой этих пулеметных тачанок и... по секундам созерцал всю жуткую картину гибели, главное, несчастных лошадей, но не гибели пулеметов и тачанок.

Лошади опустились в воду быстро, а тачанки, еще сдерживаемые льдом, опускались тихо и, дойдя до своих кузовов-лодок, остановились. Впереди них барахтались в тине запряженные лошади, погрузившись в ледяную воду с кострецами своих тел. Видны были только их холки и шеи с вытянутыми головами.

На счастье, речонка оказалась не глубокой, но очень илистой. Барахтающиеся по ее дну лошади пенили воду густой темно-коричневой водой. О спасении лошадей и тачанок не было и речи, к ним уже нельзя было подступить.

— Спасайте пулеметы! — кричу я в пространство, а сам, карачась по льду с кобылицей и с малочисленными своими ординарцами, достигаю противоположного берега.

Казачи бросили на тачанки вьючки, и ездовые, зааркавив пулеметы, сумели спустить их в зады тачанок. Пулеметы были спасены. Весь полк в крутой балке. Злостный холод. Оказались раненые казаки. В лютой снежный мороз оголенные тела раненых... Не знаю, как все это было возможно выдержать человеческому организму?! Перевязывали раненых фельдшера. В полку нет и врача.

Быстро оправив сотни, полк двинулся по оврагу в сторону Касторной. А позади нас, посредине замерзшей речки, стояли недвижимы две тройные упряжки лошадей в двух тачанках... Видны были только головы лошадей. Тачанки опустились также под своей тяжестью, и видны были только верхние закрайки кузовов для ездовых казаков, когда-то на них.

Вид всего этого был бесконечно тяжелым. Так было жалко несчастных животных, брошенных нами в ледяной зимней воде. И я уже молил Бога, чтобы красные скорее подошли к речке и забрали бы их как свой трофей...

В этой неудачной операции полк потерял до двух десятков лошадей и несколько человек раненых казаков. Убитых не было.

Надломленный этой неудачей, полк вернулся в Касторную.

Молодецкая конная атака полка

В Касторной сосредоточилась вся наша дивизия. Через сутки новое наступление на север всей дивизии. 2-й Хоперский полк на левом фланге. Ему приказано занять это злосчастное село Алисы. К нашему удивлению, оно было оставлено красными, и полк занял его без боя.

Крестьяне встретили нас сдержанно, но сочувственно. Первым делом я спросил об участи наших лошадей, затонувших в их речке с тачанками. И был счастлив, узнав, что красные извлекли их из воды.

Мы стоим в селе два-три дня. Все время идет снег хлопьями. Зима спускалась над Центральной Россией в полной своей красоте и силе. Было начало ноября.

В один из дней вьюга особенно завывала с севера. В сторожевом охранении была вся 3-я сотня со своим командиром сотником Ковалевым. Он отличный боевой офицер, которого казаки любили и верили ему, как своему родному хоперцу. При нем два пулемета. Полк стоит полностью изолированный от своих сил в Касторной, поэтому полк был всегда начеку. За 30 верст помощи ждать не приходится. Вдруг Ковалев доносит, что на село с севера движется цепями пехота красных.

Время шло к вечеру, и это показалось мне невероятным. Но когда я вышел на улицу и приказал трубачу “играть тревогу”, пули уже пролетали над селом. Сомнений не было — красные подошли к селу.

Село лежало в низине. На север от него — довольно высокое плато. Полк там, у сторожевых застав.

Метель, густая метель бьет прямо в глаза. Все заволокло в природе падающим визжащим снегом пурги, и впереди ничего не видно.

Свист пуль над головами усилился. Принять бой в пешем строю — означало бы полное неведение, нудный пассив, явное наше отступление к ночи, если красные будут наступать.

По сути дела, по общей обстановке и по полной нашей изолированности и оторванности от своей дивизии и от Касторной, благоразумнее было бы просто оставить село, в котором мы держались на волоске. Но сознание, что заходит ночь, до Касторной не менее 30 верст — когда же мы туда дойдем?

Полк имел задание — бесплодно не втягиваться в бой и в случае чего отойти в Касторную.

Конечно, в высших штабах точнее знали картину всего фронта, почему и дано было полку такое пассивное задание — лучше отступить, чем драться.

Почему было дано такое задание, я узнал об этом в эту же ночь, которая могла быть роковой для полка.

Предстоящий ночной отход полка в Касторную нас не устраивал. Бездействовать было нельзя, и надо было выяснить, кто же впереди нас.

Дав сотнику Ковалеву четыре пулемета, приказал держать фронтную позицию и действовать активно по ходу событий. С остальными четырьмя сотнями (в полку было только пять сотен) двинулся краем леса на север. Снег по брюхо лошадям. Идем в “один конь”. Впереди 4-я сотня хорунжего Галкина пробивает полку дорогу. С Галкиным условился — если полк перейдет в атаку и во фланг предполагаемому противнику, он, повернув свою сотню налево, атакует одновременно то, что будет перед ним.

Главные силы со мной: около ста шашек и два пулемета на санках. Вся эта темная масса всадников, идущих в один конь по рыхлому глубокому снегу, кажется внушительной силой.

Ветер злобно завывал, словно предсказывал кому-то определенно недоброе и пушистым снегом хлопьями слепил казакам глаза.

Идя в голове, я видел только хвост сорокалошадной сотни Галкина. Что было у фронтовой сотни Ковалева, ничего не было известно и ничего не было видно, а казаки, в один конь, шли за мной не как на бой, а так, передвигаючись, не думая ни о чем. Да и вообще вся обстановка совершенно не была известна никому из нас. Была сплошная белая мгла в природе от крупных хлопьев снега.

Вдруг ветер как-то особенно порывисто дохнул с востока, мигом пронес метель и оголил перед нами всю местность. И вот в каких-либо 200 шагах у нас влево (на запад) по глубокому снегу, напрягая все свои силы, шли две длинные цепи красных на наше село. Меж ними следовали до двух десятков саней, видимо пулеметы, и до двух десятков конницы.

Как условились, казаки без команд быстро повернули каждый своего коня налево и хищно бросились на них с привычным казачьим гиком. Сотня Галкина, также без команды, повернув налево, словно стая хищных шакалов бросилась на заднюю цепь красных и достигла ее первой.

Со своими ординарцами я оказался на правом фланге трех развернутых в редкий рассыпанный строй сотен, несущихся во весь опор на красных, в снегу до животов, лошадях, но он (снег) рыхлый, молодой, мягкий, легко рассекаемый ногами лошадей и мало задерживающий карьер лошади. Эта странная и дикая скачка продолжалась не больше полуминуты, то есть чтобы карьером проскочить 200 шагов, разделяющих нас, белых и красных.

Для красных это была полная неожиданность. И только отдельные левифланговые красноармейцы успели произвести против нас несколько выстрелов. Казаки быстро врезались в их ряды с криками “Ура!”, и солдаты быстро побросали свои винтовки на землю. Их пулеметы на санках еще успели повернуться кругом, чтобы открыть огонь, но быстро были окружены казаками. Все конные красные, повернув своих коней, карьером скрылись в снежной вечерней мгле. Казаки занялись “кошельками”... другие сгоняли обезоруженных в одну массу. Их пулеметы, разбросанные по полю, были еще с их “номерами”. Скачу на разгоряченной кобылице и кричу-командую:

— СЕСТЬ КАЗАКАМ ЗА ПУЛЕМЕТЫ!

Казаки меня поняли. Пулеметы уже в их руках. Но я боюсь резервов красных. Возможно, что это только авангард. У меня ведь не сила, а лишь “силенка”! Кричу в пурге благим матом:

— Хоперские пулеметы вперед... Стройся к значкам!

Но казаки как будто не хотят меня понять и “увлеклись” добычей по обмундированию... Потрясая шашкой в воздухе, скачу между ними и кричу-командую:

— СТРОЙСЯ К ЗНАЧКАМ!.. К ЗНАЧКА-АМ!..

Наскакиваю на одного дерзкого рябого казака-джигутинца 5-й сотни (о нем потом), который занимался “своеволием” над пленными, и кричу ему:

— Скачи к сотнику Ковалеву, чтобы он со своею сотнею и с пулеметами как можно скорее скакал бы сюда!

Сторожевая сотня Ковалева уж сама подходила к полку и была немедленно же выдвинута вперед.

Все это продолжалось гораздо меньше по времени, чем об этом пишется. Некоторые молодецкие казаки сразу же бросились за удирающими красными конными и санками, и вот — сопровождают еще двое саней с пулеметами. Некоторые казаки уже гнали солдат к нашему селу. Нарядив для этого 4-ю сотню умного и строгого хорунжего Галкина, выстраиваю остальные сотни подальше от красноармейцев, а 3-ю сотню сотника Ковалева с пулеметами выдвинул к северу.

Но мы напрасно ждали новых красных сил. Никого кругом не было, только вьюга еще будоражила белый свет... Наши пленные густой толпой и скорым шагом двигались к селу и скрылись в его низине.

Казаки стали подбирать брошенные винтовки на свои пулеметные сани. Я еще не доверял “спокойствию” фронта, почему объезжал сотни, благодарил за молодецкую атаку и приводил полк в послушный порядок.

Под ноги моей кобылицы, занесенный снегом, попался раненый красноармеец. Казак соскочил и повернул его на спину. Передо мною открылось скуластое, темно-желтое лицо монгола. Он беспомощно открыл на меня глаза и вновь закрыл их.

— Господин полковник!.. Кит-та-ец-ц?! — вопросительно воскликнул и пояснил мне казак.

— Докончить! — коротко произнес я и поскакал дальше. Выстрела я не слышал. “Докончил” ли его казак, или нет — я не знаю. Но это была первая жертва моего личного распоряжения за всю Гражданскую войну, чтобы убить своего врага. И лишь потому, что он был “китаец”. О роли китайцев в Красной армии писалось как об особенно жестоких палачах над белыми. Да и зачем это он, китаец, иностранец, пошел в Красную армию? пошел против нас, блюстителей порядка? — думали многие из нас.

После целого месяца сплошных боевых неудач, начиная с Усмани—Собакино, такой неожиданный успех сильно подбодрил казаков полка.

Не видя больше красных сил, полк вошел в село с песнями. Жители удивленно высматривали из окон. У моей квартиры стояли выстроенные в две шеренги пленные. Хорунжий Галкин скомандовал своей сотне и пленным “смирно!”.

Я похвально благодарю 4-ю сотню за сноровистую атаку и в особенности храброго и гордого командира хорунжего Шуру Галкина — “наполеона”. Он отличный офицер.

Моя кобылица тепло переживает радость всего полка. Она заиндевелась от пурги, и снег мягко тает на ее лощеной благородной коже. Испарина идет от всего ее большого тела, и она чувствует себя так, словно пышная, молодая женщина, сознающая свою красоту и на которую “нашел безудержный стих любви”.

Спешился. Иду по фронту пленных, всматриваясь в их лица, глаза. Кто они? И вижу — все они самые обыкновенные русские солдаты старой армии. Они провожают меня робкими взглядами. Все одеты очень хорошо, почти во все новое — шинели, гимнастерки, сапоги. За плечами у них полные вещевые мешки.

Дойдя до середины строя, остановился и громко произнес:
ЗДОРОВО, РУССКИЕ СОЛДАТЫ! — и сам взял под козырек.
ЗДРАВИА ЖЕЛАЕМ, ГОСПОДИН ПОЛКОВНИК! — отчетливо, чисто по-пехотному, по-старому, ответили они.

Меня это немного смутило — уж больно они молодецки ответили и, ответив, стали “есть глазами начальство”...

“Что это? Боязнь? Иль русская простота? Неиспорченность?” — подумал я.
Где ваши комиссары? — спрашиваю их.
Все молчат.
Где комиссары? — уже строго переспрашиваю.
Они ускакали, — последовал один ответ из задней шеренги.

— Командный состав на четыре шага вперед — МАРШ ! — произношу я в их гущу.

Никто не выходит.
Где ваши командиры? — вновь строго спрашиваю.
Тоже ускакали, — слышу ответ.
Где тут китайцы?

Отвечают, что “китайцев среди них нет”.

— А одного раненого мы нашли, — упрекаю их.
То башкирец... мой сельчанин, — говорит кто-то из рядов.
Я вызываю его вперед.
Сними шапку! — говорю ему.

Он снял. Его лицо было монгольское, как и того раненого, но ничего китайского. И он говорит, что “то его был сельчанин... он при нем был ранен в живот и упал... в то время наскочили казаки и... он так и не видел больше своего друга-сельчанина”...

Мне было очень больно за свою опрометчивость. Я всегда любил все “восточное, азиатское”, и вот, случайностью, приказал лично “добить” именно одного из них...

Я не стал вызывать того казака, которому приказал закончить жизнь этому несчастному башкирцу... Я боялся его правды, что он “исполнил мой приказ”... В душе же я хотел успокоиться тем, что казак не исполнил моего приказа, так как я не слышал выстрела... и раненый, наверное, сам умер после тяжелого ранения в живот, а может быть, и выздоровеет... А завтра можно убедиться, проехав на то место...

Спешенные казаки окружили строй пленных. Я видел “горящие” глаза казаков на добычу. Я этого никогда не любил и не допускал.
Господа офицеры — ко мне!
Они собрались.
Есть ли потери в сотнях? — спрашиваю их.
Все молчат.
У кого есть раненые? — повторяю.
Все молчат.

Да чего же вы молчите? — строго говорю им, сотенным командирам.

Да не знаю... у меня никого нет, — отвечает Ковалев.

— У меня тоже, — вторит ему Галкин.

Оказалось — полк не понес никаких потерь.

— Неужели так никого и нет командного состава среди вас? — спрашиваю солдатский строй красноармейцев. — Не бойтесь... Вам никому ничего не будет. Я в последний раз говорю — командиры... четыре шага вперед!

Вся эта процедура, видимо, дала веру пленным, что перед ними стоят не казаки-опричники, а что-то гораздо лучшее. Перед строем вышло три человека. Кто вы? — спрашиваю старшего, с бородою, лет тридцати пяти.

Командир батальона... а эти два — ротные командиры... Мы бывшие офицеры... мобилизованные под страхом. Просим нас допросить отдельно от солдат, — говорит мне уже тихо батальонный, чтобы не слышали солдаты.

Это оказался батальон 82-го стрелкового полка 42-й пехотной дивизии 13-й красной армии. Численность батальона чуть больше 200 штыков. В нем две роты и одна рота пулеметная. Нами были захвачены все восемь пулеметов. Конные среди них — командир полка со штабом и комиссары.

Другой их батальон наступает одновременно, восточнее, верст на десять. Им сказали, что в этом селе стоит только одна конная сотня казаков, потому они и шли, хотя и цепями, но очень уверенно, чтобы иметь здесь теплый ночлег. Все это командиром батальона рассказано было нам, всем офицерам, потом, в моей квартире.

Наступали сумерки. Надо было ликвидировать вопрос о пленных. Приказал командирам сотен выстроить своих казаков против пленных — под их наблюдением “только переменить обмундирование с красноармейцами”, не больше.

Это было быстро сделано. Красные командиры стояли тут же и наблюдали это “странное явление”, о чем слышали иное.

Казаки принялись за дело с большой охотой. Конечно, казаки износились в своем обмундировании. На их счастье, у красноармейцев в вещевых мешках был новый запас и белья, и совершенно новых гимнастеров и штанов. Одна пара хороших сапог была только на ногах. В мешках запасной обуви не было.

Красноармейцы, эти русские солдаты, видя, как с ними хорошо обращаются казаки, сами охотно отдавали казакам то, что находили полезным дать воину действующей армии, говоря: “Да теперь это нам и не нужно”.

Они были будто рады, что попали в плен и им больше не придется воевать. Я им сказал, что они сегодня же будут отправлены в Касторную и с ними там плохо не поступят.

Кзаки буквально обогатились. Пленных числом было столько же, сколько было казаков в полку. Каждый казак получил полный новый комплект обмундирования, не говоря уже о том, что каждый обменял.

Мы удивились отличной экипировке пленных. В мешках был и хлеб. Их полк недавно прибыл на фронт, почему и был свеж. Казаки, полностью удовлетворенные, уже запросто и мирно разговаривали с красноармейцами.

Окончив “экипировку”, я вошел в свою комнату со своими офицерами, пригласив и пленных командиров. И когда они вошли, сняли свои головные уборы, сомнений не было: перед нами стояли, по выправке, настоящие пехотные русские офицеры. Они были смущены, но уже не робели и хорошим дельным языком докладывали:

— Нас многих старых офицеров мобилизовали в Красную армию... Куда же скроешься? У каждого семья. Есть надо... А не пойдешь — возьмут в Чека. А что дальше?.. Всего можно ожидать... Только не думайте, господин полковник, что мы охотно в Красной армии! Да и красноармейцы, ведь они тоже мобилизованы. Одно жаль, что Вы плохо поступаете... Наш второй батальон такой же численности... и если Вы его атакуете — он так же Вам сдастся, как и мы.

Подойдя к столу, штабс-капитан положил передо мной большой нагрудный знак “красной звезды”. “Это эмблема батальонного командира”, — сказал он. Те два офицера были поручики. Все, видно, интеллигентные люди.

Потом пригласили их к столу и угостили чаем. У нас у самих ничего не было.

Уже вечерело. Вернее, уже спустилась темнота ночи. И как ни утешительно было все это слушать, но ночевать в одном селе с пленными, числом чуть превышающим нас, было нельзя. Как-никак, и пленные, и крестьяне села — все они были местные, то есть русские, мы же были казаки и пришли в эти края с далекого своего Кавказа. Освободить или насадить ненужную им свою власть — мы не знали их мнения на этот вопрос.

Я сказал батальонному командиру, что он сам поведет своих солдат в Касторную, но под небольшим конвоем казаков.

Мы вышли к пленным. Все вышли.

— Постройте их! — говорю батальонному.

Он смело и уверенно подошел к кучкам их и скомандовал: “Стройся!” — сам же стал спиной к ним и вытянул руки в стороны, обозначив этим “линию фронта”. Красноармейцы быстро вскочили со своих мест и стали строиться. Ротные командиры помогали батальонному.

Пожелав счастливого пути и новой службы правовой России, с пятью казаками-конвоирами тронул их в Касторную.

Собрав офицеров, я начертил им план, что мы к утру атакуем и 2-й батальон красных, зайдя им в тыл, с севера. С этими мыслями мы готовились к ночи, приказав накормить казаков хорошо и дать им полный отдых.

В полку теперь было 14 пулеметов системы “максим”. Это считалось тогда что-то “великое” на один полк. Все они были на санях, почему передвигались быстро и неслышно. Но... мы и не ждали того, что случилось в тылу в этот день...

Сдача Касторной. Результат нашей атаки...

Было часов восемь вечера и было очень темно и холодно, как из Касторной прискакал ординарец от полка при штабе дивизии с письменным приказанием от генерала Губина, начальника нашей дивизии:

“2-му Хоперскому полку немедленно же, переменным аллюром отступить к Касторной. Красные сбили наш фронт, который отступает на юг. С полком, подходя к Касторной — быть очень осторожным, т. к. возможно, оно уже будет занято красными к этому времени. Тогда полку пересечь полотно железной дороги западнее ее и следовать на присоединение к дивизии, которая сейчас выступает из Касторной на юг в селение Суковнино, отстоящее от Касторной верст на 25. Генерал Губин”.

На конверте было “три крестика”, что означало — “исключительно спешно”. Это было настолько неожиданно, насколько же возмутительно. Одного не хватало, чтобы 2-й Хоперский полк вы ступил бы для атаки следующего села с севера и тогда это приказание нас не застало бы здесь. Вот тогда бы можно было точно предположить, что 2-й Хоперский полк погиб бы в полном своем составе.

Главное же теперь — надо как можно скорее уходить из села. Но я не могу трубачу приказать “трубить тревогу”, чтобы не нервировать мирно спящих казаков после упоительной конной атаки и обильного ужина. Казак поскакал в сторожевое охранение чтобы немедленно же снять всю сотню. По сотням поскакали казаки с приказанием “быстро строиться к отступлению”.

Вкратце я сообщил все сотенным командирам. Наш сегодняшний успех сводился не только что к “нулю”, но, если бы мы не приняли боя, были бы уже в Касторной, спокойно присоединились к своей дивизии и безмятежно отступали на юг... Но так как полк сделал подвиг, то нам за это, словно в наказание, нужно пройти до Касторной ускоренным аллюром тридцать верст, может быть в самой Касторной наткнуться на победных красных и дальше где-то догнать свою дивизию. Перспектива была отвратительная.

Чтобы не дать крестьянам понять, что мы отступаем, полк вышел из села тихо, спокойно и потом немедленно перешел на ускоренный аллюр: десять минут рысью и пять минут шагом. Такой аллюр покрывал восемь верст в один час.

Через три с половиной часа такого марша Касторная зловещими своими огоньками мелькала уже близко. Колонна казаков в 250 с лишним лошадей и до двадцати саней (14 пулеметных, остальные санитарные) длинной лентой темных фигур так заметно выделялась в ночи по снежному ровному полю. Перейдя в аллюр “шагом”, полк подтянулся, чтобы компактно встретить. всякую неприятную неожиданность.

В восточной стороне села что-то горело, но не сильно. Слышались беспорядочные выстрелы, такие, когда в огне сами стреляют ружейные патроны. Это явление успокаивало нас в предположении, что белые отступили и сами подожгли что-то. Орудийных разрядов не было. Головная сотня донесла, что в селе нет ни наших, ни красных. Не задерживаясь, крайними западными улицами полк миновал село, перешел железнодорожное полотно и устремился на юг обыкновенным переменным аллюром.

Глубоко за полночь полк достиг того села, где остановилась на ночь наша дивизия. Найдя штаб дивизии, вошел в дом.

За большим столом, за самоваром, сидели генерал Губин, полковник Соколовский и еще кто-то из офицеров штаба и пили чай из шипящего паром большого самовара.

Я впервые вижу генерала Губина без папахи. У него крупное, слегка мясистое, продолговатое лицо, бритая голова; он в черкеске нараспашку. Соколовский в обыкновенном офицерском кителе, как и раньше, будучи начальником штаба 1-й Конной дивизии генерала Врангеля на Кубани и в Ставрополе.

Пройдя с полком свыше пятидесяти верст переменным аллюром без привалов, в лютый холод, я был слегка голоден, но главное — огорчен всем случившимся. Ваше превосходительство, со 2-м Хоперским полком при был, — рапортую.

Очень приятно, полковник... но отчего Вы так долго задержались? Я уже волновался за Вас! Касторная ведь могла быть занята в любой час... и я боялся, что Вас отрежут, — сказал генерал и с блюдечка хлебнул горячий чай.

Я стою в положении “смирно” и ожидаю расспросов или приказания. Но генерал молчит, как молчит всегда мрачный полковник Соколовский.

— Ну, едите, полковник... отдыхайте, — говорит мне генерал Губин, не предложив мне не только что стакан чаю, но не предложив и сесть, как и не подал руки, так это принято в офицерской среде, в особенности среди старших чинов.

Не дождавшись вопросов, я перехожу сам в наступление: Ваше превосходительство!.. Вы получили моих пленных? Каких пленных? — удивленно спрашивает он.

Конной атакой я сегодня взял батальон красной пехоты и восемь пулеметов... и отправил Вам под конвоем в Касторную. Разве Вы их не видели?

По пути в Касторную полк не встретил их на своем пути, почему и думалось, что они достигли Касторной.

— Не-ет... Где же это и как было? — удивленно спрашивает он и уже с интересом, но присесть за стол все же не пригласил.

Я коротко доложил, как это было, стоя перед их чайным столом “смирно”, словно урядник...

Выслушав, вдруг он как-то холодно и недоверчиво, с некоторым раздражением в голосе произносит:

— Никакого Вашего батальона пленных я не видел... и Вашего донесения об этом не получил. Ну, да у Вас, полковник, есть ли какое-либо доказательство этому?.., что Вы взяли в плен батальон?

Меня это изумило, а тон, с каким говорил генерал, задел. Не было сомнения теперь у меня, что плененный батальон, возможно, достиг Касторной и остановился в покинутом селе, куда, наверное, ночью уже вошли красные.

— Вещественные доказательства — восемь пулеметов, отбитых у “красных”, — докладываю или уже говорю я, достаточно определенно.

А потом, вспомнив, что батальонный подарил мне свой значок, достаю его из кармана, подаю его генералу и поясняю, как это было.

Генерал берет значок, рассматривает его со всеми присутствующими и вдруг строго спрашивает:

Вы, конечно, этого батальонного командира и его командиров рот расстреляли?

Нет!.. Я их отправил вместе с батальоном в Касторную, — отвечаю.

Вы их не рас-стре-лял-ли?.. — почти шипяще и наклонившись в мою сторону, негодуяще произнес растяжно генерал Губин.

Все трое бывшие офицеры старой армии... они мобилизованы... и я не считал их преступниками! — досадливо, но стараясь сдержаться отвечаю я своему начальнику дивизии в его теплой и уютной квартире за самоваром, где, уже вижу, мы разговариваем на совершенно разных языках.

Все молча слушают наш диалог. Я стою все так же в положении “смирно”, накаливаюсь от такой недостойной придирки, а генерал, войдя в роль высшего начальника, уже наставительно говорит:

— И какие бы они там ни были “старые офицеры”, — Вы должны (сильное ударение на букву “ы”) были бы их РАССТРЕЛЯТЬ! — И, передохнув, добавил: — Нет, полковник!.. Я Вами очень недоволен! Это почти преступление с Вашей стороны!.. Идите в полк! Завтра мы это еще разберем!

Этот разговор открыл мне многое... “Вот с какими мыслями шли освобождать Россию от красных!” — подумал я тогда.

Немного о генерале Губине.

Он не казак. В 3-м Конном корпусе генерала Краснова (будущего Донского атамана), когда он наступал на Петроград против большевиков в октябре 1917 года, Губин был начальником Уссурийской казачьей дивизии. В своих описаниях этого жуткого периода Краснов отозвался о нем как о слабовольном генерале перед революционной демократией.

3 марта 1947 года, будучи офицером Иностранного легиона французской армии и перед демобилизацией находясь в Париже, я искал службу по конному делу. Узнал, что в одном клубе генерал Губин дает уроки езды. Я представился ему, просил совета и сообщил, кем я был в прошлом, в его дивизии. Высокий и худой старик, совершенно не похожий на того крупного ростом и медлительного в движениях генерала, Губин не узнал и не помнил меня. Он был любезен и коротко рассказал о себе. Оказывается, в молодости он был

видный офицер-скакун с препятствиями. Я не напомнил ему о том случае с пленными, который только что описал.

“Нужда меняет и закон”, — говорит русская пословица. К ней нужно добавить — она меняет и людей. Года два тому назад он умер в Париже, как писалось в тамошней газете.

Пять конвоирующих казаков не вернулись в полк. И они, и пленный батальон, безусловно, были захвачены красными. Так гибли казаки на чужбине... Памятное это село Алисы до сих пор как подвиг, совершенный впустую...

О занятии Касторной Буденный пишет: “Касторную заняла 11-я кавалерийская дивизия товарища Матузенко и отдельная кавалерийская бригада Колесова, наступавшие с северо-востока, и 4-я кавалерийская дивизия Городовикова, наступавшая с юга”.

“К вечеру 15-го ноября (2-го ноября ст. ст.) Касторная была полностью очищена от белогвардейцев. Тем временем в Касторную вошли левофланговые части 13-й красной армии, 42-я стрелковая дивизия”²²³.

Нет сомнения, что бои под Касторной происходили долгие и жестокие, о чем пишут красные командиры Егоров и Буденный, не отрицая доблести и упорства белых частей. Победитель всегда торжествует, даже и в своей неправде. Так, Буденный заканчивает захват Касторной следующими строками:

“В результате Касторненской операции противник потерял: 4 бронепоезда, 4 танка, 100 пулеметов, 22 орудия, десятки тысяч снарядов, миллионы ружейных патронов, 1000 лошадей и около 3000 солдат и офицеров, сдавшихся в плен...

Офицерский батальон 2-го Марковского полка, пытавшийся оказать сопротивление, был почти полностью уничтожен”²²⁴.

Такому количеству и цифрам трофеев, конечно, трудно поверить. Самый захват Касторной Буденный не описывает, хотя о других боях вдавался даже в детали боя.

Со 2-м Хоперским полком я проходил Касторную ровно в полночь, и в ней уже не было белых (и красных) частей, явно своевременно покинувших село и железнодорожный вокзал; Буденный же пишет, что Касторная была занята вечером 2 ноября.

Донская сводка говорит, что полным хозяином Касторной Буденный стал с 3 на 4 ноября²²⁵.

Особенная точность здесь и не нужна, но Касторная, видимо, оставлена была без боя в силу других военных обстоятельств.

Полк в арьергарде дивизии

Утром следующего дня генерал Губин убедился в захвате в плен красного батальона по многочисленным пулеметам во 2-м Хоперском полку. Узнали о том и казаки других полков от самих же офицеров и казаков нашего полка, так как вся дивизия ночевала в одном селе. Ввиду малого количества пулеметов в других полках генерал Губин приказал оставить у нас только два трофейных пулемета, а остальные уступить другим полкам. Протестовать не приходилось.

К вечеру дивизия уходила дальше на юг. Вызвав меня, Губин приказал сменить своими сотнями сторожевое охранение с севера и, когда дивизия вытянется из села, снять 2-й Хоперский полк и выслать его в хвост дивизии. Мне лично — остаться лишь с одними пулеметами на северной окраине села, если появятся красные, обстрелять их и, не ввязываясь в бой, быстро отойти к хвосту дивизии, став ее арьергардом. Все было выполнено, как приказано.

Наше село лежало западнее полотна железной дороги Касторная— Новый Оскол версты на две-три. На таком же расстоянии на северо-восток лежало небольшое село, прикрытое с юга гаем соснового леса. Расставив все восемь пулеметов, наблюдаю местность. И вот из этого леса неожиданно вышел красный эскадрон до ста лошадей в одношереножном рассыпанном строе и двинулся прямо на юг. За ним, шагах в ста на дистанцию, и таким же строем вышел второй эскадрон, затем третий. Они совершенно не обращали внимания на наше село и широким шагом своих крупных лошадей шли прямо на юг. Пока я наблюдал эту красивую кавалерийскую картину, как из леса показался четвертый эскадрон красных.

Наш пулеметный огонь достать их не мог. Головной эшелон был уже на уровне нашего села. Впереди меня два переката с неширокими балками. И вот из первого переката показалась голова конницы, в колонне по три. Эта голова скоро скрывается в балке, а за нею ползучей змеей тянутся всадники тем же строем.

— Пулеметы!.. Приготовиться! — командую восьми саням с пулеметами, находясь позади них в седле, со своим вестовым Тимофеем Сальниковым.

Красные как будто задержались в балке, но “красная змея конницы” продолжала тянуться и спускаться в балку. И вдруг из-за переката выскочили всадники, но уже в колонне по шести, как позволяла санная дорога. Блистая шашками, с дерзкими криками, полным карьером они бросились к селу. До них было не больше версты. Цель для пулеметов была отличная — темные компактные фигуры на фоне белого поля.

— ОГОНЬ! — громко скомандовал пулеметчикам.

Но... пулеметчики хватили своих лошадей в кнуты, и восемь саней с пулеметами легко, как на широкой масленице, карьером бросились вдоль улицы, тянувшейся с севера на юг. Мы с Сальниковым последовали за ними тем же аллюром. Было немного и горько, и смешно.

Проскакав село и свернув на юго-запад по дороге, по сплошному снеговому полю через глубокую балку и следующий за нею высокий перевал длиной версты в три, темной лентой вытянулась наша дивизия, идя спокойным шагом и совершенно не зная, что происходит в ее хвосте.

При дивизии были обозы всех полков, санитарные летучки, частные экипажи, санки и вся та тыловая “накипь”, которая жметя к строю только в дни отступления. Поэтому если в дивизии насчитывалось чуть свыше тысячи боевых шашек, то всех людей, всех лошадей с пулеметными командами, с батареей, с обозами, с санитарными летучками и с частными экипажами и санками, думаю, было до 2500. И вся эта масса, в колонне по три и в одну упряжку, вытянулась по единственной дороге меж сугробами непроходимого снега. Всю эту беспомощную кишку замыкал 2-й Хоперский полк.

Кое-как рассыпав свои малочисленные сотни в лаву и собрав пулеметы, я ждал жуткой минуты, когда конная масса красных вот-вот покажется из села и своею силою, своим сокрушающим ударом обрушится на хвост беспомощной колонны...

— Попробуйте теперь бежать... — рычу я на своих пулеметчиков, потрясая шашкой.

Дивизия, как ни шла тихо, все же двигалась вперед, очищая дорогу 2-му Хоперскому полку. Несколько конных человек быстро выскочили из дворов села, лежащих вне нашего шляха, и бросились в нашу сторону.

ПРИГОТОВИТЬСЯ! — кричу я пулеметчикам.

Да это наши! это наши “волки”! — кричит мне кто-то.

И действительно — я ясно вижу черный сотенный значок “волков” с волчьим хвостом на нем. Но тут же из-за угла построек появилась густая голова конницы красных. Появилась и... остановилась. Одиночные всадники красных бросились за удирающими казаками-“волками”. Значковый “волк” скакал как-то беспомощно, с болтавшимся своим значком за спиною на бушлате, словно он ему мешал. На него наскочили два красных всадника и “за шиворот” схватили его живьем. Остальные “волки” скакали по сугробам и прискакали в наши ряды. Красные почему-то медлили в преследовании. Хвост дивизии, перейдя балку, поднимался по склону. За ними последовали и хоперцы. Красные, накопившись в селе, бросились вслед за нами. Быстро расставив пулеметы ярусами по склону, команду сотням:

— В ЛАВУ!

Но... никто не хочет сворачивать с дороги и лезть в глубокий снег.

— Господа офицеры — ЗА МНОЙ ! — кричу в массу и сам бросаюсь с дороги, утопая в снегу по живот своей высокой кобылицы. Все офицеры и несколько десятков казаков бросились по обе стороны дороги, обозначив жидкий строй лавы. Пулеметы немедленно же открыли огонь. Красные остановились.

Поле боя, небывшего боя, стихло. Наступали сумерки. Хвост дивизии, перевалив бугор, утонул в следующей балке. Свернув свою жидкую лаву, двинулся вслед. На самой вершине переката, уже в полной темноте ночи, вижу компактную группу спешенных казаков человек в пятьдесят. При них большой флаг и три сотенных значка.

“Кто это?” — думаю, приближаясь к ним. И совершенно искренне громко спрашиваю:

— Какого полка?

Казаки молчат.

Какой полк? — громко повторяю, как это принято на походе, встречая неизвестную часть.

2-го Хоперского, — слышу несмелый голос в ответ.

Я вначале не понял этого ответа, почему и оглянулся “на свой полк”, идущий за мной. И только сейчас я обнаружил, что возле меня нет нашего полкового флага и казаков позади меня было немного. Остановившись, строго спрашиваю:

Вы хоперцы?

Так точно! — отвечают смущенно.

Здорово, 2-й Хоперский полк! — обращаюсь к ним ехидно.

Здравия жела-ам!.. — глухо, стыдливо промычали они.
Вы почему здесь?.. Почему вы не в своих сотнях?.. Кто вам позволил бросить ряды своего полка?.. — бросаю им громко. — А ты, значковый, почему ты не с командиром полка? — принизываю всех.

Все они стоят, понуро опустив головы. Все они отлично понимают, что я говорю им жуткую правду, на которую нет ни ответа, ни оправдания. А позади меня стоят все пять командиров сотен и остатки полка. Стоят и слушают эти горькие упреки, слушают и самодовольно улыбаются, отчего этим “дезертирам боя” становится еще стыднее.

Выругав, пристыдив, я повернулся к тем, кто стоял позади меня, кто оставался со мною рядом во все жуткие часы этого дня, и громко, чтобы слышали и “беглецы”, произнес:

— СПАСИБО ВАМ, БРАТЦЫ, ЗА ПОСЛУШАНИЕ!

За бой я не благодарил, так как фактически его не было. Мне было важно подчеркнуть их послушание в бою, за которым, безусловно, и успех всякого дела.

РАДЫ СТАРАТЬСЯ, ГОСПОДИН ПОЛКОВНИК! — весело произнесли в ночной зимней тишине остатки моего полка, не насчитывающие в своих рядах и ста шашек.

А теперь, вы, марш по своим сотням!.. И не хочу на вас смотреть сегодня! — скомандовал им и двинулся вперед за дивизией, которая скрылась из наших глаз где-то в ночной мгле.

Ругал и стыдил казаков, но сам отлично понимал их чувство. По нашей малочисленности, по слабости нашего конского состава мы уже не могли дать конного боя. Чувство самосохранения всегда играет главную роль в жизни каждого человека, везде и всегда. Теперь заполнило оно и души храбрых казаков. Но всякий начальник должен бороться с этим. И я боролся.

В глухую полночь дивизия достигла села, кажется, Горчечного и расположилась на ночь. Началась борьба за Старый Оскол.

Гибель полковника Юрия Ассиера

Бывший кадет с мятущейся душой, он прошел трехгодичный курс Оренбургского казачьего училища и произведен был в офицеры в июле 1914 года. Войну провел в Партизанском отряде есаула А.Г. Шкуры, командуя сотней в его дивизионе, вместе со своим сверстником по училищу, подьесаулом Яковом Прощенко²²⁶.

В Оренбургском училище очень была сильно развита дружба среди юнкеров по войскам. Вместе с тем все шли очень дружно и в своей жизни-службе и учении по войскам уж не делились. Кубанцы-юнкера по своей численности были на втором месте, но по своему удельному весу в казачьем фольклоре — песни и казачьи танцы — ярко выделялись. Популярность юнкера-кубанца среди своих определялась наездничеством, гимнастикой на снарядах, казачьими хоровыми песнями, танцами — лезгинкой и казачком, глубоким войсковым товариществом, в общем — природным казачьим молодечеством, но отнюдь не высокими баллами в науках, а тем более “зубрежкой”.

Его фамилия французская, “Асиер” значит “сталь”. Он принадлежал к культурному классу кубанских казаков. Когда и как они стали кубанскими казаками, мне не известно. Но его

родная тетка была начальницей Кубанского Мариинского института благородных девиц, а двоюродный дядя был командиром 2-го Екатеринодарского полка.

Высокий, сухой, светлый блондин с мелкими чертами лица, он был до мозга костей военным.

По выпуску из училища он был годом младше меня, то есть мы вместе были юнкерами, в далеком от Кубани Оренбурге, два года. Я был взводным портупей-юнкером и с чертами того кубанца-юнкера, как описано выше. Юра Ассиер был влюблен в меня, как казака, и я ему отвечал тем же.

Окончив училище, он женился на своей родственнице-институтке, дочери есаула в отставке Крыжановского, бывшего в 1910 году командиром 4-й сотни 1-го Екатеринодарского полка, у которого и жил, будучи сиротой, в их собственном барском доме на Медведовской улице. Пищу такие подробности для кубанских казаков.

После нашего производства в офицеры я виделся с ним только два-три раза и мимолетно. И вот теперь, под Старым Осколом, мы остановились в одной крестьянской хате. Он командир 1-го Хоперского полка, а я 2-го Хоперского.

Он старый и преданный “шкуринец” и носит “волчью” папаху. Нашим любовно-казачьим разговорам обо всем, начиная с Оренбурга, нет конца. И вдруг — его полк вызывают спешно на юго-восток от нашего села, куда прорвалась конница Буденного и где ведет бой “Волчий дивизион”.

Прошло немного времени, как в тот же день в нашу квартиру привозят тяжело раненного Юру. Я выскакиваю из хаты, остро вглядываюсь в его лицо, желая определить степень ранения. Казаки на носилках осторожно вносят его в нашу избу. При нем его полковой врач.

— Что, Юра? — любовно, братски спрашиваю его.

Да вот, ранен в спину... ногам что-то холодно, и почти не слушают они меня, — говорит он тихо, но внятно.

Ну, Юра, теперь отдохнешь, — успокаиваю я его. — Поедешь в Екатеринодар к своей Надюше (это молоденькая, стройная и высокая ростом жена его, природная кубанская казачка, бывшая институтка, с которой я хорошо был знаком). А нам-то тут не сладко, — добавил я для его успокоения.

Он улыбается мне довольной улыбкой, понимая всю правду моих слов и предвкушая сладость отдыха в Екатеринодаре, который он так любил.

Переночевали вместе. Наутро его эвакуируют. Состояние здоровья то же. Он плохо спал. Жаловался все, что его ногам холодно и они его почти не слушают.

Напутствовав его добрыми пожеланиями и поцеловав в губы, мне стало почему-то очень грустно. Прошло дня два-три, и вдруг пришло известие, что он умер в дороге, не достигнув своего любимого Екатеринодара и дорогой встречи с женой.

Оказывается, он был ранен в позвоночник. Ранен смертельно, но полковой врач все это скрыл ото всех. Я закрутил, лишившись дивного друга-офицера. А потом невольно

вспомнил, как один офицер-“гадалка” в Екатеринодаре предупреждал меня не ехать на фронт, так как буду убит в бою... Когда? Да не все ли равно! Нас преследовали по пятам, и смерть витала над каждым из нас ежедневно.

Тело полковника Юры Ассиера было доставлено в Екатеринодар. Посмертно он был произведен в генералы. Утешение ли это для молодой несчастной вдовы? Вдовой она проживала в Югославии. Где она теперь?

Временным командиром 1-го Хоперского полка назначен был подьесаул Лакуза, казак Сибирского казачьего войска, служивший тогда в полку. Бывший студент, стройный блондин в кубанской черкеске-шубе, в пенсне, хорошо воспитанный и светски и воински, он производил очень хорошее впечатление. Составляя Хоперскую бригаду, мы с ним жили дружно.

В этом неудачном бою храбрый “Волчий дивизион” потерял свою единственную пушку.

Старый Оскол был сдан красным 8 ноября. Под ним случилось несчастье и в нашем полку — без вести пропал заведующий хозяйством по доставке, главным образом фуража, полку, есаул Краморов, его родной брат-студент и поручик-пулеметчик (фамилия забыта) из Ставрополя, и весь санный обоз с фуражом.

Давно эвакуировались по болезни хорунжий-осетин 1-й сотни и командир 2-й сотни молодецкий хорунжий Борисенко.

Под селом Избишем ранен командир 1-й сотни подпоручик Стасиков²²⁷ и эвакуирован. Всего в полку осталось 10 офицеров, считая и командира полка, из коих было два сотника, два хорунжих, а остальные поручики и подпоручики, два из них из Ставрополя, а три из Воронежа. Приблизительно так обстоял офицерский вопрос и в остальных полках дивизии. Полки заметно таяли. Пополнения никакого из войска, даже и офицерским составом. Тыл губил фронт. И “герои” появились только за границей...

Хоперцы и кавалеристы князя Гагарина

От села Избища полк был послан куда-то на запад, где находился полуконный кавалерийский полк полковника князя Гагарина. Об этом полку мы слышим впервые. Представившись почтенному князю-полковнику с длинной седой бородой, отошел к своим казакам.

Было очень холодно, морозно и снежно. Стоим в какой-то буторчатой местности. Казаки курят, топчутся на месте, от холода забавляются разными движениями. Чего мы стоим? Кого ждем? — мы не знаем.

— Господин полковник... разрешите казакам потанцевать под гармошку?... Уж очень холодно! — спрашивает меня командир 3-й сотни сотник Ковалев, бекешевец. Конечно, разрешаю и подхожу к казачьему кругу собравшихся, чтобы ближе рассмотреть своих “хопров” в быту.

Обветренные холодом сизые лица. Редко кто бритый, хотя все молодые. Лица свежие, хорошо кормленные. Вид не забитый, даже смелый. Но я уже видел, что дай волю некоторым — они могут быть и дерзки. Хоперцы живут меж горцев и от них многое восприняли, насчет “карапчить” и другие отрицательные замашки в европейском

понимании. Но в понятии горца и казака они только похвальные, как молодечество всякого джигита.

Все они в шубах в талию или в шубах-черкесках. Все при шашках и винтовках. Через грудь — патронташи. Не у всех кинжалы, да они и не нужны были даже и в Великой войне, как показал долгий опыт. А теперь, на овчинную шубу в талию, они и не нужны. Иное дело на черкеску, да в своей станице, да пойти на люди или к теще. Все в папах. Башлыки или за плечами, или на плечах, или подвязана шея. В общем — воинский вид хороший, а в суровый холод — и вид суровый.

Хоперцы отлично танцуют лезгинку. Она у них является главным казачьим танцем. Танцуют они хорошо, стильно, чисто по-горски, от которых не только что ее переняли, но считают “своим танцем”.

Развернулась “двухрядка”, и, когда я подошел, лезгинку танцевал статный казак в овчинном полушубке до колен, сшитом в талию, как бешмет. Он в полном вооружении, даже с винтовкой за плечами. Не передавать же винтовку соседу на время танца. Это просто стыдно и недостойно воина. А тот нарочно передаст другому... вот и ищи тогда свое оружие?

Танцующий при револьвере. На нем дорогой ингушский пояс. А по овчинной шубе тянется к револьверу осетинский шнур ручной работы женщины, плетенный черными шелковыми нитками и золотом. Видно было, что этот казак особенный молодец, любит оружие и понимает толк в нем. По утоптанному снегу, хотя он и в сапогах, но танцует стильно. Увидев меня, он смутился, но продолжал танцевать.

Это немой казак, — говорит мне Ковалев, указывая на танцующего (“немой”, то есть и не говорящий, и ничего не слышащий).

Почему же он на фронте? Ведь он не подлежащий мобилизации?! — спрашиваю я Ковалева.

А он добровольно здесь... во-первых, он ненавидит большевиков, а во-вторых, он хороший хозяин и приобретенное посылает жене, — говорит и весело улыбается Ковалев.

Я его понял. Немой танцует хорошо и, главное, не слыша звука гармонии — такт не теряет в танце. Увидев меня, он смутился и хотел бросить танцевать, но казаки знаками с ним говорят: “Танцуй еще!.. Сам командир пришел посмотреть на тебя!” — и он скромно протанцевал еще, и очень стильно.

Как же он может держать такт в танце, если он не слышит? — спрашиваю казаков.

А он, господин полковник, часто поглядывает на гармошку и глазами запоминает такт, — отвечают они.

Потанцевали еще некоторые, но хуже него и остановились.

— Запойте что-нибудь, хлопцы, — говорю им. — Ну, вот эту, “Жили-были на Кубани”, — добавляю я.

Казаки улыбнулись и запели свою новую песню хоперцев, составленную кем-то о терроре красных над ними после восстания в 1918 году. Она пелась ими очень душевно, с

переживаниями и на мотив старой песни линейных казаков “Русский Белый Царь желает, да гордых турок наказать”.

Содержание песни было очень трогательное и очень подходило к этому бурливо-жалобному напеву. Вот она:

Ой, жили-были на Кубани,

Да добры люди, казаки (это затягивал запевала).

Прилетели, тай, насели,

Те злодеи, мужики... (подхватывал хор).

Ой, с ними жили, проживали,

В проходящие года,

Чем же можно, поделались...

Поделались завсегда.

Но, боса-сила взбунтовалась,

Тай собралась в отряд,

Их собралось немало,

Тай назначили поход...

Их собралось немало,

Тай назначили поход,

Балахон с своим отрядом,

Наступает по реке.

Дальше слова забыл, но песня заканчивается тем, что казаки были разбиты, многие были арестованы и казнены, что выражено словами:

Они били и рубили

Всех невинных казаков...

По их словам, Балахон был подпрапорщик одного из пехотных полков и из крестьян Кужорской станицы Майкопского отдела. Когда его выбили оттуда, он прошел с отрядом в Баталпашинский отдел и там терроризировал население, главным образом казачье.

Поющих казаков окружили кавалеристы князя Гагарина и с большим интересом рассматривают их.

Этот полк был составлен из интеллигенции, больше из студентов Воронежской губернии, уже при отступлении. Полковник Князь Гагарин был начальник одного из уездов этой губернии и теперь отходил вместе с нами. Солдат и офицеров в полку было очень мало, лошадей не хватало. Да и людей-то было, может быть, на один эскадрон мирного времени. В переходах они “менялись” — то есть конные уступали пешим своих коней и, дав передохнуть пешим, вновь садились на них. Конечно, такой полк мало был боеспособный.

Все они одеты в шинели, в фуражки. Некоторые студенты и ученики классов средних учебных заведений — в своих форменных фуражках. Несомненно, они были неопытны в военном деле, может быть, впервые видят кубанских казаков в их доподлинное, да еще и боевой — почему с интересом и как-то наивно вглядываются в суровые лица хоперцев. Мне их было жалко. И когда тронулись полки куда-то на юг, они, вперемежку со своими конными, запели кавалерийскую песню “Журавель”. В их юношеских голосах она была далека от воинственности.

В своих воспоминаниях Буденный пишет: “В бою с 6-й кавалерийской дивизией был уничтожен Сводно-кавалерийский полк полковника князя Гагарина. Убит был и сам Гагарин”²²⁸. Насколько это верно — неизвестно, печать белых об этом ничего не говорит.

...Дивизия стоит в каком-то селе. Издали раздается голосистая песня. Все невольно выскочили на улицу. Из-за угла показался конный строй. Впереди человек тридцать песенников. Ими управляет плетью солидный подхорунжий с бородой, явно упиваясь сам и песней, и своим генералом Шкуро. Они поют так любимую песню на Кубани: “По-над лесиком, ой, да шлях-дороженька...” И, переиначив слова, подхорунжий затягивает:

Ой, да попереди, сам Шкуро молодой...

И хор мощно, витиевато подхватил:

Гэ-э-э-эй! Сам Шкуро молодой,

На конике сидит, выхилается,

Выхилается,

Своим войском выхваляется...

Слушая их и видя такой бодрый и молодецкий вид “волков”, на хороших лошадях, тепло одетых, радовалось сердце. Казаки, безусловно, любили Шкуро. И нам казалось, что это есть наши временные неудачи. Счастлив, кто верует!

Мамантов, Шкуро, Шифнер-Маркевич

Где это было? И когда? Ежедневные стычки с красными, переходы, какие-то ответвления в стороны от главной железнодорожной магистрали Касторная — Валуйки, бесконечный ряд сел, так близко лежащих одно от другого, потеря всех документов-донесений не дают возможности установить, где именно это было?

Наша дивизия отходила вместе с донскими дивизиями на юг вдоль этой дороги, западнее ее и параллельно ей, рядом. Полки шли шагом, почти беспечно. Кто-то цокотом копыт по твердой обледенелой дороге обгонял меня, идущего впереди полка, и когда я повернул голову, чтобы посмотреть, кто это, то увидел вначале пышные, с бакенбардами, русые усы

всадника, а потом уже весь его конный облик. Я сразу же узнал во всаднике генерала Мамантова.

В длинной кавалерийской шинели военного времени, своими полами она глубоко спускается до самых стремян всадника; шинель совершенно гладкая, на ней никаких походных ремней; на левом боку висит только одна легкая шашка; на голове мягкая фуражка защитного цвета; под ним легкий поджарый “дончак”, почему-то гнедой масти и не высокий, может быть, два с половиной вершка, но не выше трех вершков росту. Конь идет короткой иноходью. Все у Мамантова “легкое” — и конь, и посадка в седле, и походный мундир. Природный кавалерист. За ним, рысцой на крупном рыжем донском коне, следует его конный вестовой. При Мамантове ни адъютанта, ни начальника штаба, ни ординарцев. Никакой внешней помпы. Все это вместе взятое только украшало в моих глазах донского героя, признанного таковым и красными.

“Пленные показали, что возвращение в ряды своего корпуса генерала Мамантова приподняло настроение казаков и дало им некоторый импульс для продолжения борьбы”²²⁹, — пишет красный командующий Егоров в своей книге.

Неослабевающим наблюдением проводил я его до тех пор, пока он не скрылся в длинной колонне казаков. Больше я его не видел. Это была первая и единственная встреча с ним.

В 10-х числах ноября 1-я Кавказская казачья дивизия сосредоточилась в селении Олыпанка или Волоконовка (точно не помню), севернее Валуйки. Здесь произошло некоторое перемещение старших начальников и переформирование полков. Сюда из Екатеринодара вернулся начальник штаба Шкуро, Генерального штаба генерал-майор Шифнер-Маркевич. Следствием этого было — генералы Шкуро и Губин немедленно же выехали в Екатеринодар, и в командование дивизией вступил Шифнер-Маркевич.

Генерал Шкуро, уезжая на Кубань, издал широковещательный приказ по корпусу, что “ввиду грозных событий он спешно выезжает на Кубань, чтобы поднять там ОБЩЕКАЗАЧИЙ СПОЛОХ”.

Идея этого сполоха не указана, и нам, командирам полков, ничего не было известно — чем вызван такой спешный выезд Шкуро на Кубань? Одно нас возмутило, что он взял с собой в вагоны свой “Волчий дивизион”, сила которого была равна любому полку дивизии, что-то около 250 казаков со многими пулеметами. Нам показалось, что Шкуро выехал со своими “волками” на Кубань “неспроста”.

Появление генерала Шифнер-Маркевича восторженно приветствовалось всеми в дивизии. Все говорили о нем как о храбром и умном генерале и добром человеке. Я его совершенно не знал и не видел ни разу. Верхом он проехал по полкам, выстроенным в конном строю за селом.

Небольшого роста, чистенький, гладко выбритый, пухленький. как будто “нежный” на вид — он произвел на меня впечатление, как что-то игрушечное. Лицо его было нежно и совсем не боевое, “окурненное в боях”, как принято говорить. Ему было 35—40 лет, не больше.

Поздоровавшись с полками, он произнес: “В тылу, на Кубани — раздавлена крамола! Власть перешла в руки военных! И теперь, на фронте, будет лучше!”

Какая крамола? где? у кого? — этого он не сказал казакам, и мы были в полном неведении. И лишь потом только мы узнали, что было арестовано несколько членов Кубанской краевой рады и один из них, священник Кулабухов, повешен.

Ничего не зная, по его предложению прокричать “ура!” этому событию, казаки, ничего не понимая, лениво прокричали короткое “ура!”, а кому и почему — не знали даже и мы, командиры полков. А тому, что “на фронте будет лучше после этого”, мы мало поверили. Нам-то здесь было гораздо виднее!

Первым приказом генерала Шифнер-Маркевича по дивизии было: “Ввиду малочисленности полкового состава, бригады сворачиваются в Сводные полки. 1-й и 2-й Хоперские полки образуют Сводно-Хоперский полк, под командой полковника Елисеева Феодора, а 1-й и 2-й Кубанские партизанские конные полки сводятся в Сводно-Партизанский конный полк под командованием полковника Соломахина Михаила. Отдельные функции по полкам отправляются только в хозяйственном отношении”.

Свернувшись в два Сводных полка, дивизия имела около 600 шашек. При Сводно-Хоперском полку было что-то до 16 пулеметов. Полк был разбит на шесть сотен. 1-й дивизион, то есть 1-ю, 2-ю и 3-ю сотни, составляли казаки 1-го Хоперского полка, а 2-й дивизион — 4-ю, 5-ю и 6-ю сотни — составляли казаки 2-го Хоперского полка. Полки стали достаточно сильными, но численность всей дивизии оставалась та же.

Новое молодецкое дело хоперцев

В группе сел севернее Валуйки, вдоль полотна железной дороги, наша дивизия держала фронт, чередуясь полками. Был конец ноября. Пехота красных, тесня нас, занимала одно село за другим. Села здесь были частые. Последние два села, занятые каждой стороной, разделял пустырь в 500—600 шагов. На улицах нашего села нельзя было показаться, даже и пешком. Обстрел села был нудный, но постоянный и нервировал казаков. Присутствие Шифнер-Маркевича ободряло казаков и вносило успокоение. Генерал был всегда спокоен, но при встречах с кем бы то ни было был очень разговорчив. Ежедневно приглашал нас, командиров полков, в свой штаб, угощал чаем и любил шутить. В нем совершенно не чувствовался тип того старшего начальника, перед которым надо “тянуться”.

С полковником Соломахиным они были старые шкуринцы, оба носили волчьи папахи. Соломахина он называл “Миша, и ты”, а тот его — “Ваше превосходительство”. Меня он называл по фамилии, как совершенно неведомого ему.

Он знал в лицо и по фамилиям почти всех офицеров-шкуринцев первых боевых молодецких дел Шкуро и, встречая их, подавал руку запросто. А они, с почтительно-радостной улыбкой, только прищелкивали своими сапогами и сами первыми произносили: “Здравия желаю, Ваше превосходительство!”

Знал он и некоторых казаков. Казаки не шарахались от него, а старались попасться ему на глаза и первыми произносили приветствие: “Здравия желаю...”

Здесь ближе я познакомился со своим старым однокашником (по Майкопскому техническому училищу), теперь командиром Сводно-Партизанского полка, полковником Соломахиным. Он был отличный боевой офицер.

И вот, при таких внутренних взаимоотношениях трех лиц, на которых лежала боевая сила дивизии, мы находились тогда под методичным давлением пехоты красных.

Было очень снежно и холодно. Морозы сковали снег. Ночи были ясные и особенно холодные. Дивизия буквально висела на волоске в своем селе. И неоцененную услугу нам давали бронепоезда Добровольческой армии, в состав которой входила наша дивизия.

В одну из ночей мы ждали очередного наступления красных. В охранении, в полном своем составе, стояла 1-я сотня под командой есаула (фамилию не помню, но он был житель села Ивановка Баталпашинского отдела, старый шкуринец, приписанный в казаки). Ровно в полночь он решил захватить окраину села противника, чтобы там согреться, а может быть, и покушать горячего — как он потом доложил мне. Он занял окраину и донес мне, что при поддержке можно занять и все село.

Со Сводно-Хоперским полком, в конном строю, я поспешил к нему на помощь. Красные, не ожидая казаков, мирно спали в своих теплых хатах. При нашем приближении сторожевая сотня в конном строю бросилась по единственной улице села с диким гиком и со стрельбой вверх, словно на свадьбе, и нагнала такой страх на красных, что они, выскакивая из квартир, сдавались без боя.

За селом была захвачена рота с двумя пулеметами, стремившаяся остановить казаков. И пока на мое донесение прибыл генерал Шифнер-Маркевич и полковник Соломахин со своим Партизанским полком, Сводно-Хоперский полк уже согнал всех пленных вместе с шестью пулеметами. Это оказался батальон, силой около 400 человек, занимавший это село. Конница батальона и два пулемета успели ускакать в следующее село, отстоявшее в двух верстах.

Шифнер-Маркевич пешком обходит пленных, всматривается в их лица, расспрашивает — какой части? где другие части? кто командует? много ли у красных пушек, пулеметов? Он на месте творил живое дело, думал и решал. И все сам, один, во все вникающий и никого не ругающий, а только распоряжается, как хороший хозяин, который должен знать — что у него происходит в хозяйстве.

Красноармейцы трясутся от холода и страха, но он и их ободрил, сказав: вы русские солдаты и вам ничего не будет.

Полки горели желанием двигаться дальше, но он сказал, что это не входит в задачу дивизии. К тому же нас мало, а красные там могут нас встретить уже как следует, почему надо занять прочно только это село.

Одиночные казаки-хоперцы, увлекшись преследованием, ворвались в следующее село, но были отражены огнем красных и оставили там упавшего с коня казака — убитого или раненого — они не знают. Убитый казак был 2-го Хоперского полка. Шифнер-Маркевич приказал выручить тело именно трем сотням 2-го Хоперского полка, но не иному полку.

Глубокий снег, покрытый мерзлой корой, не позволял сотням двигаться без дорог. Основная дорога лежала по пролеску. По ней, меж темными кустарниками, сотни тихо подошли к селу без дозоров. Остановив сотни, рассказал, что надо сразу броситься с криками “ура!” вдоль по улице и со стрельбой вверх, чтобы навести панику. Головной сотне проскочить все село, ежели возможно, и немедленно же вернуться назад, пока мы разыщем раненого или убитого своего казака. И... по селу вновь затрещали и выстрелы, и дикий “гик-ура!” всегда удалых хоперцев.

Красные, видимо, того и ждали или здесь уже не было их пехоты. Но конная группа с окраины села молнией метнулась вдоль улицы на север и скрылась в неизвестности.

Застывшее тело убитого хоперца лежало у околицы. С дорогой ношей поперек седла сотни представились своему генералу, выполнив его задачу, как он сказал: “Тело своего товарища надо выручить своими же”.

“Хопров” поздравляют с удачей. Полковник Соламахин, мило улыбаясь, проходя меж рядов, повторял:

— Вот тебе и хоперчики!.. Поддержали былую славу полка. Молодцы! Право, молодцы! Теперь очередь за партизанами! — добавлял.

И в этих добрых словах нисколько не было доли зависти, а было только добросердечное восхищение молодецким порывом своих родных хоперцев, которых он, конечно, забыть не мог. Он был кадровым офицером 1-го Хоперского полка с 1911-го по 1918 годы. На Турецком фронте, командуя сотней в конной атаке на пехоту храбрых турок под Месопотамией, он проявил доблесть и награжден был орденом Святого Георгия 4-й степени. Полком тогда командовал Генерального штаба полковник Успенский, будущий войсковой атаман конца 1919 года. Все это История, история родного войска, история славная, которую надо писать. Писать, читать и знать.

Апофеоз

Когда определился отход белых армий, главнокомандующий генерал Деникин для поощрения издал приказ — оповещать в периодической печати совершенные подвиги частями и их начальниками, с указанием имен. Прочитав это, мы нашли, что подобное поощрение вышло с большим запозданием, и не обратили на него внимания, даже отнеслись критически. Благородный же генерал Шифнер-Маркевич на это посмотрел иначе и отметил последний боевой подвиг Сводно-Хоперского полка. О нем мне пришлось прочитать в одной из газет лишь в самых первых числах февраля месяца 1920 года, в своей станице, проездом из Невинномысской, направляясь во 2-й Кубанский конный корпус к Манычу Ставропольской губернии по вызову генерала Науменко.

Из участников этих двух оригинальных боев 2-го Хоперского полка в живых, за границей, остался хорунжий Галкин Александр Семенович. По некоторым драматическим обстоятельствам, совершенно его не унижающим, он вынужден был переменить свое имя (служба в Иностранном легионе. — П. С.). В 1925 году он вступил в нашу группу джигитов во Франции. Много лет он джигитовал и в других группах. После Второй мировой войны мы вновь вместе работали с ним в группе джигитов донцов и кубанцев в Голландии и Швейцарии, в 1947 и 1948 годах.

Женившись на голландке из хорошей семьи, в настоящее время (на 1961 год. — П. С.) он проживает постоянно с семьей в Голландии, под фамилией “Корсов Николай Петрович”. Только под этой фамилией его знают все джигиты, не зная прошлой.

1-я Кавказская казачья дивизия потом простояла спокойно еще несколько дней в этих селах. Общий фронт отходил назад, и никакие частные успехи уже не могли остановить общий отход. Красное командование Конным корпусом Буденного “резало” нас в стыке Добровольческой и Донской армий. Ему нужно было противопоставить наши силы именно в этом районе. Мы тогда не видели “несокрушимой силы красных” перед собой.

Наш отход считали временным. Мы ждали подходящие резервы войск. Но их не оказалось.

Примечание: один офицер из Калифорнии написал мне, что под Касторной погиб его командир Марковского полка, полковник Образцов230, который с двумя ординарцами кинулся восстановить положение, так как казаки начали отступать; в прорыве между полками он и его ординарцы были зарублены красной конницей.

Какого полка и войска казаки были — он не пишет. Здесь важно отметить трагический факт.

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Мы отступаем. Метель

Это было южнее Старого Оскола и в первых числах ноября месяца. Вся конница Буденного, тесня 4-й Донской казачий корпус, угрожала фронту 1-й Кавказской казачьей дивизии. Неожиданно, в ночь, приказано отступить.

2-му Хоперскому полку приказано идти левой, восточной, колонной. Лежал глубокий снег. Было очень холодно. С востока дул сильный ветер, неся с неба и земли мелкий сыпучий снег, пургу.

— Яжжайтя па-вяхам... а то заплутаитясь... вишь, какая пурга? — говорит мне хозяин-крестьянин, у которого стоял штаб полка.

Не обратив внимания на его слова, с темнотою с полком выступил на юг в село, отстоявшее в пятнадцати верстах.

От села до села у крестьян действительно были воткнуты хворостяные вехи, и по ним легко было знать направление дороги, занесенной снегом.

К ночи метель усилилась. Снег становился глубже на дороге, а вехи ниже. Потом вехи погнулись под давлением ветра, стали уменьшаться в своей высоте и, наконец, совершенно скрылись под снегом. Но это нас не тревожило. Полк прошел уже два часа похода, и следующее село за 15 верст, считалось, вот-вот покажется. Но прошло и еще два часа похода — села нет. Бредя по сыпучему снегу до животов лошадей, полк начал опускаться в низину и... завяз в снегу. Идти дальше было уже нельзя. Явно мы сбились с дороги и заблудились.

Мне стало страшно и... стыдно. Страшно потому, что заблудился весь полк, мы не знаем, куда идти? Не ночевать же в снежном буране! А стыдно потому, что как мог заблудиться полк?

Остановились, не слезая с коней. Вперед широкой лавой была выброшена 3-я сотня опытного офицера сотника Ковалева — во что бы то ни стало найти или дорогу, или село.

Сотня в 30 коней, утонув в снегу, скрылась в пурге. Закутавшись в бурки и башлыки и повернув своих лошадей хвостами на восток, против пурги, мы все ждем вестей от разведывательной сотни.

Где-то на юго-востоке послышался лай собак, показавшийся нам таким приятным, словно дуновение теплого ветерка. А через час появился казак с донесением (словесным), что село найдено и он проведет полк к нему.

Было уже глубоко за полночь, когда полк вошел в село и быстро разместился скученно в его западных окраинах.

Карт мы не имели. Где мы? как называется село? где противник? — ничего этого было не известно и самому командиру полка.

Кто здесь в селе?., белые или красные? — спрашиваю я хозяина, довольно зажиточного и многодетного, с сыновьями наших лет.

А хтой е-знае... сяло большая... на семь вярстов растянулась... можа хто там ий е, — отвечает мне не так уж пожилой мужик со столь диким выговором русских слов.

Не столько с этих слов, но по выражениям лиц всей семьи мне показалось, что хозяином что-то недоговорено. Допрашивать же было и некогда, и не время.

Казак устал, промерз, был голоден. Сказав командиру сотен, чтобы всем быть начеку, заснул мертвым сном. А наутро обнаружилось, что красная конница еще вечером вошла в это длинно растянувшееся село и ночевала в восточной окраине его.

На наше счастье, они не выставили сторожевого охранения в западном направлении, не знали, что в него вошли казаки ночью. Полк, отдохнув, с проводником двинулся в назначенное по заданию село.

Будь же красные по квартирам в нашей стороне, да еще без сторожевого охранения... казаки, искавшие крова и отдыха и натолкнувшиеся на них, спящих, — трудно представить, чем бы это все закончилось!

Одна казачья история

Мой полевой заведующий хозяйством, есаул Краморов, ввиду наших общих отступлений, оторвался от полка и потерял с ним связь.

Приготовив фураж для полка и оставив сенной обоз в одном из сел, он на легких городских санках, в которых едва могло поместиться три человека, выехал в Старый Оскол, предполагая, что его полк должен быть там.

В санках, в упряжке, был его собственный строевой конь образца кавалерийских полков — высокий, сильный и в отличном состоянии. С ним был его родной брат-студент и большой подпоручик-пулеметчик, житель Ставрополя.

Краморов, сподвижник Шкуро в его первых восстаниях на Кубани, был опытный и храбрый воин. При себе в санках он имел ручной пулемет системы “Льюиса”. Я как-то подтрунил над ним, над его вооружением при обозе, но он невозмутимо ответил:

— Ничего, господин полковник. Все может случиться. А ежели при мне пулемет, то я ничего не боюсь, даже если на меня и наскочат красные.

Подтрунивали над ним и офицеры, старые “хопры”, за его нескладный вахмистерский язык и манеры воинского обращения. Но все они были очень довольны, в особенности я, как он энергично и умело доставал фураж для полка. В нем сказался старый опытный

вахмистр сотни — в отношении заботы о лошадях. И вот здесь, как дельный служака, он, приготовив фураж, поехал вперед, чтобы разыскать свой полк и накормить его.

Навстречу им шла конница. И когда Краморов узнал, что это красные, было уже поздно...

Повернув назад и пустив своего мощного коня полным карьером, отстреливаясь из пулемета, уйти было нельзя. Головные дозоры красных, стреляя на карьере, убили брата. Он вывалился из санок. Большой офицер-подпоручик также вывалился из них. Сам есаул Краморов успел вскочить в село. Бросил санки, вбежал в хату крестьянина и, идя на риск, рассказал ему, кто он, просил дать ему крестьянскую одежду и спрятать его. И добрый крестьянин спас неизвестного ему офицера-казака.

В село вошел полк красной конницы и расположился по квартирам. Краморов идет на следующий риск. Этот полк состоял почти полностью из донских казаков. Им командовал бывший вахмистр-донец. Краморов явился к нему и сообщил, что он есть крестьянин, выгнан был белыми в подводы... и от которых сбежал. Теперь он хочет поступить в ряды Красной армии, чтобы сражаться против белых...

Догадался ли красный донец-вахмистр, кто перед ним стоит? Понял ли он Краморова, как казак казака? Краморов этого не определил, но командир отнесся к нему сочувственно, дал ему коня с седлом и зачислил к себе в ординарцы. Краморов сказал, что его фамилия “Шаталов”.

Наша дивизия отступала. Прошло дней десять. О гибели Краморова с обозом было забыто по ходу тревожного времени. По пути дивизия остановилась на короткий привал в маленьком хуторке. В крайней хате генерал Шифнер-Маркевич со старшими офицерами, рассматривая карту, информирует о положении фронта. Неожиданно открывается дверь и входит донской генерал со своими офицерами. Это был Генерального штаба генерал Калинин, начальник 10-й Донской казачьей дивизии. Его дивизия подошла к нам с северо-востока. Генералы познакомились, и Шифнер-Маркевич с Калининным обратились к карте.

От холода небольшая комната наполнилась офицерами, кубанцами и донцами. Все закурили в тепле. Чад и дым коромыслом окутали всех...

Генерал Калинин говорит Шифнер-Маркевичу, что он был начальником штаба в 4-м Донском корпусе у генерала Мамантова в его рейде по тылам красных, критикует Мамантова, что он не слушался советов своего начальника штаба и, сидя в экипаже, запряженном тройкой лошадей, впереди полков, ходил в атаку. При этом генерал Калинин показал, как именно Мамантов сидел в экипаже — “откинувшись назад”...

Шифнер-Маркевичу явно не нравится этот разговор, и он предлагает еще рассмотреть карту. Не нравится и мне критика Калинина своего храброго начальника. Да и мне показалось, что идти в конную атаку в экипаже, и впереди полков, более опасно, чем сидя верхом. Подстрелена ли будет упряжная лошадь, или сломается колесо в экипаже — что тогда делать, если красные отобьют атаку? И мне генерал Мамантов очень понравился и оригинальностью, и, определенно, своей смелостью.

В комнате, единственной в хате, наполненной офицерами в шубах, в шинелях, в папахах, почти всеми курящими, было тесно и душно. От дымного чада — полумрак.

Господин полковник, разрешите зайти? — слышу я что-то очень знакомый голос через открывшуюся дверь, но не могу узнать — кто это? И не знаю, к кому он направлен, при наличии в комнате двух генералов и нескольких полковников.

Кто это там мешает нам? — как никогда нервно бросает к двери генерал Шифнер-Маркевич, явно недовольный словами генерала Калинина о Мамантове.

Ваше превосходительство! Я есаул Краморов... бежал из красного плена... Разрешите мне явиться своему командиру полка полковнику Елисееву? — вдруг слышим мы.

Все невольно повернулись к двери.

— От красных?.., когда?.. Идите сюда! — быстро произносит Шифнер-Маркевич, выпрямившись от карты на столике.

Краморов, широкими своими плечами раздвигая толпу офицеров, приблизился и отрапортовал по-воински так, словно он прибыл из отпуска, а не бежал из красного плена, куда попал так трагически. И он рассказал то, что здесь написано, добавив, что — посланный с донесением куда-то — переменял направление и скрылся. И достиг своего казачьего стана — “на вражеском коне”, как поется в одной из казачьих песен. После ознакомления с положением на фронте дивизии выступили: 10-я Донская на юго-восток, а наша 1-я Кавказская казачья — на запад.

Нелишне сказать о личностях. Генерал Калинин — выше среднего роста, стройный и воински подтянутый. Ему тогда было, думаю, не свыше 40 лет. В марте и апреле 1920 года он отходил в составе 4-го Донского корпуса на Туапсе—Сочи—Адлер и играл положительную роль в спасении своих донских казаков и их семейств в этом районе. Потом проживал в Париже. Там мы не раз встречались. В Париже он и умер.

Есаул Краморов, инвалид, проживал также в Париже. Своего соратника я не раз поддерживал. Он всегда был бодр духом. Расстался с ним в 1949 году, уезжая в Америку. О Шифнер-Маркевиче еще много будет мною написано.

Драматические картинки при отступлении

Расставшись с донцами, наша дивизия двинулась на запад. Шли без дорог. Бугорчатая безлесая местность. Кочковатые поля жнивы. Снегу мало, но мороз твердый. Никаких сел. Останавливались, наблюдали по горизонту. Разъезды противника не обнаружили. Уже вечерело. Шифнер-Маркевич круто повернул дивизию и двинулся на юг. Все устали и были голодны. Терская батарея есаула Соколова не поспевала за полками. Местность шла под уклон, и скоро внизу мы увидели село. Оно растянулось тонкой линией с запада на восток. В восточной стороне села, на “лысом” возвышении, стояла белая церковь и вокруг площади — большие дома. Это был центр села. Западная же часть села лежала внизу. В него вошли полки уже с темнотой. 2-му Хоперскому полку, который шел в арьергарде, приказано было разместиться в западной части и от себя, в своем районе выставить сторожевое охранение. Двенадцать полковых пулеметов, от усталости лошадей растянувшись, вошли в село последними и расположились в первых же хатах северной стороны села, отделенные от штаба полка одной продольной улицей.

Это было село Покровское, и, хотя оно входило в Курскую губернию, население его было украинское. Чистота в хатах, достаток и любезность “хохлушек”, так похожих на наших женщин-казачек, резко отличались и от бедности крестьянского населения русских сел, и от примитивности их изб “с палатами” под потолком, на которых порою спали две-три пары женатых сыновей со своими женами, и от забытых нуждою ли, обычаями ли или остатками крепостного права женщин-крестьянок, каких-то боязливых перед казаками.

Штаб полка расположился в чистом домике особенно любезных молодых хозяйшек, но чисто говоривших и по-русски.

Штаб полка... Что значит штаб полка того времени? Это были — командир полка, полковой адъютант, 12 ординарцев от сотен и тогда, к моему неудовольствию, прибывшие две сестры милосердия. Вот и весь штаб полка. Во 2-м Хоперском полку того времени не было ни помощников командира полка, ни полкового врача, ни ветеринарного доктора, ни полкового священника. И два конных вестовых — командира и адъютанта. Кстати надо сказать — никаких денщиков у офицеров не было. Их функции отправляли их же конные вестовые.

Хозяева угостили нас хорошим ужином и подали даже “моченый арбуз”, который готовится, кажется, только на Украине и у казаков Юга России. Мы едим его впервые здесь, как свое родное кушанье, почему и с аппетитом.

Село Покровское лежит на железной дороге юго-восточнее Белгорода. Молодая хозяйшка, замужняя женщина, подавая ужин и прислуживая, сказала, что накануне в селе была красная конница, немного ее, а сколько — она не знает. И что они взорвали железнодорожный путь и вернулись к себе, откуда пришли.

Это мне не понравилось. Значит, красные здесь где-то близко. Но уставшие, хорошо покушавшие — все мы, штаб полка, на чистых постелях заснули приятным сном. Ординарцы в другой комнате. Лошади — под сараем.

Во все время отступления от Воронежа все мы, офицеры, не говоря уже о казаках, всегда спали не раздеваясь, сняв лишь шубы, у кого они были, и оружие. Я всегда спал в черкеске, расстегнув гузики, и в ноговицах, сняв чевяки. Никогда не расседывались и лошади. Просто опасно было расседывать в вечно тревожной обстановке. Так было и теперь, в злосчастном селе Покровском Курской губернии.

Сквозь сон слышу, что кто-то быстро с вала спускает бадью в колодец, стоявший около дома, из которого вечером ординарцы поили лошадей. Проснувшись и взглянув на часы, вижу — четыре часа утра. Кто бы мог так рано брать воду? Лежу и прислушиваюсь. Колодезный вал вновь быстро “заговорил” своим особенным цокотаньем. А через несколько секунд — вновь слышу: “Цак-цак-цак!.. цок-цок-цок!..” Что за странность, думаю: вал только опускается в колодец, но не поднимается с бадьей воды вверх?

Быстро выхожу на крыльцо, чтобы узнать — что это такое? И только что открыл дверь, как “вал” колодца заговорил вновь и над нашим двором пронесся снап пулеметной очереди. Спросонья цоканье пулеметов я принял за цоканье вала колодца.

— Красные в селе! — крикнул я громко в свою комнату и в комнату ординарцев.

Все взметнулись, как от электрического тока. Красные пулеметы заговорили чаще. Ими обстреливалось все село. Весь штаб был уже в седлах. Одна сестра никак не может сесть

на своего маленького конька, который от холода и пуль не стоит на месте. Сестра в валенках, почему никак не может вложить ногу в стремя. То, что я не любил пребывание сестер в полку, — только подтвердилось в этот опасный для полка момент. У меня мелькнула каверзная мысль — “оставить сестру здесь”. Кстати, она из Воронежа, к полку присоединилась недавно в исходе, покинутая “тем”, кто вывез ее из Воронежа, от семьи... “Пусть, — промелькнула мысль, — остается здесь и возвращается в свой Воронеж!” Все село поливалось жестоким пулеметным огнем.

Шумно прискакали к штабу полка уже три сотни казаков. Чего же мне беспокоиться о сестре милосердия, которая ею и не была по профессии? Но заговорило другое чувство — чувство жалости к беспомощной молодой женщине-девице. Она со средним образованием, стройная, хорошо воспитанная и добрая по характеру. И от красных ушла добровольно. Вновь соскакиваю со своей рослой кобылицы Ольги, бесцеремонно схватываю эту маленькую женщину одной рукой поперек у груди, а второй между ее ног и быстро вскидываю в седло, как легкий мешок с овсом.

К прибывшим сотням скакали одиночные казаки со всех сторон, но, к своему ужасу, я вижу и пеших казаков, которые через дворы шарахнулись прямо к югу, “в сторону Кубани”...

А кони где? — кричу им в темноте.

Красные уже во дворах, господин полковник!.. И мы не успели их вывести из сараев, — отвечает кто-то.

Огонь красных щедро посыпал село из многих своих пулеметов. Что вокруг делалось — в ночной темноте не было видно, только чувствовалась нервность всех. И подав единственную команду собравшимся сотням — “ЗА МНОЙ!” — крупной рысью двинулся по соседнему переулку на юг.

Полк прошел железнодорожное полотно здесь же, у села, и уперся в глубокий овраг с крутыми и каменистыми берегами. С большим трудом одолели его, взобрались на противоположный берег и остановились. И ждем. Чего? Во-первых, продвижения красных, а главное — надо связаться со штабом дивизии и Сводно-Партизанским полком полковника Соламахина и Терской батареей есаула Соколова, которые расположились на ночь вокруг штаба генерала Шифнер-Маркевича. Офицерский разъезд, высланный на восток, не нашел их. С рассветом высылаю вновь разъезд и с полком следую за ним на восток, где и нашел свои главные силы. Шифнер-Маркевич молчит. Соламахин же, неловко улыбаясь, спрашивает: “Как у “хопров”? Все ли цело, в порядке?” И добавляет, что “четыре орудия Терской батареи, которые стояли без уносов на площади, так и остались там... не успели вывезти”.

Командир батареи, есаул Соколов, нытик и критик, но умный и энергичный офицер, он разводит руками и кого-то вновь ругает, но не себя, что он потерял все свои пушки. От этого становится немного весело.

Начало светать, и мы видим с высокого своего бугра, как конница красных свыше сотни всадников и до десятка саней с пехотой и пулеметами, оставив село, поднимались к себе, на противоположный нам бугор. Я хочу рассмотреть “эту картину”, но вдруг обнаруживаю, что на моей груди, как всегда, нет моего бинокля. И вспомнил, что, войдя в комнату, вложил его в футляр и положил на столик-божничку у иконы, стоявшей в углу около моей кровати.

“Банкротство, банкротство!., постыдное банкротство! — пронеслось досадно в голове. — Сам командир полка потерял и бинокль свой. Ну не шляпа ли он?!”

Красные, наскочив, к утру оставили село. В бинокли обнаружили, что наши пушки стоят на площади на своих местах. Шифнер-Маркевич приказал немедленно же взять село. И мы его взяли без выстрела и обнаружили, что замки с пушек сняты и увезены, но орудия не испорчены. В нашем полку не хватало нескольких пулеметов.

— Где ваши пулеметы? — строго спрашиваю сотника Медяника, офицера из урядников, маленького ростом, но молодецкого начальника.

И он растерянно докладывает, что вчера за долгий марш по кочковатой дороге кони настолько были утомлены, что он, войдя в село с пулеметной командой, расположился на ночлег в крайних хатах. Их первыми же и обстреляли красные из пулеметов. И казаки, бросив не только что пулеметы, бросили и своих верховых лошадей и пешком, через дворы, спасались, торопясь к полку.

Трудно было винить кого бы то ни было в этом, столь неприятном деле. Важно было то, что не было потерь в людях. Все ушли. Материальная же часть полка всегда может быть пополнена — так рассуждал я тогда. И все же полк потерял шесть пулеметов и до тридцати лошадей — упряжных и верховых. Все они были пулеметной команды.

Скачем в свой штаб, и... наша милая хозяйюшка-хохлушка с доброю улыбкой подает мне мой бинокль Цейса, говоря — когда мы выскочили из села, она обнаружила забытый бинокль и спрятала его. Красные, по ее словам, вскочив в их двор, быстро сделали обыск и, ничего не найдя, ушли.

Наше предположение тогда было такое, что набегу красных, как проводники, помогли некоторые местные крестьяне. Дивизии нанесен был моральный удар и материальный ущерб. Генерал Шифнер-Маркевич никого не ругал и молчал. Умный генерал знал, что ругать за это — некого.

Сводно-кавалерийская дивизия

О сосредоточении большой конной группы севернее Купянск— Валуйки, куда из-под Царицына был переброшен 2-й Кубанский конный корпус, мы ничего не знали, его еще не видели, но в наш район 1-й Кавказской казачьей дивизии, в район Валук, прибыла Сводно-кавалерийская дивизия.

Как всегда, мы, два командира полка, Сводно-Партизанского — полковник Соламахин и Сводно-Хоперского — автор этих строк, находились в штабе дивизии, чтобы быть в курсе событий. Вернее — этого хотел генерал Шифнер-Маркевич. Бывал часто и командир Сводно-кавалерийского полка, старик полковник князь Гагарин, о котором я писал в предыдущей брошюре. Гагарина нет. Он со своим малочисленным полуконным полком был в другом месте. Мы втроем в крестьянской хате, где-то под Валуйками.

Совершенно неожиданно для нас с Соламахиным, в комнату вошел высокий, стройный кавалерийский генерал лет 45, по росту и телосложению похожий на генерала Врангеля. На нем был мундир мирного времени с ярко-желтыми отделками, выпушками, петлицами и кантами на темном фоне сукна. Он был без шинели, в мягких сапогах с изящными шпорами и с блестящими погонами. Серебро и желтизна ярко выделялись во всем. Что нас удивило, так это то, что на поясе висела кривая кавалерийская сабля в металлических

ножнах и на длинной портупее, как это было в кавалерии мирного времени. Представившись нашему генералу, в распоряжение которого он прибыл с дивизией, и не обратив никакого внимания на нас, двух казачьих полковников в черкесках, он сразу же стал жаловаться Шифнер-Маркевичу на главное командование, что его дивизию...

— Позвольте представить Вам, Ваше превосходительство, моих доблестных командиров полков, полковника Соламахина и полковника Елисеева, — перебил доклад учтивый наш начальник дивизии, генерал Шифнер-Маркевич.

“Желтый генерал”, как буду я его пока называть, не зная фамилии, он повернул голову, прищурился так, как близорукая леди рассматривает через лорнет незнакомого человека, и потом легко, чуть заметным наклоном головы в нашу сторону, показал, что “он нас приветствует”, но руки не подал. И продолжает свою жалобу нашему генералу, выговаривая слова чисто “по-корнетски”, как это принято было “когда-то”.

Я постараюсь хоть немного передать это произношение русских слов, исковерканных подобными, и немногими, кавалерийскими молодыми офицерами. Но то, что их так произносил генерал и начальник дивизии, было “удивительно” и слышать, и наблюдать. Так вот они:

— Зняет-те, Ваш-ше превесседительство, эт-то вязмутитель-но!.. Мой-я дивизия еще не зякончила свой-его фермир-рования!.. У мен-ня в пелках телько по пол-эскадрон-ну!.. телько по 60 сабель в каждом... и в-вот, извольте — вдруг дивизию посылают на фронт!.. Как я не д докезывал — Главнокемандующий не пелсу-шал меня.

При этом генерал не стоял на одном месте, а поворачивался на низких каблуках своих мягких сапог то вправо, то влево, как бы призывал слушателей в свидетели той несправедливости, которую над ним учинил главнокемандующий, то есть генерал Деникин.

Мы с Соламахиным слушаем, стоя в стороне, и, конечно, молчим, а умный Шифнер-Маркевич, глядя вниз на свой столик, с улыбкой отвечает ему:

— Нич-чиво... нич-чиво! У нас в сотнях по 30 шашек, и вот — воюем. Помогите и Вы нам.

На следующий день мы познакомились с этой дивизией. Подъем и уборка лошадей у них по сигнальной трубе, как в мирное время. Все лошади кабардинской породы, рослые и в хороших телах. Она формировалась где-то в Дагестане и ровно шесть месяцев. Солдаты хорошо одеты. К выступлению полки выстраивались также по сигнальной трубе. Вахмистры командовали протяжно своим младшим офицерам в эскадронах, а потом те — своим эскадронным.

Но вот начались бои, и полки стали таять, солдаты группами переходили к красным с казенными лошадьми, седлами, вооружением, с обмундированием. В одном бою в наш полк прискакал корнет, офицер лет тридцати, и доложил мне, просясь в полк, жалобу — он выехал со своим взводом в разведку. И когда они вышли в нейтральную зону, то его унтер-офицер запросто сказал ему, что они против своих братьев воевать не будут, насилия над ним делать не хотят, так как он хороший человек, и отпускают его с миром назад, а они поедут дальше и передадутся в Красную армию.

Генерал Деникин в своем труде “Очерки Русской Смуты” коротко указывает, что на усиление конной группы он включил в состав Донской армии “не казачью дивизию в 700 шашек”²³¹. Это была та самая Сводно-кавалерийская дивизия.

А Буденный в своей книге пишет: “В районе Рубежной белые потеряли до 500 человек зарубленными, в том числе командира дивизии генерал-майора Чеснакова и трех командиров полков”²³².

Мы тогда что-то слышали о катастрофе этой дивизии, но в исторической литературе “белых” я этого не встретил²³³.

И невольно закрадывается обида за нашу казачью конницу, совершенно бесплатную для государства, всегда подготовленную, обученных еще в станицах “малолеток”, не говоря уже о тех казаках, кто прошел свою военную действительную службу в мирное время, провел Великую войну 1914—1917 годов... О казаках, которые в грозный час насилия красных над ними, над их хозяйством, над их душами — все сели на коней, психологически с детских лет подготовленные к войне, и уже к осени 1918 года полностью очистили от красных армий территории земель Дона и Кубани, ничего не получая от главного командования, даже оружие и патроны — доставая их в боях у противника только конными атаками. И кто оценит эту жертву и доблесть казачества?!

Встречи — генерал Науменко и полковник Рудько

1-я Кавказская казачья дивизия генерала Шифнер-Маркевича в стыке Донской и Добровольческой армий представляла собой маленький, забытый всеми осколок кубанских казаков шашек в 600, при двух десятках пулеметов и четырех орудиях 1-й Терской казачьей батареи есаула Соколова. Дивизия вела бои совершенно самостоятельно и лишь тогда, когда “откуда-то” наседали на нее противники.

Возглавление дивизии генералом Шифнер-Маркевичем — это была единственная наша духовная отрада и веская надежда, что этот умный, добрый, как и деликатный начальник, лишенный всякого тщеславия, ведет нас правильно. Казаки ему верили и следовали за ним безбоязненно.

В последних числах ноября 1919 года нами был оставлен Купянск. Красная конница Буденного заняла большое село Сватово, большевики стали накапливать там свою пехоту. Нам издали, на голой местности, видно было, как подходили поезда и шла выгрузка пехоты красных.

4-й Донской корпус генерала Мамантова отошел в село Кабанье. Мы слышали, что в этом районе сосредоточивается сильная группа казачьей конницы, которая под командованием Мамантова должна нанести сильный удар красной коннице Буденного. Он и состоялся. Был временный успех, о чем Буденный пишет: “Используя свое численное превосходство, противник (казаки. — Ф. Е.) перешел в контрнаступление. Начался ожесточенный бой. Белые контратаковали на узком фронте, рассчитывая прорваться в тыл нашей 4-й кавалерийской дивизии, окружить и полностью уничтожить ее.

Несмотря на высокую боеспособность 4-й дивизии — трудно сказать — каков был бы исход боя, если бы к тому времени, когда Городовиков уже ввел в бои все свои резервы, не подошли бы на помощь наши бронепоезда. При блестящей поддержке бронепоездов, сопротивление белых было сломлено”²³⁴.

При таком положении южнее Сватова к Сводно-Хоперскому полку были приданы: Волчий солдатский батальон (детище генерала Шкуро, которым командовал молодой и маленький ростом полковник в волчьей папахе, очень удачно руководивший им), солдатская пешая батарея в четыре полевых орудия и группа сапер. Этот отряд занимал арьергардные позиции дивизии под моим командованием, к западу от железной дороги.

Ничего не зная о боевой обстановке под Сватовом, вдруг получаю телефонограмму от генерала Шифнер-Маркевича: “С северо-востока движется в район дивизии 2-й Кубанский корпус генерала Науменко — не примите его за красную конницу”.

Это так было неожиданно. Во-первых, мы и не знали, что с Царицынского фронта переброшен сюда этот корпус, а во-вторых, я не знал, что им командует генерал Науменко, считая, что он в Ека-теринодаре и занимает, как и раньше, пост походного атамана.

Обрадованный таким известием, быстро выезжаю с вестовым в свое сторожевое охранение, чтобы встретить нашего старшего корниловца, доложить обстановку и пригласить на обед.

Издали вижу тонкую конную колонну казаков человек в 150. Сблизились. Впереди нее, на невзрачной усталой лошади, идет казак маленького роста, одетый по-зимнему в самый обыкновенный черный казачий кожух. Полагая, что он является начальником этой колонны, беру под козырек и представляюсь:

— Командир 2-го Хоперского полка, полковник Елисеев.

Услышав мои слова, всадник быстро приосанился, взял также под козырек и произнес:

— Командир 2-го Запорожского полка, полковник Рудько²³⁵.

Вы есть тот сотник Рудько, бывший образцовый начальник учебной команды 1-го Запорожского полка в Кагызмане? — любознательно и быстро спрашиваю его.

Да... это я... а Вы откуда это знаете? — удивленно отвечает он.

А знаете ли Вы хорунжего Володю Кулабухова²³⁶, переведенного от Вас в наш 1-й Кавказский полк?.. Вот он и рассказывал нам о Вас, — отвечаю ему.

Колонна остановилась.

А где же Ваш 2-й Запорожский полк?

А вот он и весь полк, позади меня... полтора ста шашек, — отвечает он, повернувшись назад в седле и рукою указав на растянувшихся казаков в колонне по три.

Не вдаваясь в подробности, спрашиваю его — где генерал Науменко, прошу его к себе на обед. Он двинулся к селу, а я остался ждать новую колонну казаков, показавшуюся со снежного переката.

Грузным уставшим шагом, по размятой снежной дороге подходят главные силы корпуса. Впереди него, так хорошо мне знакомые, фигура и лицо генерала Науменко. Рядом с ним

узнаю начальника штаба корпуса, Генерального штаба полковника Егорова²³⁷, знакомого мне еще по Манычу весной этого же года, в той же должности, но у генерала Улагая. Генерал Науменко смотрит на меня, вначале удивленно, как смотрят на знакомого человека, которого совершенно неожиданно встречают там и тогда, где меньше всего ожидают встречи.

Крупной рысью еще на неизъезженной своей кобылице Ольге подхожу к нему, беру под козырек и докладываю:

— Ваше превосходительство... я и господа офицеры полка просят Вас пожаловать к хоперцам на обед.

Науменко, думая, что я рапортую официально, так же взял руку под козырек, не меняя серьезности своего лица, но, услышав о частном приглашении, он приятно улыбнулся и, протянув мне руку, ответил:

С удовольствием, Елисеев, а вот как мой начальник штаба? — и, обращаясь к Егорову, спрашивает его: — Можем ли мы поехать?

Да, конечно! — отвечает он, ласково улыбаясь мне, и также протянул руку.

Из этих слов я понял, что генерал Науменко спрашивал своего начальника штаба — позволяет ли боевая обстановка к этому?

Мы идем рядом. Вначале говорим о делах фронта, о старших начальниках, о наших неудачах и вообще о грозных событиях. Он рад, что я вновь командую полком, и этим как бы заглаживает то, как он меня отозвал из Корниловского полка. Военная среда имеет такт корректности и уважение к старшим. Это достигается воспитанием в военных училищах.

Обед прошел скромно, но все офицеры штаба и полковник Рудько с удовольствием ели горячий казачий борщ с холода. Мы, корниловцы, привыкли видеть генерала Науменко всегда веселым, общительным и разговорчивым. Но тогда, за обедом, он им не был. Что-то его, видимо, удручало.

Никто тогда у нас в дивизии не знал, что у него вышло расхождение с краевой радой и он должен был уйти с поста походного атамана.

Не знали мы тогда, что его корпус потерпел поражение на Северном Донце и, как потом говорили, много казаков утонуло в Северном Донце, прижатые к реке конницей Буденного. Генерал Фостиков писал мне в Нью-Йорк, что на глазах Науменко провалился под лед командир 1-го Лабинского полка полковник Юрий Кравченко²³⁸ с двумя своими ординарцами и утонул. Такие трагические картинки для чуткого человека незабываемы. Жуткая трагедия.

Молодым офицером провел Великую войну 1914—1917 годов на Турецком фронте, теперь возглавил свой храбрый 1-й Лабинский полк, как малодостигаемую мечту каждого строевого офицера, и вот — так жутко погибнуть...

Встреча и знакомство с полковником Рудько была для меня особенно приятна и интересна потому, что о нем, от хорунжего В.Н. Кулабухова, переведенного из их полка в наш, мы

все слышали только восторженный отзыв, как об отличном и образцовом офицере. В понятии Кулабухова, сотник Рудько почитался среди молодежи полковым богом 1-го Запорожского полка по знанию воинских уставов и любви к военной службе. К тому же он был очень скромен в жизни. Он не пил спиртного, не курил, женщин боялся как огня и избегал их. Все это, вместе взятое, вселило в мою душу чувство глубокого уважения к этому выдающемуся строевому офицеру нашего Кубанского войска. Я полюбил его за глаза. И вот теперь, пять лет спустя, в такой неожиданной и неудобной обстановке я познакомился с ним. На своем сивом захудалом коне, в своем простом черном казачьем кожухе без погон, с обветренным лицом, при драматическом отступлении он был совершенно некрасочен внешне.

Личная скромность сквозила в нем и теперь и только украшала его в моих глазах. Это была единственная наша с ним встреча. Больше я его никогда не видел.

Как и в полковой учебной команде в Кагызмане — в Югославии, в своем полку он создал отличный хор и славил им родное войско, где было можно. Умер он, оставив о себе только светлую память.

После скромного, но сытного обеда с горячим казачьим борщом во 2-м Хоперском полку дорогие гости двинулись дальше на юг, отступая, как отступал и общий фронт наш.

Странные строки Буденного...

В своей книге Буденный пишет: “22 ноября нового стиля — дивизии перешли в наступление. В то время, когда фланговые дивизии совершали глубокий обход Старого Оскола с востока и юга — 4-я дивизия, отрезав действующие бронепоезда белых — ворвалась на станцию Старый Оскол и, почти без выстрела, захватила в эшелонах прибывшую сюда бригаду корпуса Улагая. Произошло это так: впереди и позади эшелонов бригады было разобрано железнодорожное полотно. Оказавшись под угрозой уничтожения из пулеметов, выдвинутых нашими бойцами по обе стороны железной дороги, белоказаки выскакивали из вагонов вместе с лошадьми в глубокие кюветы, забитые снегом. Никаких подмостков, либо приспособлений для выгрузки не было; и удивительно, что ни одна лошадь не получила увечий, без чего не всегда обходится даже организованная выгрузка.

Была захвачена и вторая бригада Улагая, подходившая к Старому Осколу с юга.

Таким образом, две бригады 2-й Кубанской дивизии Улагая почти полностью были взяты в плен. Следовавшей за нею 4-й Кубанской дивизии удалось выгрузиться и вступить в бой”²³⁹.

Все это очень странно. Ни тогда, ни потом мне не приходилось слышать об этом. И нужно полагать, это есть чистейшая фантазия Буденного.

Странно было то, что наша дивизия редко имела живую связь с частями 4-го Донского конного корпуса генерала Мамантова, встречаясь лишь случайно при отступлении, начиная с Касторной; также случайно встретились со 2-м Кубанским конным корпусом генерала Науменко, а западнее нас — совершенно не имели этой живой связи с частями 1-го Армейского корпуса генерала Кутепова.

Мы, командиры полков, совершенно не знали о сосредоточении здесь “сильной конной группы, чтобы разбить красный конный корпус Буденного”, как пишет об этом генерал Деникин.

Да и какая это была “сильная ударная конная группа”, которой должен нанести удар и разбить группу Буденного генерал Мамантов ?

Генерал Деникин в своем труде определяет их (наши силы) так:

- а) 4-й Донской конный корпус генерала Мамантова — 3500 шашек,
- б) Кубанские конные дивизии, прибывшие из-под Царицына — 500—800 шашек,
- в) не казачья дивизия (видимо, генерала Чеснакова) — 700 сабель²⁴⁰.

2-й Кубанский конный корпус состоял из двух дивизий — 2-й и 4-й — всего восемь полков. Взяв среднюю цифру для дивизии 600 шашек, выходило, что каждый полк имел только 150 шашек. Это, конечно, не была сила, присланная в помощь со стратегической задачей.

Сводка Донской армии указывает:

для своего 4-го Донского корпуса — 3500 шашек,

2-го Кубанского корпуса — 600 шашек,

наша, 1-я Кавказская дивизия — 300 шашек²⁴¹.

Большинство строевых начальников, когда бывают требования в интендантство, увеличивают число бойцов своих частей, а когда требуются серьезные боевые действия, уменьшают цифру их. В данном случае, не зная численную силу 2-го Кубанского корпуса тех дней, о своей дивизии должен точно подчеркнуть, что она имела тогда около 600 шашек в строю, не считая пулеметных полковых и дивизионной пулеметной команд.

Кроме того, в число боевых шашек, как было принято считать, не входили все офицеры и их конные вестовые. Но все они участвовали в боях, в первых линиях, что было естественно.

Полковники Гамалий и Тарарыкин, ротмистр Ольшанский

Это было в районе Купянска. Был поздний вечер, и шла метель. Дверь широко растворилась, и в комнату вошла громадная фигура в широком длиннополом персидском тулупе с длинными рукавами, вся занесенная снегом.

Здорово, Федор!.. Принимаешь гостей? — произносит она, и в ней я узнаю полковника Василия Даниловича Гамалия. За ним входит сотник Хлус, его доверительное лицо. Заходи, Васылю! Нам каждый гость дается Богом! — весело отвечаю ему.

Оказывается, Гамалий из Екатеринодара, едет во 2-й Кубанский корпус генерала Науменко, для вступления в командование 2-м Уманским полком. При нем взвод казаков от бывшего его 3-го Уманского полка, под командой подхорунжего Дубины, казака станицы Куцевской. Я рад гостю, собрал офицеров своего Сводно-Хоперского полка, чтобы приветствовать гостя и услышать от него о событиях на Кубани, от которой мы так долго и далеко были оторваны и, не получая газет, ничего не знали.

Полковник Гамалий, безусловно, умный и большой кубанский казак и красочный черноморец. Он говорит, что “укоротить Краевую Раду надо было, но только своими, кубанскими руками, но не посторонними. Арест же некоторых членов Рады, высылка их за границу, повешение члена Парижской делегации священника Кулабухова²⁴² — это недопустимо и оскорбительно для Кубанского войска, что может отразиться на настроении фронта”. Все это было для нас большой и неприятной новостью. Знали ли об этом наши казаки — было неизвестно, но эти события в Екатеринодаре, в начале ноября 1919 года, совершенно не отразились на фронте нашей 1-й Кавказской казачьей дивизии. Казаки оставались послушными и шли за своими офицерами.

В район Купянска, и неожиданно и приятно, пришло пополнение старшими офицерами во 2-й Хоперский полк — полковник Тарарыкин²⁴³, есаул Жуков и ротмистр Ольшанский²⁴⁴. Тарарыкин по, назначению из войскового штаба, а Жуков и Ольшанский — старые хоперцы, после выздоровления от тяжелых ранений.

Тарарыкин — сын атамана станицы Келермесской Майкопского отдела. Молодым казаком, по призыву, поступил в свой 1-й Линейный полк до войны 1914 года. Прошел в нем курс учебной команды, потом поступил (переведен) в Конвой Его Величества. В 1915 году окончил Петергофскую школу прапорщиков, дальше попал в Партизанский отряд войскового старшины Бичерахова в Персии. После революционного развала Русской армии с Бичераховым отступил в Баку. И под Баку, и под Петровском в смешанном отряде генерала Бичерахова он командовал основным бичераховским отрядом, состоявшим из кубанских и терских казаков, против турок. За эти бои он был награжден офицерским крестом ордена Святого Георгия и Георгиевским оружием, имея чин есаула. После аннексии Закавказья англичанами весь бичераховский отряд был расформирован. Тарарыкин с сотней кубанских конных казаков из Батума морем до Новороссийска прибыл на Кубань летом 1919 года, где был встречен с почетом войсковым атаманом генералом Филимоновым и правительством и был произведен в полковники.

Этим же летом в Екатеринодаре я и познакомился с ним совершенно случайно. Он был станичником комендантского адъютанта Екатеринодара есаула П.В. Мальцева²⁴⁵, нашего юнкера Оренбургского училища, моего друга. Мне понравился Тарарыкин своей воинской вежливостью и отчетливостью. В коричневой “бикирке”, при хорошем оружии, выше среднего роста, стройный блондин. Думаю, ему было тогда чуть свыше 30 лет. Как познакомились в Екатеринодаре, в городском саду, совершенно случайно, так и расстались незаметно после одного совместного веселия. И вот теперь он, в том же своем

элегантном костюме, прибыл ко мне в подчинение и стал моим помощником по строевой части. Умно, корректно себя вел, как опытный военный и боевой офицер. Я был доволен им. К тому же с ним никогда не было скучно.

Есаул Жуков — коренной хоперец. Выше среднего роста, стройный брюнет. Серьезный, сдержанный. Интеллигентный. Я его по событиям не мог изучить как следует.

Ротмистр Ольшанский. Окончил эскадрон Николаевского кавалерийского училища в Петрограде и корнетом вышел в какой-то гусарский полк. В Гражданской войне скоро попал к Шукура. Отличный офицер. Высокий, стройный, в своей длинной кавалерийской шинели. И так как он всегда носил казачью папаху хорошего каракуля, казаки называли его “господин есаул”. Он искренне любил казаков и был уважаем ими. Казаков, как боевой элемент, он ставил выше своих бывших гусар.

Подпоручик Жагар заболел и выехал к себе в Ставрополь. Полковым адъютантом я назначил хорунжего Галкина. Жукова и Ольшанского — командирами сотен. От прибытия старших офицеров 2-й Хоперский полк как-то усилился и стал воински крепче. Сердце радовалось, и верилось, что наше отступление временное.

К этому времени мы узнали, что генерал Врангель был назначен командующим Добровольческой армией, вместо генерала Май-Маевского. Мы “узнали”, но приказы до нас не доходили.

Потом промелькнуло, что генерал Мамантов отрешен от командования своим знаменитым корпусом и вместо него командовать ударной конной группой назначен наш генерал Улагай. Последние два фактора не вмещались в наших головах и считались “неверными слухами”. Но так как мы все время отступали, этому и не придали значения. Потом все старшие казачьи генералы как бы скрылись и нам приказано было войти в связь с генералом Фостиковым, который командовал какими-то частями, действовавшими восточней нашей дивизии. Посланный мною для связи с ним от 1-го Хоперского полка хорунжий Мельников²⁴⁶, прибыв, доложил, что в штабе 2-й Кубанской дивизии генерала Фостикова полный порядок. Это нас порадовало. Но мы все же отступали, как отступал и весь фронт...

Драма в нашей дивизии

В довольно спокойном состоянии дивизия дошла до уровня села Попасная, которое должен занимать своими частями генерал Фостиков.

Числа 11 или 12 декабря дивизия лавами заняла позиции западнее какого-то железнодорожного узла, который не был виден за перекатом. Позади полков пролегал железнодорожный путь.

Шел мокрый снег. По бурьянам, по непаханому полю печально стояли казаки в длинной одношереножной лаве, голодные мокли под]незначительным обстрелом красных с севера, из таких же бурьянов. Сводно-Хоперский полк занимал правый фланг позиции, а Сводно-Партизанский полковника Соломахина — левый фланг. Штаб дивизии находился чуть позади лав, на железнодорожном разъезде, в районе Партизанского полка. При штабе была и наша артиллерия — четыре орудия Терской казачьей батареи есаула Соколова. Там же и пулеметы штаба дивизии есаула Синельникова.

Перестрелка затянулась. Уже вечерело. Я хорошо вижу, как к казакам в тыл, параллельно лавам в направлении штаба дивизии, с узловой станции железной дороги, где должен находиться генерал Фостиков, из-за поворота и низины движется бронепоезд.

“Ну, слава Богу, это очень хорошо, что Фостиков шлет нам в помощь свой бронепоезд!” — думаю я.

Бронепоезд подходил очень тихо, и, так как он подходил к правому флангу, но в тыл моим хоперцам, я спокойно и радостно наблюдал за ним. Бронепоезд остановился и вдруг открыл по хоперцам пулеметный огонь. А потом шрапнелью хватил по штабу дивизии, расположенному, может быть, в версте от него, в здании железнодорожного разъезда. Одновременно спереди нас показали конные лавы красных и бросились в атаку. Казаки без команд, повернув лошадей кругом, бросились на юг, чтобы как можно скорее пересечь полотно железной дороги и скрыться от броневика. Я невольно вспомнил о своих пулеметах — как они смогут “взять” железнодорожное полотно с обоченными выемами земли и с насыпью полотна.

Самое опасное для конницы в бою — это упустить казаков от слов “команд”, то есть “выпустить из рук”.

Скачу впереди лавы своего Сводно-Хоперского полка и, вытянув правую руку по фронту, кричу-командую:

- НЕ ВЫСКАКИВАТЬ!.. НЕ ВЫСКАКИВАТЬ ВПЕРЕДИ ОФИЦЕРОВ!

Железнодорожное полотно пересечено. Вся масса конных казаков свыше 600 человек (два полка, батарея и пулеметные команды) наметом и с разных сторон устремляется к дороге, ведущей в какую-то узкую низину, преследуемые шрапнельным огнем красных. Широким наметом нас обгоняют трехпарные упряжки Терской батареи. Бугорчатая местность. Казаков полощет дождь и шрапнель...

На какой-то ухабине одно орудие перевернулось. Казаки быстро отцепили постромки, бросили орудие и понеслись дальше вниз. Другое орудие застряло в выбоине. Казаки бросили его. Нас обгоняет третье орудие. Оно, скользя по неровностям, беспомощно “танцует”, готовое перевернуться при более крутом уклоне, и словно, наконец, “найдя его”, красиво скользя направо, перевернулось на 180 градусов. Тяжелое тело (ствол) вдавилось в раскисшую от дождя глиняную почву, а колеса, освободившись, по инерции весело продолжали вертеться вокруг своих осей.

Все это было так неожиданно, быстро промелькнуло на моих глазах и показалось галлюцинацией... Но когда терские казаки, быстро соскочив с седел, отстегнули постромки и бегло поскакали вниз в свои “три уноса”, все это оказалось действительностью...

Я вижу свои пулеметы, скользящие по неровностям и грязи на своих линейках, но, кажется, полного числа их недостает...

В низине наш путь преграждает какая-то степная, болотистая речонка, а за нею высокий крутой подъем. Но она не останавливает нас, так как красная конница с отвратительной матерной руганью следует за нами по пятам, а бронепоезд их шлет шрапнельный огонь.

Мы карабкаемся по скользкому бугру вверх и занимаем его. Там находим наш штаб дивизии. Красные остановились внизу, за речкой. Мы в безопасности.

Полки приведены в порядок. Но все мы мокрые от дождя до последней нитки своих одежд, грязные, на захлюстанных лошадях. Все это произошло так неожиданно. Мы еще не знали своих потерь, но среди полков печально и стыдливо стоят все четыре артиллерийских уноса Терской батареи есаула Соколова и... без орудий. Двенадцать пар мокрых артиллерийских лошадей, в упряжной сбруе, так захлюстаны грязью, как и ездовые казаки, что сомнений в нашем несчастье не может быть. А их командир батареи, гордый есаул Соколов, был похож на “наседку”, у которой хищный коршун только что похитил ее всех детенышей-цыплят. Он был спешенный и кого-то громко ругал.

Тут же я увидел начальника дивизионной пулеметной команды есаула Синельникова. Лицо его выражало растерянность, так как он потерял все свои пулеметы. Храбрый офицер из подхорунжих, георгиевский кавалер всех четырех степеней, авторитетный среди своих подчиненных, он имел большой недостаток — пристрастие к вину. И Георгиевский золотой крест 1-й степени, покоробленный пулей красных, попавшей ему в грудь, иногда спасал его (за его невоздержанность в поведении) в устранении от командований. Сейчас он был совершенно трезв, сидя в седле.

Лицо генерала Шифнер-Маркевича выражало удивление, которое как бы говорило-спрашивало: “Как это могло случиться?” Он был спешенный и делал быстрые распоряжения на случай появления красных.

Полковник Соламахин, сидя в седле перед своим полком, был спокоен и, взглянув на меня, чуть улыбнулся. Я понял это за вопрос — “как это случилось?” — и ответил ему издали жестом руки — “не знаю”.

Потери в казаках были незначительны. Потеряны многие пулеметы с упряжками, а 2-й Хоперский полк потерял четыре пулемета, то есть половину имевшихся.

Убит был пулей наповал командир 1-го Партизанского полка храбрый капитан Химченко. Его полк, за малочисленностью состава, входил первым дивизионом в Сводно-Партизанский полк полковника Соламахина. Он был из иногородних Кубани, один из первых соратников Шкуро, серьезный, стойкий в боях офицер. Я его всегда видел в тужурке и в казачьей папахе хорошего курпея, которую он умело носил, чисто по-казачьи. Казаки ценили его.

Красные остановились. Подсчитав свои потери, дивизия спустилась вниз, прошла две версты и остановилась в небольшом селе. Так всем хотелось отдыхать, а главное — высушить одежду. Но здесь было получено запоздалое уведомление от генерала Фостикова, что он отошел на железнодорожную станцию Алмазная. Наша дивизия оставалась далеко на север от своих войск, почему Шифнер-Маркевич решил отойти к общей линии фронта, в село Липовое. До него было восемнадцать верст. Уже вечерело. Казаки голодны, мокры. Кони также. Тронулись. Шли медленно, шагом. Наш отход казался нескончаемым. В полной темноте вошли в село. Штабу полка был отведен хозяйственный дом небогатого крестьянина. Мы были уже на Украине.

Наши полковые три сестры милосердия, уставшие и промокшие, войдя в хату, немедленно же бросились к горячей русской печке, чтобы отогреться и обсушиться. Подаю им я и свою мокрую черкеску, чтобы подсушить ее, как хозяйка, сгорбленная от работы женщина лет пятидесяти, очень ласково и участливо говорит нашим сестрам и мне:

— Лизтэ на пичь... там будэ добре... учора одын охвыцер грився там з одною мылостывою сэстрою. Лизтэ и Вы, паночки.

Нам от этого предложения всем становится весело. Весело и оттого, что вместо слов “сестра милосердия” она говорит “мылосты-ва”; и что офицер “грився” с нею на печи.

Но милая наша хозяйюшка совсем не понимает — почему мы смущены и смеемся? И она наставительно продолжает уговаривать словами:

— Лизто вси... миста там богато.

Отогрелись, обсушились, накормились и переночевали. Наутро новое отступление. После горячего и вкусного завтрака в гостеприимном крестьянском доме мы расплатились и стали прощаться, сказав, что мы отходим дальше на юг. У хозяйюшки от удивления перекошилось лицо. С выпученными от страха глазами она спрашивает меня:

— Та хйба ж Вы зовсим бросаэтэ нас?

И когда я ответил ей утвердительно, она в ужасе подняла руки вверх и голосом, полным ужаса, воскликнула:

— Царь Мыкола!.. да дэ-ж Ты йе?.. — и заголосила.

Трагедия дроздовцев

Сводно-Хоперский полк был послан в Дебальцево. Его путь идет на запад. На узловой станции видим большое скопление железнодорожных поездов с разным имуществом “цветных дивизий” 1-го Армейского пехотного корпуса генерала Кутепова. Тут же множество саней, двуколок и разных подвод. Среди всего этого скопления перевязочных средств много солдат, десятки сестер милосердия в беленьких косынках. Нас удивило, что среди всей этой массы людей было около восьмидесяти молодых офицеров, в чистых шинелях защитного цвета и в ярко-малиновых фуражках. По цвету фуражек мы заключили, что все эти составы принадлежат Дроздовской дивизии. Они не двигались, а стояли, видимо ожидая какого-то распоряжения.

Красная конница все время нас “обходила”, то есть старалась отрезать нам пути отступления. И я невольно подумал — ведь она, конница Буденного, может наскочить на эту безоружную толпу людей в таких ярких военных отличиях, как белые косынки сестер милосердия и ярко-малиновые фуражки дроздовцев, и тогда — что будет?!

Были ли это больные офицеры, или шло пополнение в полки — не знаю, но все офицеры были очень молоды летами и одеты чисто, по-тыловому, нарядно — в новых шинелях, фуражках и в невыцветших малиновых погонах.

Прошел час-другой после этого, как в полк пришло сообщение, что конница красных налетела на них, и все полонило...

По пути к Дебальцеву на какой-то железнодорожной станции встретил штаб генерала Тимановского²⁴⁷. Богатырского сложения высокий блондин. При нем несколько офицеров. Настроение их бодрое. Мне это приятно было слышать. Приятно было и видеть, как этот крупного роста генерал, достаточно молодой, дружески обращается со

своими подчиненными офицерами и после короткой закуски, опираясь на свой “посох-полено”, пешком выступил куда-то на юг.

Кто участвовал при отступлении в боях, тот хорошо знает психологию, что гораздо безопаснее быть на фронте в строю, чем в обозе. И при многих фронтовых неприятностях в полках нашей 1-й Кавказской казачьей дивизии, моральное состояние казаков было достаточно стойким.

Под Дебальцевом

Генерал Шифнер-Маркевич куда-то временно отлучился. За него остался начальник штаба дивизии, Генерального штаба полковник Соколовский. Жидкими лавами он держит дивизию на позиции се- вернее железнодорожного полотна Луганск—Дебальцево, верстах в пяти восточнее последнего.

Наступили вновь холода. Было очень снежно. Стояли настоящие декабрьские морозы. Дивизия мерзнет в снегу. Уже вечерело. Мелкая снежная завируха, называемая “крупой”, назойливо била казакам в лицо. Противника мы не видели, ощущая лишь полет его пуль над головами. Почему мы стоим? — нам не было известно. В редких лавах мрачно сидел на коне и наш начальник дивизии полковник Соколовский, закутанный по глаза башлыком.

Почему мы стоим?.. Чего мы ждем? — подъехав к нему, спросили мы с Соламахиным — командиры полков.

Приказано... — единственным словом удостоил нас ответом наш мрачный временный начальник.

И мы, не смея нарушать “боевого приказа”, отъехали к своим частям.

И вот в этот печальный, скучный, нудный морозный день со снежной завирухой “крупой”, клонящийся к вечеру, когда, казалось, наша дивизия, не более 500 коней, была забыта всеми, на крупной рыси подошел вновь тот же хорунжий Мельников от моего Сводно-Хоперского полка, державший живую связь с генералом Фостиковым. Со станции Чернухина он передал словесный приказ Фостикова: “Дивизии немедленно отходить через Дебальцево, на Ольховатку. Дебальцево защищаться не будет. Его надо пройти как можно скорее, чтобы избежать могущего обстрела со стороны рабочих”.

Мне и Соламахину хорунжий Мельников восторженно отзывается о Фостикове как о распорядительном и энергичном молодом генерале:

— Сам лично, везде!.. Сам распоряжается! И все быстро, энергично! У него полный порядок! — поясняет он.

Полковник Соламахин доволен этим отзывом о своем друге, генерале Фостикове, и говорит мне:

— Наконец-то Мише пришлось водить дивизии на местности... а то мы с ним в Петрограде, в академии Генерального штаба, водили даже корпуса... но только по картам.

Дебальцево зловеще светило бесчисленными огнями своих бесчисленных железнодорожных построек. Мы в него не зашли и пересекли многочисленные пути, раскинутые как паутина восточнее города. Два или три наших бронепоезда Добровольческой армии, как загнанные звери, фланировали на этих путях, охраняя порядок.

Я смотрел на их грозный вид в ночи, пышущий паром и лязгом колес, с суровым дыханием их паровозов, и думал: “Как они не заблудятся в этой паутине рельс?” И от их грозного вида на сердце стало приятно. Мы еще сильны — думалось тогда.

Поздно ночью дивизия прибыла в Ольховатку. Это было 16 декабря. На этом пути мы вновь столкнулись со многими пехотными частями, отступавшими, как и мы, на юг. Бесчисленные обозы двигались безостановочно. Под Ольховаткой встретили нашу 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду генерала Геймана²⁴⁸.

Наутро следующего дня она стояла густой массой своих казаков где-то вдали. Проезжая — вижу пост казаков, состоявший из так хорошо знакомых мне людей по 1-му Кавказскому полку. Они казаки станицы Новолокинской. Все крупные, сильные. Все сверстники мне годами, прихода в полк в январе 1914 года. Такая приятная встреча “в чужом краю”... Среди них, старшим, казак Птухин. Все они были в 6-й сотне есаула Н.А. Флейшера²⁴⁹ 1914—1916 годов. Потом сотней командовал есаул И.Т. Бабаев²⁵⁰, после наш сверстник подьесаул А.С. Некрасов²⁵¹. С этими казаками пробыл в родном полку всю Великую войну. В Турции тогда много невзгод было испытано. Теперь уже конец Гражданской войны, и я вижу их все теми же “рядовыми казаками”... то есть никто из них не имеет звания, даже приказного. Это за две-то войны! Такая скромность казаков, как и... какое невнимание начальников?!

Я им об этом ничего не сказал, а только спросил:

— Не страшно быть в пластунах?

Мне всегда казалось, что в пешем строе вести бой опасно. Как бы беспомощно. То ли дело конная атака! Или конные маневры — обход ли противника или даже отход, отступление. Все можно и нужно делать быстро, сноровисто. А в пешем строе — одна медлительность, пассивность и даже опасность при отступлении. Так думал всегда конник.

— Никак нет, господин полковник! — вдруг дружески, с улыбкой отвечают они, мои родные кавказцы-сверстники. — И не страшно и спокойней даже... и меньше забот без коня, — добавляют они, рядовые казаки, участники двух долгих войн и... ничем не награжденные.

Приказ генерала Улагая

Дивизия отошла на станцию Иловайская. Вернулся генерал Шифнер-Маркевич. Здесь им получен следующий приказ от генерала Улагая:

“Всю 1-ю Кавказскую казачью дивизию свести в один полк и оставить на фронте под командой одного из командиров полков. От всех четырех полков выделить кадры и с ними двигаться Нт. станцию Матвеев Курган, в мое распоряжение, для формирования Кубанской Армии”.

Это распоряжение для нас было полной неожиданностью. Кроме того, нам казалось, что к нам должны влиться сформированные на Кубани казаки, но не мы, оставив фронт, идти в тыл, на странное, и так запоздалое, формирование Кубанской армии.

Мне лично тогда показалось, что это уже неосуществимо. Но высказывать свои мысли никто не стал, когда нас, Соламахина и меня, единственных командиров полков, оставшихся в живых, вызвал к себе генерал Шифнер-Маркевич и прочитал этот странный, на мой взгляд, приказ генерала Улагая. Молчал и Соламахин, как и Шифнер-Маркевич.

Кто из вас, господа, хочет остаться на фронте? — нарушив молчание, спросил генерал.

Как младший в чине, как молодой шкуринец — на фронте должен остаться я, — отвечаю генералу.

Нет, не так!.. Как младший в чине и как молодой шкуринец — полковник Елисеев должен вести кадры дивизии, а я, как старший в чине и как старый шкуринец — я, полковник Соламахин, должен остаться на фронте, — ответил мой старый друг.

Генерал Шифнер-Маркевич, умный и деликатный начальник, благородный и все ясно понимающий, он выслушал нас стоя, глядя на телеграмму Улагая, лежавшую перед ним на столике. И потом, подняв глаза на нас, ясно произнес:

— Миша, ты прав. Как старший в чине, ты должен остаться на фронте, а полковник Елисеев поведет кадры дивизии.

Мы оба взяли руки под козырек, поняв это как точное его приказание.

В телеграмме генерала Улагая сказано было: “Выделить 150 казаков на лучших лошадях и оставить их на фронте”, что и было выполнено. Получилась сильная сотня. От своего 2-го Хоперского полка я назначил в нее младшим офицером есаула Жукова, недавно вернувшегося в полк. Оставил и все полковые наличные пулеметы, числом четыре, под командой сотника Дубкова.

В противовес тому, что написано потом за границей генералом Врангелем по донесениям старших его генералов-конников, что “конский состав в частях совершенно пришел в упадок”, и другие невзгоды, в нашей дивизии этого не было. Конский состав дивизии, конечно, не был блестящий, но он оставался до конца хорош. Мы отступали уже по Украине, и фуража было вполне достаточно. Вот почему “выделенная сотня казаков” от 1-й Кавказской дивизии была сильна.

Что было занимательно, так это то, что казаки послушно оставались на фронте, а нам уход в тыл казался и странным, и несвоевременным. Мы еще наивно верили, что это есть наш временный неуспех...

Умный, скромный и молодецкий полковник Соламахин, не желая самообольщаться, назвал выделенных казаков с пулеметами не “полком”, а “Отдельной сотней” и себя — только командиром сотни.

Генерал Шифнер-Маркевич отдал по дивизии соответствующий приказ, что “полковнику Соламахину оставаться на фронте с Отдельной сотней, войдя в подчинение генералу

Фостикову, а полковник Елисеев назначается начальником кадров 1-й Кавказской Казачьей дивизии, которому следовать на станцию Матвеев Курган, в распоряжение генерала Улагая”.

В тот же день он со своим начальником штаба дивизии полковником Соколовским выехал поездом в Екатеринодар.

“Передайте войсковому атаману и всему Кубанскому войску, что если мы не вернемся назад, то это значит, что все мы погибли за славу и честь Кубани... А если судьбе будет угодно сохранить нашу жизнь — то сотня отойдет в Крым”. Так сказал перед строем нам, уходящим в тыл, растроганный и откровенный, как и доблестный в боях, полковник Соламахин.

Распрощавшись с остающимися на фронте, во главе группы в 250 казаков двинулся к Матвееву Кургану. С нами шел и начальник всей артиллерии корпуса генерала Шкуро, полковник Сейделер²⁵², личный друг и старый соратник и Шкуро, и Шифнер-Маркевича. Он уроженец Тифлиса из военной среды, всегда в черкеске и милейший человек в жизни.

На Матвеев Курган прибыли с вечерними сумерками. Здесь происходила полная неразбериха. Везде стояли интендантские поезда и другие составы. Много было воинских обозов. При нас и воинскими чинами, и жителями расхищались казенные склады. Жители тащили главным образом сахарный песок в мешках. Никто им уже не препятствовал. Анархия была на полном ходу. Здесь мы не застали генерала Улагая. ;

Через коменданта станции от него получено распоряжение — двигаться на Ростов.

Мы идем на Кубань...

Переночевав, остатки дивизии двинулись на Ростов. Странно было то, что ни у кого не было радости, что мы идем в тыл. Что-то подсказывало каждому из нас ненормальность положения и распоряжений высшего командования. Но мы идем туда, куда нам приказано.

Здесь стоял уже глубокий снег... Дорога от прохода многих обозов была растолчена. Двигаться верхами было тяжело. Приспособив в упряжь для санок некоторых лошадей, привязав в седлах остальных, рысью, на полозьях, двинулись к Ростову, до которого, по птичьему полету, было шестьдесят верст.

Мы едем словно по снежной Сахаре. Если дорога была заполнена всевозможными обозами, то от дороги, сколько хватал глаз, было сплошное чистое снеговое поле.

Мы оторвались от боевой действительности и двигаемся по абсолютно мирному пространству.

Следующий ночлег был в Эривани (армянском). Чтобы войти в Ростов настоящей воинской частью, все сели вновь в седла.

Проехали несколько верст, как нагнали какую-то довольно компактную колонну саней и подвод, числом 20—25, с которой идет до одной сотни конных казаков. Впереди нее кавалерийский штандарт в кожаном чехле.

Какого полка? — спрашиваю последние сани.

2-го Хоперского... — отвечает казак.

Вдруг колонна вся останавливается и ко мне спешно подходит пожилой полковник, лет пятидесяти, в шубе-черкеске и в погонах. Взяв под козырек, рапортует:

— Господин полковник!.. Полковник Якушев, с обозом 2-го разряда вверенного Вам полка, представляюсь.

Иронию с этим нашим полковым обозом трудно было и представить. Надо было нам беспрерывно отступать от Воронежа, чтобы ровно через два с половиной месяца, 22 декабря, и уже под Ростовом, нагнать его и воочию убедиться, что “он существует в действительности”... Но от которого полк на фронте абсолютно никакой продуктовой и фуражной помощи не получал.

С ним, с обозом 2-го разряда, и полковой георгиевский штандарт, который я вижу также впервые.

— СТОЙ!.. СТОЙ!.. — команду я всей этой растянувшейся колонне конных казаков, саней и подвод, словно уставший заблудившийся странник в пути, найдя наконец что-то радостное, давно искомое, ключ своего путешествия, цель его.

Полковник Якушев старается активно распоряжаться для встречи своего командира полка, но я его останавливаю и хочу посмотреть “его отряд” в том виде, в котором застал.

У него полный порядок. И люди, и лошади совершенно не заморены. Полковой штандарт с положенным взводом казаков в надлежащем боевом порядке. Этот взвод, конечно, был все время при обозе. Лошади у них просто жирные. У казаков свежие лица. Все отлично, по-зимнему, одеты. В полном положенном вооружении. Но я заметил смущение на их лицах. Полк ведь сражался, совершил тяжелый путь отступления с боями, а они, штандартный взвод, жил, отдыхал и неплохо кормился в тылу.

Как же Вы шли от Воронежа? Чем ориентировались?.. И знали ли, что фронт наш отходит? — спрашиваю я ласково полковника Якушева, летами годного мне в отцы.

Да так... слухами и чутьем. Так и шли постепенно на юг. А вчера узнали, что и Вы нас нагоняете. Ну и обрадовались, — как-то смущенно докладывает он.

Выспрашивать долго не приходилось. Я немедленно же сгруппировал вокруг полкового штандарта абсолютно всех конных казаков, находившихся и при обозе, распределил офицеров. Получилась конная группа человек в 300. По временам это был уже настоящий боевой полк.

На душе у меня было очень тепло, когда я сгруппировал казаков вокруг полкового штандарта. Здесь в буквальном смысле слова со мной был весь наш 2-й Хоперский полк: со своим штандартом, с обоими моими помощниками — полковниками Тарарыкиным и Якушевым, все командиры сотен и отличный полковой адъютант хорунжий Шура Галкин. И при нас — 300 конных казаков. Это ведь тогда — с и л а была!

Я тогда совершенно не думал, что мы отойдем на формирование Кубанской армии в свой Баталпашинский отдел. Всем нам думалось, что где-то возле Ростова дивизия будет остановлена и возродится в своей боевой силе.

Всем нам думалось, что мы никогда не оставим Новочеркасск и Ростов. И здесь дадим достойный отпор красным.

Ведь говорилось и писалось в газетах, что под Ростовом укреплены неприступные позиции и будет дан решительный бой. Вот почему, приближаясь к городу, мы, Тарарыкин и Галкин, шли в седлах рядом, внимательно вглядывались во все стороны, пытаюсь найти эти “неприступные позиции”.

Да где же они, господин полковник? — как бы с упреком громко спрашивает меня умный, но порою резкий полковой адъютант хорунжий Галкин.

Подождите, Шура, возможно, под самым городом, — отвечаю ему, удивляясь в душе сам, что не вижу ожидаемых укреплений.

Вот уже, кажется, и сам Ростов... Хорошо укатанное шоссе явно указывает на начало города. Но и здесь никаких — ни войск, ни позиций...

Конная группа казаков в 300 человек с несколькими дюжинами саней и подвод полным строевым порядком идет по этому укатанному шоссе. Идет, идет и... уже входит в город. И нигде не видит ни одного окопа, укрепленного пункта или проволочных заграждений... Огорченные, обманутые, все мы трое крепко выругались. Мы были просто оскорблены в своей верности боевому фронту.

Генерал Врангель в своем капитальном труде пишет: “Укрепленная позиция эта существовала лишь на бумаге; значение ее было чисто “психологическое”, как выразился Главнокомандующий генерал Деникин”²⁵³.

На ночлег остатки дивизии расположились в городе. От коменданта города получили распоряжение генерала Улагая — двигаться в станицу Кущевскую, где ждать нового распоряжения.

Для познания психологического состояния Ростова с Тарарыкиным и Галкиным прошли на Садовую улицу — главную магистраль города. Кругом пустынно от жителей, и лишь без конца движутся по ней разные обозы. Тоска и грусть кругом...

— Господа офицеры!.. Хотите с барышнями переночевать?.. Очень миленькие они! — говорит какая-то старушка, неожиданно появившаяся из-за угла.

У меня мысли были так далеки “от разных, даже миленьких барышень”, что я вначале не все понял.

Да вы не бойтесь!.. Я вас сама к ним проведу!.. Я от них послана! — ласково заглядывая нам в глаза при свете углового фонаря на улице, говорит она.

От кого — от них? — переспрашиваю, еще не все понимая.

Да от барышень, господин офицер!.. Ведь и им тоже надо зарабатывать!.. Вот я и выхожу на улицу... — спокойно и деловито продолжает эта сухенькая маленькая старушка.

Мне стало жаль эту старушку, как и “ее девочек”. Тыл, отвратительный тыл дохнул на меня всем своим страшным гнилым дыханием. Мы думаем “об укрепленной позиции под Ростовом” и “о завтрашнем дне”, а обывательница тянет тебя “к барышням”, которые “вон как хотят зарабатывать деньги на хлеб насущный”?!

— Иди, бабушка, домой... нам некогда, — грустно отвечаю ей.

В Батайске

Наутро 22 или 23 декабря кадры дивизии проходили через Тихий православный Дон-Иванович и окунулись в буквальную клоаку. Масса подвод, саней, экипажей, отдельных воинских чинов и групп, пеших и конных, шли-тянулись через мост. К югу от него чернела широчайшая буро-серая низина левого берега Дона, по которой, по всем ее дорогам, тянулись бесконечные вереницы живых существ, а кого и сколько — трудно было определить.

На левой стороне Дона снега было очень мало. Дорога разбита и вязка. Колонны подвод и саней застопориваются. Слышны везде крик и ругань. Много беженцев. “Куда они бегут? и на какое время?” — думал я.

Свернув с дороги, еще не по растолоченному полю наша колонна шла на юг, в Батайск.

Странно показалось, что навстречу нам шли кубанские конные части. Я явно вижу 1-й Екатеринодарский полк. Это были, как оказалось, части нашей 1-й Конной дивизии — резерв главнокомандующего. И мне показалось совершенно не нужным и излишним их движение “на фронт”, так как чувствовалось, что никакого отпора красным дать уже невозможно.

Мы в Батайске. На вокзале я вижу терских пластунов. Это Терская пластунская бригада, идущая также на фронт. Казаки быстро высыпали из вагонов и беспричинно, праздно шатаясь, заполнили весь перрон вокзала.

Не люблю я воинских чинов, праздно болтающихся массой в общественных местах. В массе они бывают распущены, непочтительны и готовы к разному озорству. Так оно и оказалось.

Какой-то сотне не понравился обед. Казаки окружили войскового старшину Цугулиева и резко выражали ему свое неудовольствие.

— А еще на фронт нас ведете!.. А чем кормите? — зло говорит кто-то из задних рядов заведующему хозяйством Цугулиеву.

Я стою рядом с ним, и у меня по спине поползли мурашки. На фронте, на боевом фронте, таких выступлений быть не может.

Цугулиев не растерялся, доказывает им что-то и приказывает разойтись. Но это их только обозляет, они непозволительно смеются над гордым и, вижу, умным офицером-горцем. “Развал... полный развал армии”, — думаю я.

“26 декабря конница Буденного почти уничтожила Терскую пластунскую бригаду, поставленную в центре Добровольцев, и опрокинула конницу Топоркова”²⁵⁴, — пишет генерал Деникин о своем резерве. Так погибла эта Терская пластунская бригада.

На второй день, направляясь в Кушевку, на станции Батайск вижу поезд командующего Донской армией. Спешив свои кадры дивизии, прошел к поезду, чтобы узнать “положение на фронте”.

Все вагоны поезда окрашены в мягкий защитный цвет, с эмблемами цветов флага Донского войска — сине-желто-красного, приятно ласкающего глаз.

Вам что надо, полковник? — встречает меня удивленно молодой стройный войсковой старшина в гимнастерке и шароварах с лампасами.

Я хочу знать — где проходит фронт? — отвечаю ему.

А Вы кто таков?.. И почему Вас интересует линия фронта? — спрашивает он, печальными глазами пытливо и подозрительно осматривая меня с ног до головы.

Я назвал себя. Ему от этого стало еще печальнее, именно — печальнее. И он с упреком сказал, что “вот, кубанцы бросили фронт... его держит только Донская армия... а Вы, вместо того чтобы помочь ей, зашли только спросить, “где тянется фронт”.

Мне бесконечно было жаль этого воспитанного и, вижу, благородного донского офицера. Но я же не мог ему рассказать весь путь нашего отступления от Воронежа и почему я сейчас именно здесь! Вкратце все же сказал, откуда мы идем.

Он посмотрел на мою черкеску в серебряных погонах и при добротном кавказском оружии в отделке серебром — недоверчиво произнес:

— Вид у Вас хороший, но я боюсь Вам верить...

От этих слов мне еще больше стало жаль его, видимо, большого донского казака-патриота. И не стал ему говорить, что обе войны проведены мной в таком кавказском мундире и оружии.

Мы холодно распрощались. Думаю, это был войсковой старшина Добрынин, начальник оперативного отдела Донской армии, за границей выпустивший очень содержательную книгу о напряжении Донского войска в Гражданской войне. Он давно умер.

И вышел я из штаба Донской армии расстроенным и оскорбленным и за родное войско, и за себя лично, что мы, кубанские полки, якобы бросили фронт.

В том печальном состоянии, в котором находился этот очень приятный воспитанный молодой штаб-офицер, он был вправе высказывать все свои обидные предположения о кубанских полках, не зная сущности. И это нисколько не относилось к нашей дивизии и ко мне лично. Место и горькое время не давали мне возможности подробно осветить ему, откуда мы появились здесь.

Совершенно незаслуженный упрек кубанским казакам делает и генерал Деникин в своем труде. Вот его строки: “Дезертирство кубанцев приняло массовый характер. Вместо того чтобы попытаться собрать части где-нибудь в армейском тылу — генерал Врангель отдал самовольно приказ об отходе “кадров” Кубанских дивизий на Кубань для формирования; и эта мера вызвала новые тяжелые осложнения. Уклонявшиеся от боя казаки и дезертиры, которых раньше все-таки смущала совесть и некоторый страх — перешли на легальное положение. Их оказалось много, очень много: за Дон, домой потекли довольно

внушительного состава полки на хороших конях, вызывая недоумение и озлобление в донцах, в подходящих подкреплениях и соблазн в Кубанских дивизиях, еще оставшихся на фронте. Дома они окончательно разложились”²⁵⁵.

Не входя в общую оценку этих строк, предполагаю, что генерал Деникин видел именно кадры нашей 1-й Кавказской дивизии по оставлении Ростова, так как в Батайске к нам присоединились и еще несколько десятков казаков дивизии, отошедших сюда, как отходили все. И эта конная масса до 400 конных казаков, со штандартом 2-го Хоперского полка во главе, действительно, на достаточно хороших лошадях, всякому казалась “сильным полком”. Но никто из посторонних не знал, что это есть только остатки былой храброй и безумно лихой дивизии полковника Андрея Григорьевича Шкуро, его первое героическое детище с лета 1918 года, вихрем побед пронесшаяся по всей Украине далеко на запад за Днепр, потом переброшенная на главный фронт московский и с налета захватившая Воронеж! Кому все это надо было рассказать? И рассказать, что после всего этого дивизия была истощена и только по приказу командующего Добровольческой армией генерала Врангеля идет на Кубань для формирования Кубанской армии.

Несправедливость этих строк печалит душу до сих пор.

Прерывая на время свой отход, на упреки генерала Деникина “в дезертирстве” кубанских казаков, а значит, и офицеров, которых в полках, на фронте, было также очень мало, повторю его описание “о тыле Армии”.

“Развал так называемого “тыла” — понятие, обнимающее, в сущности, народ, общество, все невоюющее население, — становился поистине грозным.

Чувство долга в отношении отправления государственных повинностей проявлялось очень слабо. В частности, дезертирство приняло широкое, повальное распространение. Если много было зеленых в плавнях Кубани, в лесах Черноморья, то не меньше “зеленых” — в пиджаках и френчах — наполняло улицы, собрания, кабаки городов и даже правительственные учреждения. Изворотливость, беспринципность, легкое покровительственное отношение общественности к уклоняющимся, кумовство служили им надежным щитом. Спекуляция достигла размеров необычайных, захватывая в свой порочный круг людей самых разнообразных кругов, партий и профессий — кооператора, социал-демократа, офицера, даму общества, художника и лидера политической организации. Казнокрадство, хищения, взяточничество стали явлением обычным; целые корпорации страдали этим недугом.

Традиция беззакония пронизывала народную жизнь, вызывая появление множества авантюристов, самозванцев — крупных и мелких. В городах шел разврат, разгул, пьянство и кутежи, в которые очертя голову бросалось и офицерство, приезжающее с фронта.

Шел пир во время чумы, возбуждая злобу или отвращение в сторонних зрителях, придавленных нуждой”²⁵⁶.

После такой аттестации тыла армии самим главнокомандующим упрек им в дезертирстве кубанских казаков, своими конными корпусами входивших с жестокими боями даже в Саратовскую губернию, взявшими Воронеж, есть не основательный, как и оскорбительный. В разгулах, в казнокрадстве, в спекуляции фронтовое кубанское казачество, до своих кубанских генералов, безусловно не участвовало.

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ

Соотношение сил — добровольческих и казачьих

Отойдя до Ростова к концу декабря 1919 года, вернемся назад и посмотрим, каковы были силы Добровольческой и Казачьих армий к моменту кульминационных успехов их. Чтобы не впадать в ошибки и быть беспристрастными, сведения эти мы почерпнем из капитального труда главнокомандующего генерала Деникина “Очерки Русской Смуты”.

“Состав Вооруженных Сил Юга России, с мая по октябрь 1919 года, возрастал последовательно от 64-х до 150-ти тысяч. Таков был результат нашего широкого наступления.

Из этого состава около 20-ти тысяч оставались на Черноморском побережье против Грузии и в Терско-Дагестанской области против горцев, Азербайджана и Астрахани”²⁵⁷.

“Вооруженные силы располагались, — пишет генерал Деникин, —

ВОЙСКА КИЕВСКОЙ ОБЛАСТИ (генерал Драгомиров²⁵⁸) — 9 тысяч, впереди Киева и по р. Десне у Чернигова включительно.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ (генерал Май-Маевский) — 20 с половиной тысяч, от Чернигова к Орлу и до Дона (у г. Задонска).

ДОНСКАЯ АРМИЯ (генерал Сидорин) — 50 тысяч, от Задонска, до устья р. Иловли.

КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ (генерал барон Врангель) — 14 с половиной тысяч — в районе Царицына, имея часть сил против Астрахани, на обоих берегах Волги.

ОТРЯД из состава войск Северного Кавказа (генерал Драценко²⁵⁹) — 3—5 тысяч против Астрахани с юга и юго-запада”²⁶⁰.

“Всего на противобольшевистском фронте Киев—Орел—Воронеж—Царицын—Астрахань мы имели 98 тысяч против 140—160 тысяч большевиков”²⁶¹, — заключает генерал Деникин. ,

Из этих цифровых данных видим, что Донское войско выставило на фронт чуть больше половины бойцов всего Юга России.

Кавказская армия, по существу чисто КУБАНСКАЯ, которую составляли три Кубанских конных корпуса, две Кубанские пластунские бригады, 2-я Терская казачья дивизия и некоторые конные полки горцев Северного Кавказа, оказалась малочисленной.

В “Кубанском календаре”, изданном в Белграде штабом войска, сказано: “Как выяснилось по подсчету в 1919 году, Добровольческая армия на 85 процентов состояла из кубанцев, численность которых временами доходила до 110 тысяч бойцов”²⁶².

“В Гражданскую войну, к концу 1919 года, под ружьем было около 110 тысяч кубанцев”, — повторил генерал В.Г. Науменко в карте Кубанского края, изданной в 1961 году в Америке.

Указав столь внушительную силу Кубанского войска “под ружьем” в 1919 году, оба издателя не отметили, где же находилась столь значительная сила войска?

Конечно, в эту цифру входили все тыловые части, учреждения и управление войском, но все же на фронте, по книге-сводке генерала Деникина, кубанцев было только 14 тысяч, составлявших Кавказскую армию.

Придем к ним на помощь:

а) с весны 1919 года и до конца его 1-я Кавказская казачья дивизия генерала Шкуро все время находилась в составе Добровольческой армии генерала Май-Маевского. Дивизию составляли четыре полка кубанцев;

б) с лета того же года и до конца в Добровольческую армию входила 2-я Кубанская пластунская бригада генерала Геймана и 1-й Кубанский стрелковый полк полковника Туненберга²⁶³;

в) в Заднепровье находились 2-й Таманский и 2-й Лабинский полки Кубанского войска, потом ушедшие в Польшу с отрядом генерала Бредова²⁶⁴;

г) 3-й Запорожский и 3-й Уманский полки находились на Черноморском побережье против “зеленых” в районе Туапсе;

д) 3-й Кавказский и 3-й Черноморский полки находились в северо-западной части Ставропольской губернии как полицейская сила.

О строевых частях Терского казачьего войска у генерала Деникина в книге почти ничего не сказано.

Наверстаем этот пробел и по эмигрантской печати, и по расспросам участников, офицеров Терского войска:

а) 1-я Терская казачья дивизия действовала на Украине и потом, с 1-й Кавказской казачьей дивизией (Кубанской), составила 3-й Конный корпус генерала Шкуро, который входил в состав Добровольческой армии;

б) на Украине действовала 2-я Терская пластунская бригада, входившая также в состав Добровольческой армии. Потом она отошла в Польшу с генералом Бредовым;

в) 2-я Терская казачья дивизия входила в состав Кавказской армии;

г) на Тереке оставались 3-я и 4-я Терские казачьи дивизии, которые действовали на Астраханском направлении и против горцев;

д) на Тереке находилась и еще одна Терская пластунская бригада.

Строевые части Терского войска были широко разбросаны главным командованием на четыре фронта, разорвались между собой и не представляли компактной войсковой силы.

В подробностях об этом хотелось бы прочитать написанное терскими военачальниками и участниками.

“В начале октября 1919 года Вооруженные Силы Юга России занимали фронт параллельно нижнему плесу Волги до Царицына и далее по линии, примерно, Воронеж—

Орел—Чернигов—Киев—Одесса. Этот фронт прикрывал освобожденный от советской власти район, заключавший 16 — 18 губерний и областей, пространством в 810 тысяч квадратных верст, с населением в 42 миллиона жителей”²⁶⁵, — пишет генерал Деникин.

Если взять фронтovou силу, которую выставили Донское, Кубанское и Терское казачьи войска, то их окажется не менее 75 процентов всех сил армий Юга России, то есть “белых войск”.

И эту массу войск, главным образом конницу, выставили только три области, пусть только из 16 губерний южной России, самой богатой и многонаселенной. И на 42 миллиона населения казаков было около 4 миллионов.

И эти области были казачьи. И ореолом славы и напряжения было войско Донское, сумевшее создать свою Донскую казачью армию и два года держать главный фронт, на который, как выразился в печати выдающийся войсковой атаман Всевеликого войска Донского, генерал Петр Николаевич Краснов²⁶⁶, “вся красная Русь идет на Дон”.

И Донское войско отразило натиск красных армий. И недаром в их войсковом гимне поется:

Всколыхнулся, взволновался

Православный Тихий Дон...

И заканчивается такими горделиво-призывными строками:

Славься, Дон, и в наши годы,

В память вольной старины,

В час невзгоды — честь свободы

— Отстоят твои сыны.

Генерал Деникин пишет: “На главном театре — по Дону и Салу — к началу января 1920 года было сосредоточено 54 тысячи бойцов и 289 орудий. Из них:

Донская армия — 37 тысяч,

Добровольческий корпус — 10 тысяч,

Кавказская армия — 7 тысяч”²⁶⁷.

Из этих цифр видно, что Донская армия уменьшилась только на одну четверть своего состава, Добровольческая и Кавказская армии уменьшились ровно наполовину. К сему надо пояснить, что, по сводке Донской армии, в Добровольческий корпус генерала Кутепова входил Сводный Кубано-Терский корпус генерала Топоркова в 1580 шашек при 16 орудиях и 96 пулеметах, “выделенный из состава Кавказской армии в резерв Главнокомандующего”²⁶⁸, как пишет сам генерал Деникин.

К этому времени малочисленные 2-й Кубанский конный корпус генерала Науменко и наша 1-я Кавказская казачья дивизия генерала Шифнер-Маркевича были уже на Кубани для усиления своих рядов и в сводку фронтовых частей не входили.

Не имея своей Кубанской армии, наше войско было разбросано своими дивизиями и полками, как и Терское войско, по разным фронтам.

Отход дивизии по Кубани

Дивизия в станице Куцевской. Она переполнена тыловыми войсками, обозами, бесчисленными беженцами. Невообразимая грязь кубанского чернозема на улицах. Она буквально по колена лошади. Станица большая и богатая.

С учения возвращаются казаки-малолетки. Их свыше полусотни. Под ними молодые, хорошо упитанные и отлично вычищенные строевые кони. Они просят повода. Против наших казаков “от Воронежа” эти казачата-малолетки выглядят просто мальчишками. Милые безусые лица, еще не выдавшие горя и порохового запаха боя. Мне их стало жаль, севших в седла, в казачий строй в такую лихую годину. Но они были бодры и веселы, не зная, что их ждет “завтра”.

Переночевали. Дивизии приказано перейти в станицу Шкуринскую. Идем. Кругом равнинное снежное поле. Тишина.

Вошли в станицу. Разведя полки по квартирам, спешу в свой штаб полка. Широкий двор. В нем амбар, сараи, базы для скота. Большой дом. Двор зажиточный, но “по-степному”, то есть примитивно все в нем.

Въехав во двор, слез с седла. И вдруг ординарцы доложили, что сена и зерна для лошадей хозяин не дает даже и за плату, не говоря уже о пище для казаков. Это меня больше чем возмутило.

Ты кто таков? — спрашиваю молодого хозяина, вызванного мною.

Хозяин... а што? — отвечает он мне по-мужичьи.

Сколько тебе лет? — желая узнать его возраст.

А зачем Вам?.. ну, двадцать четыре, а што? — немного смущенно отвечает он, видя мой строгий вид и какую-то подозрительность в моих вопросах.

Так, значит, ты казак 1-го Запорожского полка?.. почему же ты не в полку?.. почему ты не на фронте, когда твой год призван?.. Ты, значит, дезертир? — закончил я свою тираду грозных слов.

Он сразу же “все понял”, потупив глаза вниз. В это время подошел его старший брат, казак лет тридцати пяти. Отец у них умер, и он в хозяйстве “за отца”. Это был крупный белолицый мужчина с рыжей бородкой, подстриженной “лопаточкой”. Безусловно, он был служивый, возможно, что не только урядник, но урядник Конвоя Его Величества, так как говорил чисто по-русски и имел хорошее обращение.

— Почему твой брат не в полку? — спокойно, но твердо спрашиваю его.

Он в отпуску, господин полковник... — отвечает “брат за отца” и тут же очень внимательно добавляет: — А если что Вам надо из фуража иль покушать, то все у нас есть. Пожалуйста, располагайтесь как дома.

Иди отпусти сена и зерна! — говорит он своему младшему брату тоном приказа и, видимо, лишь для того, чтобы убрать его с моих глаз.

Так нас встретила вторая кубанская казачья станица — своих строевых братьев-казаков, отошедших в седле и с тяжелыми арьергардными боями от самого Воронежа. И если крестьяне русских губерний по пути нашего отступления всегда безотказно давали казакам просимое, за что сотни и расплачивались, то здесь, в своем краю, отказ казака казаку был совершенно недопустим. В таких случаях я был строг и определен. И своих строевых казаков в обиду не давал. Потом опишу и другие подобные случаи по ходу событий.

Дивизию почему-то перебросили дальше на запад, в станицу Ко-неловскую. Здесь были тыловые части и обозы корпуса генерала Кутепова. Я был на одном из собраний старших начальников, не выше чина полковника. Как о них сказать? По-моему, их смущало пребывание в казачьей станице. Здесь нельзя им было чувствовать себя “хозяевами положения”, как это было в русских губерниях, в селах, при полном беспорядке и крестьян, и старост сел, деревень.

Здесь, в доме хозяина-казака, даже и у женщин-казачек надо все просить, спрашивать. А станичный атаман!.. Это не был боязливый староста села. Он был всегда из видных урядников, серьезный, умный, хозяйственный и довольно пожилой. Он всегда в черкеске, при погонах подхорунжего и при шашке с офицерским темляком. Он был по выбору всей станицы военно-административным главой десяти-пятнадцати-двадцатитысячного населения станицы. Бывали станицы и до сорока тысяч населения. Как такому маститому атаману сказать “ты” или “я тебе приказываю!”. Да он такого приказа и не исполнил бы. Добровольцы были словно сняты с высокого пьедестала.

Атаман Конеловской станицы, бородатый урядник лет пятидесяти, небольшого роста, широкий в плечах, спокойный и заботливый для нужд войны, он был замучен подводной повинностью для передвигающихся частей. В Конеловской простояли несколько дней. Я не раз был в станичном правлении, и мне было очень жаль этого доброго и заботливого атамана-казака.

Дивизии приказано было идти на станцию Тихорецкая через Уманскую и Павловскую станицы.

Дивизия выступила. Самый тяжелый путь был до Уманской. Здесь было мало снега, и потому обозы потонули в липкой грязи. В дороге брошены все сани. В станицу вошли вечером. Она удивила нас своим городским видом, постройками в центре. Нарядное и вместительное станичное правление, школы и, как редкость на Кубани, главная мощеная улица.

“Неужели и сюда дойдут большевики, в эту прекрасную казачью станицу?” — думал я, рассматривая хорошие нарядные дома богатых казаков, крытые цинковым железом²⁶⁹.

На следующий день дивизия движется в станицу Павловскую. Проходим небольшую Атаманскую станицу и вышли за околицу. Влево от нас, в стороне, идет казак в черкеске.

Он остановился, взял винтовку к плечу и выстрелил в сторону станицы. Это меня возмутило. Нажав коленями на тебеньки седла, вихрем подскочил к нему и крикнул:

— Ты почему стреляешь — такой-сякой?

Казак повернулся ко мне лицом, спокойно посмотрел на меня и отвечает:

— Эх, господин полковник!., все пропало!., пропала и моя Атаманская станица!., вот я и стреляю с горя, уходя из нее... я сам урядник... и ежели хотите — нате мою винтовку. А я выстрелил от горя... Простите меня, господин полковник!.. — добавляет он и, сняв папаху с коротко остриженной головы, поклонился мне, как бы еще больше желая показать этим, какое у него горе.

Он был выпивши. Я его понял. — А куда же ты идешь? — желая успокоить его, спрашиваю.

Да иду туда, куда и все... а там... што будет... — тихо ответил он.

Ну, иди с Богом... только не стреляй больше... ты понимаешь — можешь кого-нибудь убить случайно... и тогда что? — утешаю его.

Да я в воздух стрелял, господин полковник!., што я, маленький... не понимаю! — как бы уже обиженно закончил он.

В станице Павловской

Дивизия идет вдоль полотна железной дороги в Павловскую. Станица там очень богатая. Квартирьеры отвели мне большой кирпичный дом. Он полтораэтажный, высокий. Двор окружен непроницаемым забором с растворчатыми воротами и массивной калиткой. Через них не видно, что делается во дворе. Во дворе же большой дощатый амбар, какие-то сараи. Двор небольшой, но все в нем капитальной постройки, все чистое, нарядное, почти городское. Это меня удивило. Хозяин, видимо, не простой землероб. Поднявшись наверх, в передней меня встретил плотный телом казак, лет пятидесяти, в бешмете и с запорожскими усами.

Очень почтительно, совершенно без воинской натянутости, он встретил меня, назвав “господин офицер”, провел в залу, просил располагаться и немедленно же удалился в следующую комнату, очень чистую кухню, где хозяйюшка что-то уже стряпала для меня и полкового адъютанта.

Зала — совсем городская, но на стене много казачьих снимков, к которым я и обратился. На одном из них группа станичных атаманов в парадной форме Кубанского войска и с насеками в руках. Среди них я узнал и своего хозяина дома. “Вон он кто!., поэтому так и независим”, — решил я.

Мы ужинаем с хорунжим Галкиным. Девочка, видимо дочка, лет десяти—двенадцати, подает нам кушанье из кухни. Подает, поставит на стол с шаловливой улыбкой дитяти, которая “все знает”, и немедленно же, быстро уйдет на кухню, поглядывая на нас оттуда и все улыбаясь.

Как фамилия твоего папы? — спрашиваю ее, задержав за руку.

Гурбич, — отвечает она.

— А брат у тебя есть?

— Да... он есаул Корниловского полка, — ясно ответила она.

От этих слов у меня все перевернулось в душе. Хорунжий Гурбич²⁷⁰ прибыл с эшелоном в двенадцать казаков на пополнение в Корниловский полк в село Дивное на Маныче, перед Святой Пасхой 1919 года. Эшелон привел хорунжий Иван Троян²⁷¹. Гурбич был интеллигентный офицер, остроумный, но самое главное, говорили, что он сын члена краевой рады, кажется, даже члена краевого правительства; вообще — сын видного общественного деятеля на Черноморье. Оказывается, я был “у своих”, почти родственников.

Я вызываю отца и мать к себе, рассказываю им об их сыне, о себе и прошу поужинать вместе на радостях. Хозяюшка, милая и приятная, по-европейски “гранд-дама”, улыбаясь, наотрез отказалась сесть, показав, что она занята на кухне. “Старик” согласился. Этому старику тогда было, думаю, не больше пятидесяти лет. Он был совершенно свежий и лицом, и здоровьем. Мне было тогда 27 лет, а Галкину 20—22. Для нашего возраста, и по станичному понятию, Гурбич был “старик”, которому требуется оказывать почет и уважение.

Он почти ничего не ел, кое-что спрашивал для поддержания разговора за столом, как хозяин дома, и отвечал на наши вопросы.

Он не верил в возможность победы нашей над большевиками, а следовательно, считал бесполезным продолжать войну против них. Услышав столь странное и страшное его определение, я с волнением спрашиваю его:

А что же делать дальше тогда?..

Что?.. Надо мириться с большевиками... Это наилучший исход... Сил нет!.. Казаки драться не хотят... они устали... Мы это здесь, в станицах, хорошо видим, — произнес он очень спокойно, деловито и, видимо, продуманно.

Услышав это, я будто “опьянел”. “Мир с большевиками... а атаманские фотографии на стене... как голые факты казачьей контрреволюции”, — пронеслась мысль в голове.

Простят это красные?

А как же Вы лично?.. Останетесь? — рублю ему.

Да... останусь, — спокойно ответил он.

Я в полном недоумении. В моей голове это совершенно не вмещалось. Он бывший станичный атаман, очень зажиточный казак, у него городского вида и обихода дом, он член рады, сам внешне видный, как полковник старого времени, благообразный, спокойный, выдержанный, и вдруг — у него мир с большевиками... и он сам остается в станице.

Все это я высказал ему тут же, а он, спокойным жестом руки указывая на стены дома, на семью, что на кухне, и потом на двор с богатыми постройками, на вместительный амбар, крытый цинковой жестью и наполненный зерном, тихо произнес:

— Ведь этого же всего не унесешь с собою?.. А одному бежать — какой смысл?

Наш разговор прервал пожилой казак, прибывший из станичного правления. Называя очень почтительно Гурбича по имени и отчеству, он говорит, что его зовут на станичный сбор старики, где будет решаться вопрос, “чи обылизывать козакив, чи остатця у станыци”.

— Вот видите, полковник, казаки стоят на распутье. Но большинство их думает, как и я,
— сказал он и пошел одеваться в “чэкминь”.

Неожиданное пополнение в дивизию

Мне нужно было поговорить по аппарату со штабом 2-го Кубанского корпуса, находившегося в станице Леушковской. С адъютантом скачу на станцию Сосыка. Переговорил и стою с несколькими офицерами на платформе, как бы отдыхая от тяжелых дум в культурном уголке. К нам подходит какой-то сотник в крытой шубе-черкеске, при полном офицерском вооружении и в темных очках.

— Где здесь начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии? — обращается он к нашей группе.

Голос этого офицера показался мне очень знакомым. Галкин указал на меня.

— Господин полковник!.. Сотник Курукалов с пополнением конных казаков в 125 человек прибыл во вверенную Вам дивизию, — рапортует он спокойно, отчетливо выговаривая слова, и смотрит “обыкновенно” мне в глаза.

Услышав фамилию Курукалов, я смотрю на этого сотника уже не спокойно. Я его узнал.

— Откуда же Вы их привели, сотник?

— Из Баталпашинского отдела, господин полковник. Мы прибыли еще вчера и здесь ждали дивизию, — все так же спокойно отвечает он, и вижу, меня он совершенно не узнает.

С тех пор прошло девять с половиной лет. В 4-й сотне 1-го Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полка нас было семеро вольноопределяющихся. Василий Курукалов осенью 1910 года заканчивал свой двухлетний срок службы. Он был станичный учитель своей Чамлыкской станицы и среди нас, семи, считался самым старшим и самым серьезным. Я же только что поступил в этот полк и сотню, был самым младшим, самым маленьким и... не серьезным. Мне было семнадцать лет. Он тогда много читал, делал выписки из прочитанного, был серьезен, умен до философских вопросов включительно. Меня он очень любил и оберегал от шалостей. Все мы жили на частной квартире, кстати сказать, в очень богатом доме Полуяновых, у отца будущих кубанских большевиков-братьев. Ян Полуян был средний. Две их сестры также ушли в их красный лагерь. Они были коренные и богатые казаки станицы Елисаветинской, имея в своей станице хутор в поле.

Приняв от него рапорт и расспросив все официально, приближаюсь к нему, подаю руку и произношу:

-- Ну, здравствуй, Василий, дорогой! — обнимаю его и целую в губы.

Он совершенно растерялся, как и мои офицеры, смотрят на меня и не понимают — в чем дело?

Что?.. Не узнаешь, старина? — весело говорю ему. — Федя... с Кавказской... вольноопределяющийся 4-й сотни 1-го Екатеринодарского полка в 1910 году.

Так точно, господин полковник! — еще неуверенно отвечает он. Забыл ли он это или по воинской привычке держится официально.

Ну вот что, Василий! Сейчас едем прямо ко мне на квартиру и закусим на радостях.

Слушаюсь, — вновь почтительно отвечает он, взял руку под козырек.

Мне становилось и досадно и смешно.

Мы у меня, в доме Гурбича. Последний еще не вернулся со станичного сбора. Я снимаю папаху, Василий меня рассматривает и... признает.

— Но как Вы возмужали, господин полковник! — произносит он. — Но черты лица — те же, — добавляет он.

Мы закусьваем. Где-то достали спиртное. Я уговорил-приказал Василию Курукалову, сотнику, называть меня по имени и отчеству, но он никак не мог этого усвоить. А “ты” у него совершенно не выходило для произношения.

Как жаль, что подобное пополнение казаков пришло так поздно. Под Воронеж!.. Под Воронеж надо было Кубанскому войску слать свои тысячи казаков, а не тогда, когда мы оставили даже и Ростов-на-Дону!.. Вот оно — отсутствие своей войсковой военной силы — КУБАНСКОЙ АРМИИ! Войсковой аппарат со слабой волей оказался...

Поздно вечером вернулся Гурбич.

— Ну вот, господин полковник... станичный сбор решил не уходить. Все остаются в станице. Но кто хочет — может идти с войсками. Никто этому препятствовать не будет. И иного исхода нет хозяйственным казакам, — произнес он.

С чувством большой грусти я покидал наутро следующего дня богатый и гостеприимный дом Гурбича, члена краевой рады, который решил “остаться” и жить в мире с большевиками. Это было, конечно, великое заблуждение, но в то же самое время, уходя от них, надо было бросить все, может быть, поколениями Гурбичей нажитое хозяйство, окультивированное во всем, и идти в полную неизвестность! И на сколько времени? Бросить жену, детей... Жуткий вопрос для всего хозяйственного казачества.

Судьба самого Гурбича мне неизвестна.

Дивизия в Тихорецкой

Сюда она прибыла в первых числах января 1920 года и расположилась по квартирам в хуторе Тихорецком, при узловой станции того же названия.

Если картину хаотического отступления мы видели в Ростове, по пути Ростов—Батайск и в Батайске, то, что творилось в Тихорецкой и в особенности на самом вокзале, — все это превосходило всякое воображение.

Узловая станция Тихорецкая являлась последним железнодорожным узлом, куда сходились все пути отступающих армий, частей, учреждений, обозов и всех тех, кто уходил от красных на юг.

На станции стоял поезд главнокомандующего генерала Деникина. Сюда подошел и поезд командующего Кавказской армией генерала Покровского. У входа в вагоны стояли парные часовые. Возле них было пустынно, но зато на перроне, в самом вокзале, на путях, на улицах хутора были сплошные толпы воинских чинов всех рангов и полков, в большинстве случаев пехотных частей. Казаков было очень мало, а Донского войска — почти никого. Все они в английских шинелях, в погонах, вооружены. Уставшие, небритые, но еще не потерявшие воинского вида, взаимоотношений и жаждущие порядка. Посторонний человек, посмотревший на это человеческое месиво и не зная всего случившегося, не понял бы, зачем они здесь и что они хотят?

Эта масса людей была нервно возбужденная, торопливая, переходящая и куда-то стремящаяся. И чтобы это понять, надо было только взглянуть на стены вокзальной постройки, на лицевую сторону вокзала к перрону, чтобы уразуметь, кто они и что это?

Вся лицевая сторона вокзала была сплошь покрыта разными объявлениями, написанными от руки, крупно, жирно, цветными карандашами. Размер объявлений был максимально в пол- или четверть страницы большого листа бумаги. Стиль и содержание их были одни и те же. Они были приблизительно таковы:

“Всем одиночным чинам и группам такой-то части следует направляться к их штабу в такую-то станицу”. Следовала подпись главного начальника.

Этих объявлений было так много, что по ним можно было точно определить название и состав частей Добровольческого корпуса генерала Кутепова.

Среди них не было ни одной от Донской армии и от кубанских частей. Но было одно объявление от 1-й Терской казачьей дивизии корпуса генерала Шкуро, с указанием, где отдельным казакам искать дивизию. Здесь же, на вокзале, я неожиданно встретил и ее офицеров, моих сверстников по Оренбургскому казачьему училищу, есаулов Илюшу Полтавского²⁷² и Степу Конокова²⁷³. Я их не видел со дня нашего производства в офицеры, с 1913 года. Мы были очень рады такой неожиданной встрече, но они куда-то торопились, и встреча была коротка. С тех пор я их больше не видел.

Вскоре в Тихорецкую прибыла и Сводная сотня от дивизии под командой полковника Соламахина. Это было для меня полной неожиданностью. Сам Соламахин тогда говорил, что он отойдет с сотней в Крым, но оказалось, он также, и почти без боев, под начальством генерала Фостикова отошел через Ростов.

Генерал Фостиков по этому поводу писал мне от 10 декабря 1958 года:

“Отходя с Кубанцами от Северного Донца — с боями проходил по маршруту Переездная—Попасная—Троицкое—Алмазная—Чернухина, все время под ударом слева, фланговым маршем на Ровеньки и далее на Александр—Грушевский—Нахичевань. В Нахичевани (армянском), вопреки запрещению — я одеваю почти всех казаков из английских складов — френчи, шаровары, шинели, одеяла. Дальше вхожу на Кубань и двигаюсь до Кавказской, отпуская офицеров и казаков по новым пунктам формирований. Сам уезжаю в станицу Григорополисскую и по отделу, для формирования 2-й Кубанской казачьей дивизии”.

Действительно — наша сборная сотня полковника Соламахина прибыла отлично обмундированная и даже с запасами. У всех офицеров сотни было по два комплекта офицерского английского обмундирования. Сам Соламахин был одет в дивные зимние бриджи и офицерский китель английской марки. Но нам они ничего не дали...

На радостях встречи где-то повеселились. И Соламахин, влив свою сотню в дивизию, выехал также в отпуск, в свою Некрасовскую станицу. В дивизии оказалось уже свыше 600 шашек. Во 2-м Хоперском полку составил хор трубачей. В дивизии фактически не было ни одного командира полка. Два убиты при отступлении, Соламахин выехал в отпуск. Не было и штаба дивизии, все разъехались. Если казак уезжает из полка без разрешения, то он считался дезертиром. Но если офицеры уезжали без разрешения, считалось нормальным явлением. Такой парадокс...

Партизанские полки дивизии, как образовавшиеся в Гражданской войне и по личной инициативе полковника А.Г. Шкуро, они не имели знамен. Где был штандарт 1-го Хоперского полка, мне неизвестно. Но наличие штандарта 2-го Хоперского полка, при наличии хора трубачей, при наличии всех офицеров полка и их командира, — все это, вместе взятое, все эти 600 шашек, не считая пулеметных команд, — объединялось в один полк Хоперский, официально же называясь 1-й Кавказской казачьей дивизией. Приказы и сношения, как и рапорты, мною писались по дивизии и от дивизии. Сохранились ли они? Думаю, что все погибли. Но по ним интересно было бы воспроизвести психологическую сторону, как и переживание тех дней.

Пришло распоряжение: “Дивизии перейти в станицу Ново-Леушковскую и быть в распоряжении командира 2-го Кубанского конного корпуса, генерала Науменко”.

В Новолеушковской. Полковник Кравченко

Из хутора Тихорецкого теперь дивизия идет на север, вдоль железнодорожного полотна, в станицу Новолеушковскую. Навстречу нам по дорогам и без дорог движутся на юг какие-то обозы, частные подводы, в экипажах с семьями чины гражданской администрации с конными охранниками государственной стражи. У последних и экипажи, и лошади под стражниками в отличном состоянии. По самому полотну двигаются одиночные воины, растянувшись длинной лентой. Каких они были частей и куда шли — спрашивать не приходилось. Все устремлялось на юг, на Кубань, в глубокий тыл.

К вечеру дивизия вошла в Новолеушковскую и окунулась в такую глубокую и жидкую грязь, из которой, казалось, нельзя и вылезти.

Разведя полки по отведенным квартирам, еду в станичное правление, чтобы узнать, кто главный начальник в станице, и представиться ему.

В станичном правлении суэта и жуткая грязь от множества посетителей. Станичный атаман доложил мне, что в станице сосредоточивается 2-й Кубанский конный корпус. Пока здесь нет ни одного старшего начальника из числа генералов, и начальником гарнизона является командир 1-го Кубанского полка полковник Кравченко. Получив нарядчика-проводника, следую за ним верхом по глубочайшей грязи к начальнику гарнизона. И каковы же были мои и удивление, и радость, когда я увидел в этом, главном здесь начальнике полковника Афанасия Ивановича Кравченко, своего друга по Оренбургскому казачьему училищу. Он выпуска 1911 года и хорунжим вышел в 1-й

Запорожский полк. Обнялись, расцеловались. Он просит остаться у него на ужин и познакомиться с его супругой, которая только что прибыла из Екатеринодара.

— Так ты, Афоня, женат? — воскликнул я от удивления. — На ком же?

— Да на Черешневой. Помнишь войскового старшину Черешне-ва в Екатеринодаре тогда, в мае этого года?.. Моего однополчанина по 1-му Запорожскому полку?.. Так это его сестра, — закончил он.

В общем, я провел хорошо этот вечер за ужином в семье своего старого друга и его скромной супруги.

Как линейец (он казак станицы Гиагинской Майкопского отдела), Афанасий Иванович очень экспансивный. Пережив все при отступлении их корпуса от самого Оскола, он в некоторой панике и огорчается, что полки плохо, медленно пополняются казаками из станиц. И свой пессимистический взгляд на будущее заключил словами: “Черт-те чем все это закончится?!”

Неутешное горе в одном казачьем семействе

Мы бездействуем в Новолеушковке. Пока в наличии здесь, в корпусе, нет ни одного генерала — ни командира корпуса, ни начальников дивизий, ни командиров бригад. Некуда девать свое свободное время, и нет никаких развлечений. Непролазная грязь на улицах станицы словно залепила, замазала все наши чувства. В один из дней мой помощник по строевой части полковник Тарарыкин пригласил меня с адъютантом Галкиным пообедать у него.

В обыкновенном и небогатом доме казака втроем разделяем скромную трапезу. “Вано” — так называл я его по-грузински, как всегда, бодр и весел. Светлый блондин с бритой головой, всегда аккуратно и элегантно одетый в бикирку, подкупает всех. Он очень просто говорит со своими хозяевами, весело шутит и аппетитно кушает все, что подают нам на стол две грустные молодницы. Своими веселыми рассказами из военной жизни в бичераховском отряде и разными холостяцкими похождениями он веселит нас троих.

Он шутит и с молодницами, но те совершенно не обращают внимания на его слова.

И как Вано ни старался их расшевелить своими шутками, ничего не получалось. Подадут они нам следующее блюдо чего-нибудь молча и немедленно же уйдут в кухню, за дверь.

В противоположной стороне от стола нашего, у стены, на кровати, поджав под себя ноги в чулках, сидит хозяин дома, казак лет пятидесяти, и также молча и грустно слушает веселые рассказы Тарарыкина.

— Какие нелюдимые казачки-черноморки, — тихо говорит Вано. — Не то что наши линейские — разговорчивые и шутливые. Может быть, стесняются своего свекра? — добавляет он.

Своими рассказами он заражает меня, и мне также хочется рассказать ему и Галкину о своих случаях. И я перебиваю его словами.

А вот у нас, Вано, в Корниловском полку, было... — говорю весело и вижу, как старшая сноха, подойдя к нашему столу со следующей чашой снеди, остановилась, вся впилась в

меня глазами и произнесла мертвенно-мрачно, или спрашивая меня, или не веря своим ушам, что она слышит слова — “в Корниловском полку”...

Кор-ны-лов-ськый... Кор-ны-лов-сий...

Ты што, молодыця, так удивлена?.. Што — муж там твой? — спрашиваю ее.

А она, бедняжка, словно окаменелая, с выпученными черными, застывшими от горя глазами — робко, не спеша повернулась кругом и, посмотрев на свекра, тихо произнесла:

— Тату!.. Вин того ж полка...

Услышав это, свекр нервно спустился с кровати, нервными руками вобрал свою длинную рубаху под очкур, неуверенно вложив свои ноги в опорки и подойдя к столу, грустным голосом спросил:

Вы, господин полковник, командовали Корниловским полком?

Да... а что, отец?

А не знали ли Вы там братьев-казаков? — спросил он, назвав их фамилию.

Не знаю, дорогой... казаков ведь много прошло через полк... и трудно командиру полка всех их знать, — ответил ему спокойно, ласково, как отцу. — А што?.. — переспрашиваю его.

Та то ж мои двое сынив... — вдруг говорит он уже по-черноморски и как-то будто плачущим тоном в нос. И продолжает: — И обы два вбыти там, в Корныловськом полку, на Манычи... а цэ — йих жоны-удовыци... живут у мэнэ... того ж воны и смутни... такэж нэщастье... обы два погыблы... и билин сынив нэма... зостався я одын в хозяйстви... добре шо молодыци слухьяни... и до дому, к своим, нэ хочуть итты... спасыби йим... — с бесконечной грустью и боясь расплакаться, урывками произнес он эту жуткую тираду слов, дебелим телом пятидесятилетний казак.

Счастлив тот, кто не имеет доброго сердца. Но я тогда буквально растерялся от этих жутких слов старого казака — отца своих погибших сыновей. Мне было так остро понятно все их горе, что я даже не мог им выразить словами своего сочувствия, зная, что это не только что их не успокоит, но это еще больше растрожит их больные сердца.

Я почувствовал, что в их глазах я был словно виновник гибели их мужей и сыновей. И они погибли именно тогда, когда я командовал Корниловским полком на Маныче в начале 1919 года. Вот, думаю, и скажут они: “Офицер, командир — он жив... а козаки вбыти!.. Так воно всегда бува!.. Война тикы панам на пользу”...

Наш обед сразу же пресекался в веселых разговорах. Стало так всем грустно. Семья ведь потеряла обоих своих сыновей, и... единственных.

“Ну, какая же может быть отрада в будущем во всей семье: и отцу, и матери, и этим двум вдовицам?” — думал я.

“Семья отдала Родине самое ценное, что имела! И завтра могут прийти сюда их кровные враги-большевики, убившие их души... Как они будут чувствовать себя тогда?” — сокрушался я молча. И поймет ли все это горе казачьей семьи высший командный состав армии? И не напрасны ли были эти казачьи жертвы?! И, откатившись от самого Воронежа и до Кубани, было о чем подумать...

2-й Кубанский конный корпус

Он все же пополнялся казаками, но мы совершенно не знали, что делается на фронте и в формировании Кубанской армии, для чего нас и вызвали с фронта.

Из Екатеринодара вернулся командир корпуса генерал Науменко. Выслушать его доклад приказано собраться в местной школе всем офицерам и казакам.

Мы в школе. Офицеров немного, но казаков полная зала. Из старших офицеров присутствовали только три полковника — Кравченко, я и Тарарыкин. Видимо, больше их не было при корпусе.

В грязных сапогах, в кожных, в потертых папах, но при шашках и кинжалах — общий вид казаков был довольно будничным. Непогода и грязь словно придавила и унизила всех этих храбрых молодецких казаков, выдавших Царицын, Камышин, подступы к Саратову, бравших Воронеж и выдавших много раз и победную славу своих полков, и выдавших много раз близко смерть в глаза.

Своими костюмами немногим отличались от них и офицеры. Вид всех был глубоко серый.

Офицеры разместились на передних лавках, а казаки позади, где кто попало, заполнив все помещение.

Генерал Науменко был встречен по-воински. Он громко поздоровался с казаками, и те ответили ему бодро.

В овчинном романовском полушубке в талию, и на нем кавказское оружие в скромной серебряной отделке. Он также в грязных сапогах, так как в станице — сплошная грязь на улицах.

Он говорил о недостающем обмундировании для полков и невозможности получить больше того, что уже получено. Просил казаков “потерпеть”. Говорил о пособиях за убитых в боях лошадей и вообще говорил о материях, но не о формировании Кубанской армии и фронте.

Закончив короткий доклад, разрешил “задавать ему вопросы с мест”. И начались нудные вопросы “с мест”, начинавшиеся обыкновенно словом “а почему?”. И оказалось, что этих “а почему?” у казаков было очень много, главным образом экономических. Видимо желая успокоить казаков, он, мягко улыбаясь, предложил послать делегацию из казаков в Екатеринодар, в войсковой штаб, чтобы они на месте убедились бы: все, что он говорит о пособиях, есть чистейшая правда.

За этими материальными вопросами стали поступать и политические. И когда кто-то запросил генерала о разгоне краевой рады и казни священника Кулабухова, в толпе наступила напряженная тишина. Масса, видимо, хотела знать, как все это произошло?

Мы, офицеры, воспитанные в военных училищах “быть вне политики”, в корне оставались таковыми. Но казачья масса, как видно, ближе принимала к сердцу происшедшее в Екатеринодаре. Нам, трем полковникам, сидевшим рядом и впереди всех, почувствовалась недопустимость здесь подобных вопросов в массе строевых казаков.

Ты какого полка? — вскочив на ноги, громко спросил Кравченко казака в полушубке и при шашке, выступившего со своими вопросами вперед.

1-го Кубанского, господин полковник, — отвечает он спокойно, повернувшись к нему лицом.

— Ну, так и садись!.. И вначале с этими вопросами обратись ко мне, к твоему командиру полка, а не к командиру корпуса, — произнес он коротко при полной тишине и просил Науменко закрыть собрание.

На удивление, масса ничем не реагировала на это, и командир корпуса предложил казакам успокоиться и разойтись.

Настроение хоперцев. В Невинномысской

Наше бездействие и полная неопределенность положения 1-й Кавказской казачьей дивизии — ни на фронте, ни в формировании — начинали сказываться на настроении казаков. Меня начали осаждать казаки просьбами — разрешить им короткий отпуск в свои станицы в Баталпашинский отдел. Они резонно докладывали мне, что почти год не были дома, отступали от самого Воронежа. И были там почти одни... и тогда, там они и не думали об отпуске, но и не позволили бы просить о нем. Но теперь, когда дивизия стоит без дела, в тылу фронта, а их станицы под боком, отчего же не отпустить их “хоть на недельку”?

Эту казачью недельку я хорошо знал. Я хорошо знал, что, отпусти их домой, в далекий горный их отдел, в полк они не вернуться.

Казаки настаивали и обращались уже целыми группами. Я их отлично понимал и все же не отпускал. И чтобы прекратить это, собрав всех вахмистров и взводных урядников, спокойно, чисто по-братски сказал им следующее:

— Я сам казак станицы Кавказской. Моя станица под боком. До нее два часа езды поездом. Дома пять женщин — две старушки, бабушка и мать — и три сестренки-подростки. Я с вами отступал от Воронежа. И вот — я не еду к ним, живущим так близко отсюда. Ваши же станицы далеко. И казаки хотят идти в отпуск верхами на своих лошадях. Явно — они в полк уже не вернуться.

Сказал им “по душам” и запретил обращаться ко мне. Но казаки нашли другое. Далеко перед Великой войной 1914 года из Баталпашинского отдела, ввиду малоземелья горных там станиц, в Кавказский отдел были переселены некоторые хоперские казаки и образовали две станицы — Хоперскую и Ново-Бекешевскую. Эти две станицы находились на полпути между Тихорецкой и Кавказской. Там у многих хоперских казаков были родственники. От Новолеушковской до этих станиц было меньше чем пятьдесят верст. Верхом казак мог быть там в один переход. Они просили пустить их в отпуск “хоть туда”, обещав вернуться. Довод был сильный. Я разрешил многим. И к чести их — все они исправно вернулись в полки, пробыв в этих станицах два-три дня, не больше.

Воинская дисциплина в полках была еще не нарушена. Офицеры 2-го Хоперского полка все были на местах, и никто не просился в отпуск, сознавая, что это несвоевременно.

В полк вернулся есаул Евграф Васильевич Булавинов²⁷⁴. Он эвакуировался из Украины и в полку не был несколько месяцев, служа где-то в тылу. О нем от офицеров слышал

только похвальные отзывы. Высокий, стройный, красивый — он представился мне отчетливо.

В 1910 году молодым казаком он был зачислен в Конвой Его Величества, окончил там учебную команду и был взводным (старшим) урядником. В 1915 году окончил в Петергофе школу прапорщиков вместе с Тарарыкиным и был командирован в Персию, в свой 1-й Хоперский полк чином прапорщика. Теперь он есаул. Пройдя отличную строевую службу в привилегированной гвардейской части Конвоя Императора, много видевший, он выгодно выделялся среди всех офицеров настоящего 2-го Хоперского полка. Веселый, отчетливый, любящий военную службу, разговорчивый, любитель поухаживать, он внес оживление в среду полковой молодежи, являясь большим авторитетом для них. Мне это нравилось, так как он внес некоторое оживление в скучную холостяцкую жизнь полковой молодежи.

Томясь бездельем, я уже сам просил генерала Науменко ходатайствовать об отправлении дивизии в Баталпашинский отдел для пополнения рядов, ввиду того что казаки, не выдержав этого ничегонеделания, могут уходить самотеком.

Как все это случилось, не знаю, но числа 15 января 1920 года дивизии приказано было погрузиться в поезда и следовать в станицу Невинномысскую для реформирования.

Дивизия в Невинномысской. Там жил и ждал нас командир Хоперской бригады, старый и коренной хоперец, полковник Бочаров. Он эвакуировался на Кубань после оставления нами Воронежа в 20-х числах октября прошедшего года.

В станице он жил на общественной офицерской квартире вместе со своим приятелем и также старейшим хоперцем, полковником Толмачевым, большим весельчаком с запорожскими усами. Представился Бочарову. Принял меня он ласково, чисто по-отечески, так как “все знал”, что мы пережили по оставлении Воронежа.

Сдав ему дивизию, вернулся в свой 2-й Хоперский полк. С этого времени 1-я Кавказская казачья дивизия фактически перестала существовать.

От полковника Бочарова я узнал, что осуществилось образование Кубанской армии. Командующим ею назначен генерал Шкуро. 1-й и 2-й Кубанские Партизанские конные полки упраздняются, и остаются только 1-й и 2-й Хоперские полки. Здесь же он показал и телеграмму из Екатеринодара, подписанную генералом Шкуро, как командующим Кубанской армией:

“Командиром 1-го Хоперского полка назначается полковник Соламахин, а командиром 2-го Хоперского полка — полковник Елисеев, которым немедленно же приступить к формированию полков. Командиром бригады назначается полковник Бочаров”. Прибывших со мною казаков разрешено было отпустить в свои станицы в кратковременный отпуск. Баталпашинский отдел был разделен постановочно на две части, и каждая часть формировала свой полк, 1-й или 2-й, не считаясь с возрастом присяг казаков. Шкуро, видимо, находил, что так можно быстрее пополнить полки и внести в них семейственно-станичную дисциплину и внутреннюю спайку. Разрешено и офицерам выехать в отпуск, но из них выехали только одиночки. Я отпуска не просил и остался в Невинномысской.

Приезд генерала Шкуро

К назначенному сроку в полки очень мало прибыло казаков из своих станиц. Офицерский состав пополнился хорошо, и их было в полку около 20 человек. На мое удивление, в полк прибыли все сестры милосердия по старым походам полка, и их оказалось до десяти. Они меня не радовали, но оказались заслуженные труженицы полка с самого начала походов полковника А.Г. Шкуро, все дружественные с офицерами и уважаемые ими. Но единственной строевой частью в Невинномысской был “Волчий дивизион” полковника Колковага⁷⁵, который очень скоро был отправлен на фронт, в Ставрополь, в 3-ю Кубанскую дивизию генерала Бабиева. Наступили сильные холода, восточные ветра, и много “волков” вернулось в станицу обмороженными. Это плохо повлияло на казаков.

Для встречи его наличные казаки 1-го и 2-го Хоперских полков выстроились на станичной площади. Их было немного. Полковник Соламахин еще не прибыл, и их возглавлял автор этих строк.

Левее хоперцев был выстроен Карачаевский дивизион. Все в пешем строю. Этот дивизион “шалил” в станице “по женской части”, и был случай, что один карачаевец через окно из револьвера убил урядника. Станица просила вывести этот дивизион вон.

Было много снега, морозно. Из станичного правления показалась группа старших начальников. Впереди в крытой шубе-черкеске, в волчьей папаше и в бурочных сапогах тихо шел Шкуро. Полковник Бочаров скомандовал и отрапортовал что надо.

— Здорово, славные мои хоперцы! — так приветствовал строй старый их вождь и “волк”, генерал Шкуро.

Эти слова он произнес так сердечно, что я почувствовал — между ним и казаками существует особенная, и давнишняя, глубокая семейная любовь, основанная на чем-то очень высоком, несомненно, на былых победных боях. Казаки ответили громко и восторженно.

Все наличные офицеры на правом фланге строя. Шкуро жмет руку мне и всем офицерам, медленно проходит перед строем казаков, внимательно всматриваясь в их лица. Я смотрю на него и не узнаю его — перед нами проходит истомленный, истощенный маленький молодой “старичок”, мелко ступая по снегу. Вид его был болезненный и совершенно не боевой. А бурочные сапоги на ногах будто фиксировали его физическое недомогание.

Медленно пройдя строй хоперцев, Шкуро подошел к Карачаевскому дивизиону. Я, по положению, следую за ним. По команде “смирно” крупные, плечистые, смуглые, глазастые карачаевцы, тепло одетые в шубы-черкески, при хорошем кавказском холодном оружии напряженно вытянулись и повернули головы направо, буквально “пожирая” глазами Шкуро. Я давно не видел подобного подобострастного вида людей в строю. СЕЛЯМ! — выкрикнул громко Шкуро, тихо, словно крадучись, подходя к ним и зло смотря на них.

ЧОХ С АУЛ! — дружно, громко ответили они, стараясь еще больше “тянуться” и “есть глазами” Шкуро.

Вы што тут делаете в станице?! Безобразничаете?.. По бабам ходите?.. Грабите казаков?.. Стреляете в окна? — взвизгивал Шкуро своим тонким голосом. — Я вас, подлецов!.. Я до вас доберусь!.. А сейчас и смотреть не хочу!.. Полковник! Уведите прочь свой дивизион! — обратился он к их начальнику.

На второй день Шкуро выехал в станицу Баталпашинскую “поднимать сполох”.
Вернувшись оттуда, выехал в Екатеринодар.

Полковник Соламахин и 1-й Хоперский полк

Кзаки прибывали, но медленно. Пришло приказание: “Всех наличных казаков 1-го Хоперского полка отправить в район Ставрополя, в 3-ю Кубанскую дивизию генерала Бабиева”.

Нас это удивило. Что даст фронту “отправка пачками”, но не целыми полками?

Командир полка, полковник Соламахин, сформировал отряд, человек в 250. На станичной площади был отслужен молебен. Перед аналоем развернут их Георгиевский штандарт. Было очень холодно. Без папах мы замерзали.

Унылый вид был казаков, стоявших в конном строю. Закутанные в шубы, башлыки, без папах — они словно были не рады молебну.

После молебна Соламахин, стоя у развернутого, очень нарядного полкового штандарта, сказал короткую речь своим родным хоперцам. Он кадровый офицер с 1911 года, в должности командира сотни провел Великую войну и за конную атаку в Персии на пехоту турок был награжден офицерским Георгиевским крестом.

Все сказанное им перед строем при другой обстановке, да еще в хорошую погоду, возымело бы свое действие. Но в эту лютую стужу, перед зимним переходом в шестьдесят верст, почти без дорог по глубокому снегу, против ветра, откуда только что вернулись обмороженные “волки”, не дошедшие и до Ставрополя, нисколько не могло поднять настроение казаков. И красивый полковой Георгиевский штандарт, свидетель очень большой и долгой славы хоперцев на протяжении 200-летнего существования их исторического имени, в этот ужасный холод не возбуждал сердца их, признанно лихих и храбрых.

Соламахин это отлично знал. Он отлично знал казачью душу, а своих хоперцев в особенности. И чтобы хоть как-нибудь с полковым штандартом воодушевить их, он делал все возможное.

Во главе дивизиона стоял назначенный офицер, но Соламахин, окончив речь, сам скомандовал:

— Ну, с Богом, братцы... Справа по три!.. Шагом — МА-АРШ!

Кзаки стали медленно вытягиваться в колонну, а он, чтобы ее еще более приободрить, приказал полковому адъютанту, со штандартом во главе, проводить сотни за станицу и потом уже вернуться домой.

Через несколько дней назад вернулось много обмороженных казаков. Настроение среди нас падало.

Штандарт 2-го Хоперского полка

С каждым днем я убеждался, что наше формирование не дает должных результатов. Я решил оставить свой полк и идти на фронт во 2-й Кубанский конный корпус генерала

Науменко, который, по слухам, уже выступил на Маныч. По этому поводу, в частном порядке, обратился к бригадному командиру полковнику Бочарову. Но он и слушать не хотел:

— Нет-нет, полковник! Вас отпустить я не могу. Вы теперь уже наш хоперец. С полком шли от самого Воронежа. Это ли не стаж!

От безделья я скучал. Стал часто собирать в своей квартире офицеров на чай. За столом, в семейной обстановке, мы говорили о Кубанской армии, немного о политике и о будущем. На формирование Хоперских полков они также смотрели не радужно.

В политике были на стороне краевой рады. Появлялась надежда на верховный казачий круг Дона, Кубани и Терека, заседавший в Екатеринодаре. Самым большим поклонником этого течения был есаул Е.В. Булавин, доказывая, что он происходит от атамана Булавина, поднявшего восстание на Дону против Москвы. Для него Кавказ и казачество стояли на первом месте. Жили все очень дружно и из-за политики не ссорились. Да и не понимали в ней. Все были воины, офицеры и ждали приказа от высшего начальства.

В моей комнате находился в изголовье кровати полковой Георгиевский штандарт. Каков он — никто не видел. Попросили показать его. Я считал кощунственным так просто, частно, в своей квартире развернуть полковую Святыню. Но поддался просьбе всех, снял чехол и развернул. Все таинственно смотрели и молчали.

На одной стороне было красиво и богато шелком и бисером вышито лицо Спасителя. Другая сторона штандарта покрыта красным шелком, пришитым через край и что-то скрывающим. Лично отпором этот лоскут материи, мы увидели крупную, во всю ширину штандарта, черным шелком и серебряным бисером выпукло вышитую вензельную букву “Н” с короною наверху, что означало — Император Николай II.

Чьим распоряжением был задрапирован красным шелком: вензель Императора, никто не знал. Явно, это было сделано после революции 1917 года. Но кем — неизвестно. Возможно, что распоряжением полкового комитета. К тому времени настроение было иное. Мы разорвали этот шелк на длинные полоски, и каждый взял себе на память одну из них²⁷⁶.

Формирование шло плохо. Казаки приезжали в Невинномысскую, жили днями и, не видя полковой массы казаков, уезжали в свои станицы.

Баталпашинский отдел в мирное время выставлял только один конный полк — 1-й Хоперский и один батальон пластунов — 6-й Кубанский. В наши годы Гражданской войны он единственный восстал удачно против красных при Шкуро и выставил от себя всю 1-ю Кавказскую казачью дивизию, состоявшую из четырех конных полков, тогда как другие первоочередные полки выставили только по два полка и немногие по три. Эта дивизия прошла с Шкуро с боями по Терской области в конце 1918-го и в начале 1919 года, потом была переброшена на Украину, победно прошла по тылам красных, о чем восторженно пишет сам генерал Деникин²⁷⁷. Потом победно летала далеко за правым берегом Днепра. Вновь переброшенная на главный фронт, налетом захватила Воронеж. Ее боевой маршрут в верстах — многотысячный.

1-й и 2-й Кубанские Партизанские конные полки — это было первое боевое детище полковника Шкуро с лета 1918 года, с которыми он, уходя от красных, прошел из Баталпашинского отдела по всей красной территории Ставропольской губернии и на

севере соединился с Добровольческой армией генерала Деникина. С ними, с севера, он захватил Ставрополь 8 июля 1918 года. С ними же он, прорвав фронт красных южнее Ставрополя, вошел в Баталпашинский отдел, и уже только там сформировались 1-й и 2-й Хоперские полки, но основными полками дивизии были два Партизанских конных с казаками того же отдела.

Нужно точно сказать, что казаки Баталпашинского отдела, шкуринцы, более других полков войска пронесли и славу, и тяжесть в Гражданской войне. И вот теперь они устали, устали... Винить их в этом нельзя.

Прошло несколько дней все того же затишья. Я вновь у полковника Бочарова, прося отпустить меня на фронт. Как и раньше, он решительно отклонил мою просьбу.

Мы сидим и пьем чай с ним, как услышали за дверью голос полковника Соламахина:

— Господин полковник, разрешите войти?

— Заходите, заходите, дорогой Михаил Карпович! — громко откликается Бочаров, услышав голос своего родного старого хопера.

Дверь с трудом отворилась, и в комнату, тяжело ступая, вошел Соламахин в черкеске, поверх с буркой. За ним вошел и комендант станицы Невинномысской, житель этой станицы, хорунжий Шевченко.

Здесь я не буду описывать, каков был вид у командира 1-го Хоперского полка, полковника Соламахина, и что случилось с ним. Главное — на улице группа пьяных казаков, несясь на санях, горланила и стреляла из винтовок по трубам домов. И когда Соламахин хотел их остановить, они сделали над ним физическое насилие.

Рассказав все с подробностями, Соламахин, не присев и на стул, выехал к себе. Оставшись с Бочаровым, я внушил ему и получил согласие “отпустить” меня на фронт.

На второй день утром я послал телеграмму генералу Науменко такого содержания: “Желаю командовать полком на фронте в Вашем корпусе. Приеду немедленно. Телеграфируйте ответ в Невинномысскую. Командир 2-го Хоперского полка, полковник Елисеев”.

К вечеру того же дня был получен следующий ответ: “Согласен. Приезжайте. Получите полк. Генерал Науменко”.

Мой отъезд из полка

Я боялся, что меня кто-то и как-то задержит в полку. Я отлично знал, что для моих офицеров это будет исключительно неприятной неожиданностью. Все они во мне видели не только что хорошего командира, вникающего во все их нужды, но и старшего полкового товарища, который с ними по-дружески проводит время и во всем служит примером. Я знал, что они верили мне и во мне всегда могли найти твердую опору и защиту во всем.

В частных беседах, в их обращении ко мне, одинаково ласково переплетались и “господин полковник”, и “Федор Иванович”.

Я знал, что во мне они совершенно не видели того строгого официального командира полка, которого надо “почитать и бояться”.

Наряду с воинской отчетливостью я видел их лица только веселыми и радостными при встрече со мной.

Как-то на одной вечеринке полковой адъютант, подпоручик Жагар, житель Ставрополя и старый шкуринец, в своем тосте сказал:

— Господа!.. Я думаю, что своими словами точно выражу мысль всех вас. Мы очень любим, ценим и уважаем нашего молодого командира полка, полковника Елисеева. Мы любим и уважаем его за все — и за его бои, и за его хорошую добрую жизнь с нами, где он является как бы нашим старшим офицером. Мы его совершенно не боимся как командира полка, но все его распоряжения исполняли беспрекословно за глубокое уважение к нему, зная, что все его распоряжения — продуманны и дельны. Чтобы долго не распространяться, надо одно сказать, что лучшего командира полка нам и не надо, и такого у нас во 2-м Хоперском полку и не было.

После таких слов он обратился взором ко всем и спросил:

Правильно ли я говорю?

Правильно-о! — загудели все двадцать человек.

Я сидел молча и слушал этого скромного офицера не казака, думая: к чему он это говорит?

Главная похвала умаляет всякие достоинства и к чему-то тебя обязывает. И если я вел полк “как следует”, то ведь не для похвалы себе?

Я уже готовил в уме ответ Жагару, как он вдруг переменял тему своего тоста и продолжал:

— И вот, несмотря на все это, он все же не все доброе сделал для нас. Мы до сих пор остались в тех же чинах, которые имели до вступления в Добровольческую армию. И даже Вы, господин полковник, не помогли нам в этом. Извините меня за эти слова, но я, как полковой адъютант, нашел нужным это сказать, — закончил он.

Афронт был больше чем неожиданный. Последние слова Жагара смутили не только меня, но и офицеров. Меня потому, что я здесь был совершенно невиновен, а офицеров потому, что они были действительно обижены, и их обида рикошетом попадала в их “любимого и уважаемого” командира полка, полковника Елисеева.

Но все они давно были представлены в следующие чины “за выслугу лет на фронте”, что они и сами знали. Хорунжий Галкин был представлен уже и в войсковые старшины за отличие, но до сих пор оставался хорунжим.

Причина же всему была в том, что кубанский войсковой штаб мало считался с похвальными репликациями генерала Шкуро и все его представления офицеров в следующие чины откладывал.

Полк я принял 18 октября 1919 года, в дни печального оставления нами Воронежа. После этого пошло сплошное отступление всего фронта, когда было не до производства.

При начальнике дивизии генерале Губине о них и думать не нужно было. “Сонный штаб дивизии” на них бы даже и не ответил.

В середине ноября дивизию принял генерал Шифнер-Маркевич. Я ему доложил об обидной этой ненормальности, узнав все от адъютанта Жагара и “дерзкого” на слова хорунжего Галкина. А Шифнер-Маркевич, как бывший начальник штаба 3-го Конного корпуса генерала Шкуро, через которого прошли все эти представления, ответил мне так:

— Елисеев!.. Я это знаю. Все эти представления прошли через меня. Повторять их ни к чему. Надо только ждать. Все придет своевременно.

Генерал Шифнер-Маркевич был человек умный, благородный. И напоминать ему вторично — значило не доверять ему. Этого я сделать не мог.

Все это я рассказал, ответил на тост Жагара. Обида их была мне понятна, но она не относилась ко мне.

Собрав офицеров, как всегда, у себя в квартире, я сообщил им о своем отъезде из полка. Услышав, все потупились и молчат. Вижу — явная обида: “Секретно подготовил уход и сообщил как о свершившемся факте”.

Душевная обида за свой полк: “Он ему недостаточно мил. Значит — не милы и... МЫ?! Вот тебе и “любимый и уважаемый” (?), а покидает нас так неожиданно-негаданно. Не оценил нашей любви... не принял ее”.

Вот только так можно было определить мысли офицеров, потупившихся передо мною. И это точно высказал так, почти дословно, хорунжий Шура Галкин, самый умный и авторитетный среди них.

Я оправдывался, сказав им:

— “Хопры” плохо собираются. Но воевать надо. Я еду не в тыл, а на фронт, и мы еще встретимся.

Но при чем тут новая встреча, когда вынимается от них “сердце” — как подчеркнул кто-то из них тут же.

— Господа и други! Вопрос решенный... Прошу принять его так, как он есть. Вас я люблю и не забуду. Путь от Воронежа и до Тихорецкой в седле, с вами — незабываемый. А если вам этого мало — то я извиняюсь перед вами, как уже не ваш командир полка, — закончил им.

Это их смутило и как-то по-детски удовлетворило.
Позвольте сделать Вам проводы? — говорит Галкин.

А мне позвольте “смотаться” в Минеральные Воды, к отцу, и привезти бочонок собственного вина для этого? — запальчиво говорит штабс-ротмистр армянин Тер-Аракелов, очень рябой лицом, исключительно отчетливый по-кавалерийски, на бикирке которого были шашка и кинжал в массивном серебре.

Я позволяю “все”... Я объявил всем “полную свободную республику” в их действиях к проводам и этим под дружеские улыбки успокаиваю огорченные сердца своих боевых соратников “от Воронежа и до Кубани”.

Кстати сказать, станция Невинномысская расположена на правом берегу Кубани, почему определение это фактически буквальное.

Как указал выше, я занимал большую залу богатого дома местного мукомола, иногороднего старовера. Моя узкая кровать стояла в углу и не нарушала и стилия залы городского типа, и вместительности. Здесь и был накрыт стол буквой “П” на тридцать персон — около двадцати офицеров и десяти сестер полка. Все заботы об этом взяли на себя сестры. Самая старшая среди них — умная, хозяйственная и авторитетная — была Евдокия Николаевна Колесник²⁷⁸.

Собрались. Настроение у офицеров такое, словно перед отъездом под венец невесты, и жаль ее, но это совершающийся факт. С этим надо примириться.

Полковые офицерские веселия у казаков почти все одинаковые — тосты и песни. Степень и красота их зависит от командира полка, традиций полка и состава офицеров. Наличные офицеры довольно хорошо пели. Застрельщиками веселия были полковник Тарарыкин, есаул Булавин, сотник Булавин и хорунжий Галкин. И все же у многих, и у меня лично, проскальзывала грусть — грусть разлуки.

Как всегда в таких случаях, много было тостов и пожеланий. Но, и как всегда, “всему бывает конец”...

Целой гурьбой, на многих санях, веселыми от выпитого, все двинулись на вокзал. Мои лошади были уже в вагоне, прицепленном к пассажирскому поезду. Верный урядник Тимофей Сальников своевременно позаботился об этом.

Со мной в санях несколько офицеров “в поэтическом беспорядке”. Адъютант Жагар с кем-то скорчился у ног, за неимением места. Позади, на полозьях, ближайший мой духовный помощник хорунжий Шура Галкин и его друг, армянин Гари Авакьянц — милый приятный Гари. Они интеллигентные люди и отличные певцы и казачьих песен, и романсов. Они, словно преданные гайдуки, склонившись ко мне, своими нежными тенорами поют: “Не уходи, побудь со мною”... и мне от этого становится грустно.

Я еду только до Кавказской. Хочу и я наконец-то, как и все, хоть дня два провести в своей семье с родимой матушкой, с бабушкой, с четырьмя сестрами, с многочисленными племянниками и, может быть, с братьями-офицерами Андреем²⁷⁹ и Георгием²⁸⁰, случайно могущими быть в станции с фронта. Вот какова была жизнь строевого офицера тогда.

С переживанием всех этих чувств, провожаемый офицерами 2-го Хоперского полка, часть своей души я оставлял в этом полку.

Под крики “ура!”, под взмахи рук, папах и платочков сестер милосердия наш поезд двинулся на север, к станции Кавказская. Это было 30 января 1920 года.

О наградах (заключение)

Наш путь отступления от Воронежа и до Кубани был отрезком времени, в два с половиной месяца продолжавшимся, и был отрезком расстояния свыше одной тысячи километров.

Будучи мальчиком, когда я читал А.С. Пушкина “Путешествие в Эрзерум”, где он писал, что путь от Воронежа и до Ростова он совершил на перекладных, в экипаже, — мне показалось тогда, что этот его путь был бесконечно длинным и утомительным. Мы же его, этот путь, с тяжелыми арьергардными боями совершили в седле. Много в жизни относительно.

За это время, за эти арьергардные бои, уже с пониженным моральным настроением всех отступающих войск белых армий генерала Деникина — никто из офицеров 2-го Хоперского полка не получил повышения в чине, как и ни один казак полка не был награжден Георгиевским крестом или Георгиевской медалью. Думаю, что так было во всех полках нашей 1-й Кавказской казачьей дивизии.

Для незнакомых с положением по наградному делу сообщаю, что в Добровольческой армии генерала Деникина его приказом (выработанным положением) офицеры не награждались боевыми орденами за отличия, считая, что в Гражданской братоубийственной войне подобное награждение морально недопустимо.

Нижние чины всех рангов, до подхорунжих включительно, награждались за отличия Георгиевскими крестами и медалями. Так было и в Кубанском войске.

Награждать Георгиевскими крестами и медалями было право только командиров корпусов, по представлению подчиненных ему начальников.

Производство в офицеры, как и повышение в чинах, производилось главнокомандующим всеми Вооруженными силами Юга России генералом Деникиным. Исключение составляли Донское и Кубанское войска. В Донском войске, с атаманством генерала П.Н. Краснова с мая 1918 года и образованием своей самостоятельной Донской казачьей армии, право производства в офицеры и повышение в чинах войсковым кругом, конституцией Донского войска дано было войсковому атаману.

В Кубанском войске, по конституции Кубанского края, это право проведено было в жизнь только с начала 1919 года.

Как было в Терском войске — мне не известно.

После окончания Гражданской войны, уже за границей, во всех военных объединениях очень скоро были установлены нагрудные значки в память разных событий, в память пребывания в разных белых армиях и в разных отрядах. Установлены были значки полковые, батарейные, военных училищ, чины которых ими дорожат и гордятся. Мы же тогда, отступая, отбиваясь и уходя, совершенно не думали ни о наградах, ни о значках. Как не думали о производствах офицеров в следующие чины. Просто было не до этого. И в своем 2-м Хоперском полку, имея законную власть переименовывать казаков в высшие звания до вахмистра включительно, я, так сожалея теперь, никого не повысил, даже в приказные или в младшие урядники. Об этом тогда, повторяю, как-то и не думалось, как не думали и командиры сотен — поощрить своих подчиненных казаков.

Такова была тогда душа большинства фронтовых офицеров в нашей дивизии. Казачьи полки воевали не из-за наград.

Никогда об этом поощрении не напоминал нам и благородный генерал Шифнер-Маркевич, так любивший и ценивший храбрых казаков, и сам никого не повысил в звание подхорунжего, имея на это право начальника дивизии. Такая была недопустимая скромность.

Вот почему, описывая поведение и подвиги некоторых офицеров 2-го Хоперского полка и дивизии, пусть это будет заочной наградой им, уже давно умершим или находящимся в неизвестности.

Описывая бои Корниловского конного и 2-го Хоперского полков, которыми командовал одновременно в 1919-м и 1920 годах, я рассказывал о боевых действиях и соседних частях дивизии, чему был живой свидетель.

Описывая подвиги полков, сотен, отдельных офицеров или казаков, я неизменно указывал дату подвига, название населенных пунктов. Офицеров и казаков указывал по чинам и каких они станиц. Все это писалось для того, чтобы был контроль, а не фантазия.

Описывая подвиги частей и старших надо мною начальников, я не скрывал и их отрицательных сторон.

История требует только правды, даже и не почетной, а не разбрасывания ненужной похвалы подвигам, не бывших в действительности.

С нашей смертью вне Родины все пойдет в полную неизвестность. Каждому надо описать боевую деятельность своих полков в Гражданскую войну 1918—1920 годов, не говоря уже о Великой войне 1914—1917 годов.

Войсковая История все это примет с глубокой благодарностью, не считаясь с малыми чинами или малой грамотностью автора. Старшие начальники и командиры обязаны написать о своих полках, чем исполнят священный долг и перед погибшими соратниками, и перед родным Кубанским войском, и перед всем казачеством — распятом и страдающим, но жаждущем ЖИТЬ.

О наших начальниках: генералы Шкуро, Шифнер-Маркевич, Соколовский

В письмах некоторые читатели моих брошюр просили написать биографию генерала Шкуро, что и исполняю, заканчивая свои брошюры о хоперцах.

В Париже я близко познакомился с ним в различных ситуациях, в которых он был очень откровенен со мной. При вынужденном выезде из Парижа в Югославию, возможно предчувствуя, что мы больше с ним никогда не встретимся (что так и случилось), он рассказал о себе, что я и записал тогда. Он со мною был на “ты”. Перед своим отъездом, в черкеске и в погонах, он был у Великого Князя Бориса Владимировича, бывшего походного атамана всех казачьих войск во время Великой войны 1914—1917 годов, проживавшего тогда в своей вилле под Парижем. Визит был секретный. Он просил меня сопровождать его в таком же мундире, и я не ослушался его. Когда-то опишу все это и его печальный отъезд из Парижа. Это было, кажется, в 1932 году.

Вот что рассказал Шкуро о себе.

Он — казак станицы Пашковской Екатеринодарского отдела. Сын войскового старшины в отставке. Родился 7 февраля 1886 года. Окончил 3-й Московский кадетский корпус в 1905 году и Казачью сотню Николаевского кавалерийского училища в Петербурге в 1907 году, выйдя хорунжим в 1-й Уманский полк, стоявший в Карее.

В 1909 году перевелся в 1-й Екатеринодарский полк, прослужив в котором несколько лет, вышел “по Войску”, то есть в отставку, имея чин сотника.

По мобилизации 1914 года назначен в 3-й Хоперский полк, с которым выступил на Западный фронт. Там он скоро образовал партизанский отряд, который после революции 1917 года переброшен был в Персию, в Отдельный [Кавказский] кавалерийский корпус генерала Н.Н. Баратова. К тому времени он имел чин есаула. Вернулся с войны в чине войскового старшины.

О его восстании под Кисловодском в середине лета 1918 года и о дальнейших действиях, как партизана и самостоятельного начальника в Баталпашинском отделе того же года, очень мало написано, а действия его были исключительно успешны и героически. И уже тогда он вошел в сознание казаков как герой Кубани. И настолько, что постановлением Кубанской краевой рады от 30 ноября 1918 года он был произведен в чин генерал-майора.

За границей были пререкания в казачьей печати о его произведении в чин генерала. Одни доказывали, что этот чин он получил от рады, а другие говорили, что его произвел в генералы главнокомандующий Добровольческой армией генерал Деникин.

Зная это, я и задал Андрею Григорьевичу этот вопрос, и он ответил, что, действительно, чин генерала он получил от краевой рады, но генерал Деникин тогда же отдал и свой приказ о производстве, словно ничего не зная о постановлении рады. И, улыбаясь, закончил словами: “Так что я есть двойной генерал-майор”.

В генерал-лейтенанты он был произведен летом 1919 года.

Шкуро был женат еще в мирное время. С Татьяной Васильевной и познакомился только в Париже. Милая стройная блондинка. Родилась в 1892 году и умерла в Париже, когда Шкуро был уже в Югославии. Детей они не имели.

Там же, в Париже, он дал мне краткие сведения и о своем начальнике штаба 3-го Конного корпуса, Генерального штаба генерал-майоре Шифнер-Маркевиче, о котором отозвался как о выдающемся офицере, мягком, честном, добром и храбром человеке.

Шифнер-Маркевич — уроженец города Владикавказа Терской области. Сын генерала артиллерии. Окончил Михайловское артиллерийское училище и потом академию. Вот, вкратце, что сказал Шкуро.

Шкуро и Шифнер-Маркевич были почти одногодки. Им тогда, в годы их боевой славы, не было и по 35 лет от рождения каждому. Но — какие подвиги совершали! И как были популярны среди казачества!

Нормально и последовательно полученное военное образование в мирное время, потом последовательно проходящий стаж командования воинскими соединениями, естественно, развивает в офицере понимание своей специальности и способных выдвигает на первое

место. Это закон природы... В каждой специальности одни бывают хорошие, а другие выдающиеся.

Еще несколько строк о генерале Шифнер-Маркевиче.

При отступлении он неизменно находился в последних рядах, следуя в хвосте арьергардного полка. Мы, два командира, верхом идем по обе стороны генерала, который был всегда бодр и разговорчив.

Под ним маленькая захудалая белая лошаденка обозною сорта. Она идет тихо, осторожно и от усталости, и от своей физической немощности.

В седле он нам с Соламахиным, сидящим на рослых лошадях, верхом своей папахой доходит только до плеч. Как-то неудобно было, разговаривая с ним, смотреть сверху вниз.

Воспользовавшись его всегда добрым отношением к нам, я как-то спросил: Почему Вы, Ваше превосходительство, взяли себе под седло такую слабенькую лошаденку? В случае нажима красной конницы Вы ведь и не уйдете!

А-а... Это нарочно! — отвечает быстро он и, как всегда, немного заикаясь. — Я взял такую слабенькую лошаденку для того, чтобы казаки не думали, что генерал может уйти, ежели наскочит красная конница... следовательно, казаки не оставят меня и мы дадим бой, — заканчивает он уже серьезно.

Удивительно большая душа была в этом маленьком ростом и как будто штатском внешне человеке — в фигуре, в лице, в пенсне под нахлобученной на глаза папахой волчьей шерсти.

Его я еще раз увижу в Адлере, на Черноморском побережье, в средних числах апреля 1920 года, когда он, вследствие своей авторитетности, сыграл трагическую роль в капитуляции Кубанской армии. Об этом, в хронологическом порядке повествований, все будет описано подробно.

Генерального штаба полковник Соколовский. Он, как и Шифнер-Маркевич, не казак. Осенью 1918 года Соколовский был начальником штаба нашей 1-й Конной дивизии, состоявшей из пяти Кубанских и Черкесского конного полков, очень успешно действовавших в Закубанье и в Ставрополье. Дивизия была чисто кубанская, считалась очень сильной, и ею командовал генерал-майор барон Врангель, будущий главнокомандующий Русской Армией в Крыму в 1920 году.

Прошел ровно один год, и вот под Воронежем я встретил его в той же должности, но нашей 1-й Кавказской казачьей дивизии, которой тогда командовал генерал Губин, кавалерийский офицер, всегда одетый в черкеску-шубу, в бурке. Волчью папаху Соколовский не носил. В этой должности он оставался и при Шифнер-Маркевиче и из станицы Иловайской Донского войска вместе с ним выехал в Екатеринодар.

В 1930—1933 годах несколько раз я встречал его в Париже. Он был шофером такси. Все так же был молчалив и скромен. После смерти начальника Киевского Константиновского пехотного училища (фамилию не помню) Соколовский был назначен вместо него. Продолжая быть шофером, он умер в Париже до Второй мировой войны.

“Война рождает героев” — говорит военная история, и, не будь ее, А.Г. Шкуро так и остался бы неизвестным “сотником по Войску”, то есть в запасе офицеров своего Кубанского войска. Хотя — такова фортуна многих, ставших действительными героями Гражданской войны.

В Императорской армии каждый офицер, окончивший военное училище, обязан был прослужить в войсках полтора года за каждый год пребывания его юнкером в училище, как отплату государству за свое образование, и тогда, по желанию, мог выйти “в запас”, состоя на учете. В казачьих войсках это называлось “выйти по Войску”, то есть быть в запасе на учете войскового штаба.

Краткая “История Хоперцев”

Кто же они таковые? И почему с реки Хопра, с северных земель Донского войска, оказались у самых северных отрогов Кавказского хребта, имея границу с Грузией?

Генерал В.Г. Толстов²⁸¹, сверстник и друг генерала И.Е. Гулыги²⁸², еще из стен Ставропольского казачьего юнкерского училища, в чине есаула, написал историю 1-го Хоперского полка. Вот некоторые выдержки из нее:

“Первые официальные сведения о казаках на реке Хопре, впадающем в Дон, относятся к началу XVII века. Здесь, после Смутного Времени, одно время был со своими ватагами Атаман Заруцкий с Мариною Мнишек и ее сыном.

По уходе Заруцкого на Астрахань на Хопре осталась группа воровских казаков с атаманом Гришкой Черным.

Находясь на главном тракте Москва—Азов, район Хопра был давно ведом разным свободолюбивым натурам соседних губерний. С течением времени сюда просачивались недовольные порядками люди из разных происхождений, главным образом Тамбовского воеводства, а в 1669 году, одно время, осел здесь и сам Степан Разин”.

Дальше в хронологическом порядке повествуется: “17 июля 1696 года, Хоперские казаки, с Донцами (1500 человек), ворвались в Азов и тем способствовали сдаче его русским войскам на второй день”.

“Указом Царя Петра I от 14 мая 1711 года приказано: городки верховые с Хопра, за воровство, за принятие Булавина к себе и за то, что ходили против государевых войск, — снести, а жителей свести в нижние станицы, чтобы и впредь, на то смотря, так воровать, и бунтовщиков и шпионов принимать, было неповадно”.

“В 1712 году хоперские городки — Пристанский, Беляевский и Григорьевский были разрушены войсками Петра I, а земли присоединены к Воронежской губернии.

На месте Пристанского городка была построена крепость — Ново-Хоперская.

С 1717 года к Ново-Хоперской крепости были призваны из разных Донских казацких городков и вольных черкас (запорожцев. — Ф. Е.) для службы, куда и прибыли 94 семейства Хоперских казаков. К ним примкнули 125 семейств из Харьковского, Острогжского, Сумского и других Малороссийских слободских казацких полков, которые и положили начало Хоперскому полку, под именем “Ново-Хоперских казаков”.

“Указом 2 июня 1724 года установлена была Хоперская команда, а в 1767 году эта команда была развернута в Хоперский полк”.

“Указом от 27 марта 1775 года повелено отпустить Хоперскому полку по 15 десятин земли на каждую душу мужского пола и присоединить к полку крещеных азиатцев — персиян и калмыков, — живших в селении Бобрах Битюцкой волости”.

“27 июля 1775 года была перепись мужского населения Хоперского полка, которых оказалось 1513 казаков — служилых, годных к службе, стариков и малолетков. По национальностям они состояли: 775 казачьих черкас (запорожцев), 208 персиян, 80 калмыков и 6 других инородческих групп” — так определяет состав Хоперского полка есаул Толстов.

“Строевой состав полка исчислялся: 15 старшин и 500 лучших казаков”, — добавляет Толстов.

“До 45-ти летнего возраста казак нес полковую службу, потом 5 лет внутренней службы и только на 50-м году получал отставку”.

“В 1816 году к Хоперскому полку были приписаны в казаки 109 военнопленных поляков и абазинцев”. Кто такие “абазинцы” — В.Г. Толстов не поясняет, но это были, видимо, персияне или одно из горских племен Северного Кавказа²⁸³.

К этому времени в окрестностях крепости Ново-Хоперска было населено четыре слободы семейных хоперских казаков — Алферовка, Пыховка, Градская и Красная. Все они расположены в верховьях реки Хопра, севернее Урюпинской станицы Хоперского округа Донского войска, но не входили в состав Донского войска, а числились в Воронежской губернии. Историк Толстов дальше пишет, что “24 сентября 1775 года графом Потемкиным, командиром Хоперского полка, утвержден Донского Войска полковник Устимов”.

Г.А. Потемкин-Таврический в это время был начальником Новороссийского края, и ему подчинялись Донское, Малороссийское и Запорожское казачество, хотя к этому времени, 5 июня 1775 года, Запорожская Сечь была разрушена русскими войсками, а манифестом Императрицы Екатерины Великой от 3 августа того же года упразднено Запорожское казачье войско.

Официальные источники говорят, что “для укрепления русского влияния и противодействия влиянию турок Потемкиным-Таврическим были организованы в 1777 и 1778 годах Кавказская и Черноморская укрепленные линии. Первая проходила от Черкаска, через Ставрополь на Моздок, а вторая — от Черкаска, берегом Азовского моря до Тамани и далее вверх по Кубани до нынешней станицы Славянской”.

Хоперский полк, как самостоятельная единица, несший свою службу в глубине государства, возможно и из-за своих “вольностей” — “в 1777 и 1779 годах, с семьями и со всем своим имуществом, в количестве 3000 человек был переселен на Кавказ и возле укреплений — Ставропольского, Донского, Московского и Северного, образовали свои станицы. Сначала выступили строевые казаки, а за ними стали подниматься и семьи”, — пишет П.П. Короленко²⁸⁴.

Есаул Толстов в своем капитальном труде о Хоперском полку пишет: “При переселении к Ставрополю — хоперцы потеряли полсостава своих лошадей”.

“24 августа 1777 года — Хоперский полк включен в состав Астраханского казачьего Войска”.

“11 апреля 1786 года — Хоперский полк выделен из Астраханского Войска”.

Нужно пояснить, что к этому времени пространство северной Кубани было занято кочевыми народами — татарами и ногайцами — и России не принадлежало.

В 1783 году крымский хан отказался от престола в пользу России и река Кубань была объявлена пограничным рубежом с Турцией.

В 1792—1793 годах с Днестра, из Бессарабии, на Кубань было переселено “Войско верных казаков Черноморских” (бывших запорожцев), имевшее уже новое наименование — Черноморское казачье войско. Оно заняло все земли севернее Кубани, имея границу с черкесскими племенами по Кубани от Таманского полуострова и до Усть-Лабинского укрепления.

В 1794 году насильственно и под конвоем русских войск из района Нижне-Чирской станицы, что в восточном изгибе Дона, на Кубань было переселено 1000 семейств донских и 125 семейств волгских казаков. Они образовали шесть станиц: Воровсколесскую, Темнолесскую, Прочноокопскую, Григориполисскую, Кавказскую и Усть-Лабинскую, выделив из себя конный полк, названный Кубанским, со штабом полка в станице Прочноокопской.

В 1802 году на Кубань добровольно переселились остатки Екатеринославского казачьего войска и образовали станицы — Ладожскую, Тифлискую, Казанскую, Темижбекскую и, впоследствии, Воронежскую, выделив от себя конный полк, названный Кавказским, со штабом полка в станице Тифлисской.

В связи с занятием этими новыми казачьими полками всего правого течения реки Кубани Хоперский полк своими поселениями оказался в тылу. Поэтому в 1825—1827 годах он был с семьями переселен в верховья реки Кубани и образовал собою новые станицы по ее течению — Невинномысскую, Беломечетскую, Баталпашинскую, Барсуковскую и на реке Куме — Беке-шевскую и Карантинную. Последняя в 1835 году переименована в Суворовскую.

Оканчивая столетний период “переселенчества” хоперских казаков из Воронежской губернии на берега Кубани, укажу на “остатки” имени их в самом городе Ставрополе (нашего времени). Там были улицы, которые назывались: 1-я Станичная, 2-я, 3-я, кажется, была и 4-я Станичная улица. Почему они так названы — мне не известно. Возможно, что в Ставропольском тогда укреплении поначалу жили семьи казаков. Вообще Ставропольский район в те времена был чисто казачий. И город Ставрополь, с образования Кубанского войска до 1860 года, считался военным и административным центром всех полков Кавказского линейного казачьего войска, где и училась казачья молодежь. В нем было учреждено и Ставропольское казачье юнкерское училище, которое окончили и наши старшие современники: автор “Истории Хоперского полка” есаул В.Г. Толстов, знаменитый вождь пластунов, Генерального штаба генерал-лейтенант И.Е. Гулыга и многие другие старшие кубанские офицеры. Это училище окончил и наш величественный командир 1-го Кавказского полка генерал-майор Эльмурза Асланбекович Мистулов²⁸⁵ — терский казак.

В 1898 году это казачье юнкерское училище для Кубанского и Терского войск было закрыто императорской властью. Вакансии от них были переведены в Оренбургское казачье юнкерское училище. Причины этому неизвестны. Потребовалась Великая война 1914 года, потом жуткая русская революция, потом кровопролитная Гражданская война 1918 —1920 годов, чтобы в Кубанском войске, в Екатеринодаре, вначале открылась школа прапорщиков в Великой войне, преобразованная уже в Гражданской войне в Кубанское военное училище, в которое был доступ и терским казакам, и русской молодежи.

Прошло больше двух веков от бурливого хоперского казачества булавиновских времен за казачью вольность. Кубанское войско стало большой военно-административной казачьей единицей в Русском государстве, раскинувшись от границ Донского войска до самых вершин Кавказского хребта. Появилось много новых станиц. Увеличилось число полков войска. Хоперский полк признан был старейшим, и по нему, императорской властью, было дано старшинство войску с 1696 года — года участия хоперских казаков во взятии турецкой крепости Азова при царе Петре I.

П.П. Короленко пишет: “Когда же Хоперцы были отчислены от Донцов, и из них составился особый конный полк — то Военная Коллегия определила им следующее однообразное обмундирование, несколько сходственное с запорожским: шапку круглую с малиновым верхом и барашковым околышем; кафтан голубого цвета; полукафтаны и шаровары малиновые, с малиновым на верхнем кафтане отворотом и с черным кушаком. Вооружение полагалось казаку: карабин, сабля и пика. Но, с переходом на Кавказ, Хоперцы не следовали означенному указанию, а придерживались той формы одежды, которую в ту пору носили на Кубани Донские казаки. С течением времени, как Хоперцы, так и прочие Линейные казачьи полки, приняли одежду и вооружение черкесов, удержав только одну донскую пикку, считавшуюся важным оружием в иррегулярном войске; но и от нее скоро отказались”²⁸⁶.

С переменой обмундирования переменились психологически и казаки, жившие станицами между черкесскими аулами. Подражание черкесу в седле, в хорошем вооружении, в набегах крепко укоренилось среди них, как и другие горские манеры.

В метель, при переходах в Воронежской и Курской губерниях, хоперцы, нарушая строй, группировались в кучки верховых и тихо пели свои тягучие песни линейных казаков. При этом от жестокого ветра накиннув башлыки на папахи — концы их завязывали на лбу, что я видел впервые среди своих кубанских казаков: получалась как бы “чалма”. Это было по-горски.

В мирное время 1-й Хоперский полк стоял в Кутаисе, в сердце прелестной Грузии, почему кавказское щегольство в вооружении и манере носить черкески еще более усилилось среди них.

В Оренбургском казачьем училище вакансии выйти хорунжим в 1-й Хоперский полк считались наилучшими. Но их было так мало... Меня всегда привлекали хоперцы, как что-то выдающееся в родном Кубанском войске. 1

Перед самым началом Великой войны 1914 года 1-й Хоперский полк был придан к Кавказской кавалерийской дивизии “четвертым полком”. С ней он провел всю войну.

В июле 1915 года эта дивизия была переброшена с Западного фронта в Персию и с 3-й Забайкальской казачьей бригадой генерала Стояновского²⁸⁷ совершила 600-верстный

марш от Джульфы, через Тавриз, по южному берегу Урмийского озера и вошла в город Ван, в Турции.

Встретить и пригласить в гости к нам, к кавказцам²⁸⁸, старейший 1-й Хоперский полк выехали далеко за город на юго-восток подъесаул Маневский и двое хорунжих. Мимо нас прошли драгуны — 17-й Нижегородский, 16-й Тверской и 18-й Северский полки генерала Шарпантье. У них образцовый порядок. На седлах драгун — ничего лишнего. Офицеры идут строго на своих местах. Драгуны сидят на крупных лошадях, но по горной местности — уже “подбитых”. 1-й Хоперский полк был в арьергарде. И вот показался он, длинной лентой в колонне по три, спускавшийся с перевала.

Все казаки в одинакового размера черных небольших папахах без всякого “залом” их. Все в гимнастерках, которых наш полк еще и не знал. Очень много георгиевских кавалеров. У казаков замечен “острый взгляд”, воинская подтянутость, однообразность формы одежды, правильное держание дистанции на походе на своих поджарых кабардинцах, “просящих повода”, несмотря на продолжительность многосотверстного похода.

1-й Хоперский полк представился нам очень подтянутой воинской частью, отшлифованной кавалерийской чопорностью той дивизии, к составу которой тогда принадлежал.

Впереди полка шли в седлах два штаб-офицера в серых черкесках при черных бешметах — командир полка полковник Потто²⁸⁹ и его помощник, войсковой старшина Ларионов²⁹⁰, старейший хоперец. Потто — сын известного историка, генерала Потто²⁹¹. Оба они маленького роста и сухощавые.

На доклад Маневского “всему Хоперскому полку пожаловать в гости в 1-й Кавказский полк” Потто благодарит за внимание, приятно улыбается, и его полк, под бравурные звуки полковых трубачей и под заливные песни во всех сотнях, шумно вошел в город Ван по его кривым азиатским улицам, направляясь к биваку нашего полка.

Выстроенный в пешем строю Кавказский полк встретил хоперцев их полковым маршем. Маленький сухенький полковник Потто от неожиданности быстро бросил несколько слов следовавшему за ним полковому штаб-трубачу, и — залилась труба:

— В резервную колонну построитесь-а!

Затем сигнал “широкий намет” и исполнительный, протяжно:

— Все-е... испол-най-те-е!

Словно на голову колонны полка неожиданно напал враг — сотни широким наметом бросились вперед и через несколько секунд “мертво” образовали полковую резервную колонну в одну тысячу разгоряченных лошадей.

— ШАШКИ ВО-ОН!.. ГОС-СПОДА ОФ-ФИ-ЦЕРЫ-Ы! — громко выкрикнул Потто, и полковой хор трубачей-хоперцев прорезал всех звучным встречным полковым маршем 1-го Кавказского полка.

Незабываемые картинки строевых частей, удали и братства казачьего!

Начальник дивизии генерал-майор Шарпантье разрешил Хоперскому полку быть гостями у кавказцев два часа. Каждая сотня кавказцев щедро угощала свою нумерную сотню хоперцев — лошадей свежей травой “люцерна”, а казаков обильным обедом и вином, которого у армян было много.

Казачий обед прошел коротко, по-военному. Не прошло и получаса, как весело заговорил многосотенный бивак казачий... Со всех сторон двенадцати широко разбросанных сотен полились песни. Грянули два хора полковых трубачей. Рванулся веселый танец “казачок”... Понеслась классическая кавказская лезгинка. И, переплетясь исстари братским общением, два полка казачьих сплелись вместе, словно два брата родных и неразлучных, что и не отличишь — где хоперец и где кавказец.

А господа офицеры?! Под ласкающей тенью чернослив, осыпанных обильным урожаем, в своем безудержном порыве гостеприимства в порядке старшинства в чинах раскинулись они на бурках. После коротких тостов старших до двух десятков хорунжих и сотников, вырвав власть у них, восторженно услаждали всех, после каждого приветствия, кавказскими застольными песнями — “Мраволжамиер” и “Алла-верды”. Татарские возгласы “чох-саул” и “якши-йол” неслись как боевые кличи. Все мы блаженствовали от счастья такой встречи, как бивак огласил хор трубачей-хоперцев мелодией “Генерал-марша”:

Всадники-друзи, в поход собирайтесь!

Радостный звук Вас ко славе зовет!..

Это приказал полковник Потто своему полку окончить веселие и идти на бивак к своей Кавказской кавалерийской дивизии. Так было весело и торжественно тогда, и так было грустно и тяжело с хоперцами мне “от Воронежа и до Кубани” всего лишь через пять лет.

Примечания.

110 Гамалий Василий Данилович — р. 1 мая 1884 г., казак ст. Переяславской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1911). В Великой войне командир сотни 1-го Уманского бригадира Головатого полка ККВ, орден Святого Георгия 4-й ст. за рейд в Месопотамию (1916), подъесаул, командир партизанской Георгиевской сотни. В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 2-го Кабардинского конного (1918), 3-го Уманского ККВ (1919) полков, в Русской Армии, на Перекопе командир конной бригады — уманцы и корниловцы (1920). В эмиграции в Королевстве СХС, Франции, умер в Лейквуде, Нью-Джерси (США) 22 ноября 1956 г.

111 Филимонов Федор Петрович — р. в 1862 г., казак ст. Григорополисской ККВ, в службе с 1879 г., офицером с 1881 г. В Великой войне генерал-майор, командир 2-й бригады 3-й Кавказской казачьей дивизии, командующий 4-й Кавказской казачьей дивизией (25 августа 1916 г.). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, в резерве чинов ККВ (1918), командир бригады — 3-й Уманский и 3-й Запорожский полки ККВ (1919). В эмиграции в Югославии, умер в Панчеве 14 января 1940 г.

112 Филимонов Александр Петрович — р. 14 сентября 1866 г., казак ст. Григорополисской ККВ. Окончил Киевский Владимирский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище (1885), Александровскую военно-юридическую академию (1904), двухлетний курс археологического института и двухлетние курсы русской истории проф. С.Ф. Платонова. Атаман Лабинского отдела ККВ (июль 1911 г.), полковник. Председатель Кубанского правительства (май 1917 г.), Кубанский войсковой атаман (12 октября 1917 г. — 10 ноября 1919 г.), первопоходник, генерал-лейтенант (1918). В эмиграции в Югославии, председатель Союза участников 1-го Кубанского похода, умер в Осеке (Хорватия) 4 августа 1948 г.

113 Хлус Александр Георгиевич — казак ст. Новолеушковской ККВ, в Добровольческой армии хорунжий Корниловского конного полка (1918). В эмиграции войсковой старшина, в Нью-Йорке (на 1959 г.).

114 Астахов Иван — казак ст. Вознесенской ККВ. В Великой войне урядник Собственного Е.И.В. Конвоя. Первопоходник, в Добровольческой армии хорунжий Корниловского конного полка (1918).

115 Ишутин Андрей — казак ст. Ильинской ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий, начальник команды связи Корниловского конного полка (1918), в штабе 3-й Кубанской казачьей дивизии (1919).

116 Постников Николай Николаевич — сын сенатора. Окончил лицей Цесаревича Николая, Новочеркасское казачье юнкерское училище, кавалерийский офицер, переведен в 1-й Кавказский наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк ККВ, подъесаул (1914), в Великой войне командир сотни, войсковой старшина, помощник командира 3-го Кавказского полка ККВ (на декабрь 1916 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, помощник командира 3-го Уманского полка ККВ (1919). В эмиграции в США (на 1938 г.).

117 Бугай Федор — из казаков ККВ, в Великой войне подхорунжий, вахмистр сотни 1-го Уманского бригадира Головатого полка ККВ, за боевые отличия произведен в прапорщики (1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул 3-го Уманского полка ККВ (1919).

118 Ажигоев Пшемаф — р. ок. 1890 г., из черкесских дворян. Окончил Майкопское техническое училище. В Великой войне корнет Черкесского конного полка. Во ВСЮР полковник 2-го Черкесского конного полка (1920). В эмиграции во Франции, умер в Париже 10 сентября 1963 г.

119 Данилов Федор Владимирович — р. 17 февраля 1885 г., казак ст. Тенгинской ККВ. Окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище. В Великой войне полковник. Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, атаман Майкопского отдела ККВ (1919 — 1920), генерал-майор. В эмиграции в Югославии, председатель Кубанского правительства (1942), начальник русского белого лагеря в Кемптене (Германия), умер в госпитале под Мюнхеном 24 февраля 1949 г.

120 Миронов Евгений Васильевич — р. в 1862 г. на хут. Павловском ККВ. Окончил Кубанскую учебную семинарию, Ставропольское казачье юнкерское училище (1884), Офицерскую кавалерийскую и Офицерскую стрелковую школы, офицер 1-го Полтавского кошевого атамана Сидора Белого полка ККВ, войсковой старшина, помощник командира 1-го Екатеринодарского, 1-го Кавказского полков ККВ. В Великой войне полковник, командир 2-го Лабинского полка ККВ (декабрь 1916 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир Кубанского конно-учебного дивизиона, генерал-майор (6 августа 1919 г.), в Русской Армии (1920). В эмиграции в Болгарии, вернулся в Советскую Россию в 1924 г.

121 Бабиев Гавриил Федорович — р. 18 марта 1860 г., казак ст. Михайловской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1882), Офицерскую кавалерийскую школу (1894), сотник Кубанского (Варшавского) казачьего дивизиона (1883 — 1892), помощник командира 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ (26 февраля 1911 г.), полковник (26 августа 1912 г.), командир 1-го Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полка (с мая 1913 г.). В Великой войне Георгиевское оружие (1914), генерал-майор (ноябрь 1915 г.), командир 1-й бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии (июнь 1916 г.). Первопоходник, в резерве чинов ККВ (август 1918 г.), генерал-лейтенант. Умер на о. Лемнос 6 февраля 1921 г., перезахоронен в Вранье (Югославия).

122 Маневский Георгий Константинович — казак ст. Царской ККВ. Окончил 3-й Московский кадетский корпус (1900), сотню Николаевского кавалерийского училища (1902). В Великой войне войсковой старшина, помощник командира 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 2-го Линейного полка ККВ (6 марта 1919 г.), командир Линейной бригады 1-го Кубанского конного корпуса, вр. начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии, смертельно ранен в бою на Маныче 28 апреля 1919 г. Приказ о производстве в чин генерал-майора застал его в день смерти.

123 Ратимов Александр — из казаков ККВ, в Великой войне войсковой старшина 1-го Уманского бригадира Головатого полка ККВ (июнь 1917 г.), в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 3-го Запорожского полка ККВ (1919).

124 Кравченко Афанасий Иванович — казак ст. Гиагинской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1911), вышел хорунжим в 1-й Запорожский Императрицы Екатерины Великой полк ККВ. В Великой войне подьесаул того же полка (на 1 декабря 1916 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, командующий 1-м Запорожским полком ККВ (ноябрь

1918 г.), полковник (27 января 1919 г.), командир 1-го Кубанского полка ККВ (ноябрь 1919 г. — апрель 1920 г.).

125 Черешнев Вячеслав Васильевич — р. в 1895 г. в ст. Усть-Лабинской ККВ. Окончил 1-й курс юридического факультета Московского университета, Павловское военное училище (1915), курс подрывного класса при Николаевском инженерном училище. В Великой войне офицер саперного батальона. Первопоходник, войсковой старшина, командир 1-го Запорожского полка ККВ (1919), эвакуирован из Новороссийска в Египет (март 1920 г.), вернулся в Крым, полковник. В эмиграции в Турции, США (1923). Окончил юридический факультет Пенсильванского университета, после Второй мировой войны помогал переезду казаков в США, умер после 1964 г.

126 Растегаев Михаил Петрович — казак ст. Некрасовской ККВ. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища, офицер Кубанского (Варшавского) казачьего дивизиона, подъесаул 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка (1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Партизанского полка ККВ, генерал-майор (1919), командир бригады (март 1920 г.), в Русской Армии, галлиполиец. Умер в Париже 6 июля 1961 г.

127 Помазанов Дмитрий — из казаков ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1911), офицер 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ. В Великой войне командир сотни 2-го Сводно-Кубанского (Екатеринославского) полка на Персидском фронте, подъесаул. Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, в войсковой автомобильной сотне (1919).

128 Скрябин Федор — казак ст. Кавказской ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1911). В Великой войне подъесаул, командир сотни 1-го Таманского генерала Безкровного полка ККВ (на 1 января 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, в войсковой автомобильной сотне (1919).

129 Бабаев Василий Терентьевич — казак ст. Усть-Лабинской ККВ. Окончил Майкопское техническое училище, Оренбургское казачье училище (1908). В Великой войне есаул 1-го Таманского генерала Безкровного полка ККВ, орден Святого Георгия 4-й ст. (на 1 января 1917 г.). В августе 1920 г. в числе 6 тысяч кубанских офицеров и военных чиновников сослан на Соловки.

130 Косякин Петр Иванович — р. 4 октября 1842 г., из дворян ККВ, в службе с 1859 г. канониром конно-артиллерийской бригады ККВ, хорунжий за отличия (март 1863 г.), орден Святого Георгия 4-й ст. (август 1863 г.), полковник, командир 1-го Кубанского конного полка (апрель 1889 г.), атаман Темрюкского (1897), Майкопского отделов, генерал-майор (1899), старший помощник начальника Кубанской области и наказного атамана ККВ (с 20 января 1907 г.).

131 Бабыч Михаил Павлович — р. 22 июля 1844 г. в ст. Нововеличковской ККВ, из потомственных дворян ККВ. Окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, юнкер Тарутинского великого герцога Ольденбургского полка, отчислен в полки ККВ. В Кавказской войне Георгиевский крест 4-й ст., произведен в прапорщики (1864), участник Русско-турецкой войны (1877—1878), Ахал-Текинской экспедиции (1880—1881), командовал армейскими полками, генерал майор (6 мая 1899 г.), военный губернатор Карской области (1906 — 1908), генерал- лейтенант (22 апреля 1907 г.), начальник Кубанской области и наказной атамана ККВ (1908 — 1917), генерал от инфантерии (17

ноября 1914 г.). Зарублен красными под Кисловодском 20 октября 1918 г. В апреле 1919 г. перезахоронен в Екатеринодарском войсковом соборе.

132 Павличенко Иван Диомидович — р. в 1889 г., казак ст. Шкуринской ККВ, в службе казаком в 1-м Запорожском Императрицы Екатерины Великой полку ККВ, урядник конвоя наместника на Кавказе. В Великой войне георгиевский кавалер. Окончил 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1915), сотник 1-го Запорожского полка (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир того же полка (20 апреля 1919 г.), командующий 2-й бригадой 1-й Конной дивизии, генерал-майор (2 июля 1919 г.), начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии, в Русской Армии, о. Лемнос. В эмиграции в Сербии, Перу, умер в Бразилии 9 августа 1961 г.

133 Миргородский Павел Григорьевич — казак ст. Брюховецкой ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне полковник, командир 3-го Екатеринодарского полка ККВ (1917).

134 Кубанский Календарь, изд. Войсковой канцелярии. Белград (Югославия), 1931, с. 53.

135 Шатилов Павел Николаевич — р. в 1881 г. Окончил Пажеский корпус, Академию Генштаба (1908), вышел в Л.-Гв. Казачий Его Величества полк, в Русско-японской войне в 4-м Сибирском казачьем полку. В Великой войне полковник (6 декабря 1915 г.), командир 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ (с 16 декабря 1916 г.), орден Святого Георгия 4-й ст., генерал-квартирмейстер штаба Кавказской армии, генерал-майор (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник 1-й Конной дивизии, командир 4-го конного корпуса, генерал-лейтенант (май 1919 г.), начальник штаба Кавказской армии (июнь 1919 г.), орден Святого Георгия 3-й ст. (3 ноября 1918 г., за отличия в Великой войне), помощник главнокомандующего Русской Армией (22 марта 1920 г.), начальник штаба Русской Армии (21 июня 1920 г. — 1922 г.). Генерал от кавалерии, начальник 1-го отдела РОВС во Франции (1924—1934), умер под Парижем 5 мая 1962 г.

136 Врангель П.Н. Записки: В 2 ч. // [Сб.] Белое Дело: Летопись Белой борьбы. Берлин, 1928. Т. 5. С. 137. 1 Там же. С. 134.

138 Топорков Сергей Михайлович — р. 25 сентября 1881 г., казак ст. Акинтиевской Забайкальского казачьего войска, подхорунжий, произведен в офицеры (1904) в Русско-японской войне. В Великой войне полковник (20 сентября 1917 г.), командир Чеченского, Татарского полков Туземной дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 2-й бригады 1-й Конной дивизии, генерал-майор (ноябрь 1918 г.), командир 1-й Терской казачьей дивизии, 4-го, затем 2-го Кубанского корпуса, генерал-лейтенант (1919), в Русской Армии, командир Сводного корпуса в Крыму (1920). В эмиграции в Сербии, умер в Белграде 13 февраля 1931 г.

139 Деникин А.И. Очерки Русской Смуты: В 5 т. // Париж—Берлин, 1926. Т. 5. С. 76 и 77.

140 Шифнер-Маркевич Антон Мейнгардович — р. 4 июня 1887 г. Окончил Александровский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1907), академию Генштаба (1913), офицер Л.-Гв. 2-й артиллерийской бригады. В Великой войне подполковник, начальник штаба 34-й пехотной дивизии, и. д. начальника штаба 7-го армейского корпуса. В Добровольческой армии (с 7 августа 1918 г.), начальник штаба партизанской бригады Шкуро, 1-й Кавказской казачьей дивизии, начальник той же дивизии (с мая 1919 г.), генерал-майор, начальник штаба 3-го Кубанского корпуса (сентябрь 1919 г. — март 1920 г.), в Русской Армии начальник 2-й Кубанской казачьей

дивизии и отряда в десанте на Кубань (август 1920 г.), начальник 2-й кавалерийской дивизии (сентябрь 1920 г.). Умер в Галлиполи 21 января 1921 г.

141 Деникин А.И. Указ. соч. С. 76, 77, в примечании.

142 Егоров А.И. Разгром Деникина в 1919 году. М. С. 85.

143 Деникин А.И. Указ. соч. С. 106. Разрядка автора.

144 Архив Русской революции: В 18 т. // Берлин, 1926. Т. 4. С. 90,-91.

145 Врангель П.Н. Указ. соч. Т. 5. С. 140 и 141.

146 Там же. С. 149.

147 Там же. С. 151.

148 Деникин А.И. Указ. соч. С. 108.

149 Врангель П.Н. Указ. соч. С. 108.

150 Там же. С. 160.

151 Там же. С. 163.

152 Там же. С. 170.

153 Деникин А.И. Указ. соч. С. 107.

154 Там же. С. 122.

155 Егоров А.И. Указ. соч. С. 121.

156 Там же.

157 Трагедия Казачества. Т. 3. С. 275.

158 Агоев Владимир Константинович — р. 4 апреля 1885 г., казак ст. Новоосетинской ТКВ. Окончил реальное училище приюта принца Ольденбургского, Алексеевское военное училище (1906). В Великой войне награжден Георгиевским оружием, полковник, командир 1-го Волгского Е.И.В. Наследника Цесаревича полка ТКВ (1917). В Терском восстании против большевиков начальник Пятигорской линии (июнь 1918 г.), в Добровольческой армии и ВСЮР, генерал-майор (29 июня 1919 г.), начальник 1-й Терской казачьей дивизии (с 22 июля 1919 г.), в Русской Армии начальник 3-й конной и 1-й кавалерийской дивизий (1920), погиб в бою севернее Серагоз (Таврия) 12 августа 1920 г.

159 Деникин А.И. Указ. соч. С. 109.

160 Там же. С. 123.

161 Там же, линия фронта по карте. С. 121.

162 Там же. С. 118.

163 Там же, в примечании.

164 Там же. С. 126.

165 Губин Александр Александрович — р. в 1873 г., в службе с 1890 г., офицером с 1892 г. В Великой войне генерал-майор, начальник Уссурийской казачьей дивизии 3-го Конного корпуса (октябрь 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 2-й бригады 1-й Кавказской казачьей дивизии (с 21 марта 1919 г.), начальник Сводно-Горской дивизии (с 27 марта 1919 г.), начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии (14 мая — 10 октября 1919 г.), в распоряжении Кубанского атамана (с января 1920 г.), эвакуирован из Новороссийска (25 марта 1920 г.), в августе 1920 г. в Константинополе. В эмиграции во Франции, умер в Париже в 1959 г.

166 Беломестнов Петр Константинович — р. в 1867 г., в службе с 1885 г. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1887). На Великую войну вышел помощником командира 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ, войсковой старшина, на Персидском фронте командующий 4-м Сводно-Кубанским полком ККВ (1915—1916), затем командующий 1-м Таманским генерала Безкровного полком ККВ (с 7 декабря 1916 г.), полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР, в бригаде Шкуро (сентябрь 1918 г.), командир 2-го Хоперского полка в 3-м Конном корпусе, генерал-майор (12 января 1919 г.), убит под г. Усмань в октябре 1919 г.

167 Ассиер (Асьер) Георгий (Юрий) Александрович — из обрусевших французов, приписанных в XIX в. к ККВ. Окончил Владикавказский кадетский корпус и Оренбургское казачье училище (1914). В Великой войне во 2-м Хоперском полку ККВ, командир сотни в Кубанском отряде особого назначения Шкуро. В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 1-го Хоперского полка, смертельно ранен под Старым Осколом в ноябре 1919 г. Посмертно произведен в генерал-майоры.

168 Трагедия Казачества. Т. 3. С. 277.

169 Егоров А.И. Указ. соч. С. 178.

170 Там же. С. 178.

171 Там же. С. 179.

172 Трагедия Казачества. Т. 3. С. 400.

173 Там же.

174 Там же. С. 290, 291 и 400.

175 Секретев Александр Степанович — р. 8 августа 1881 г., казак ст. Нижне-Чирской Войска Донского, сын офицера. Окончил Донской кадетский корпус (1899), сотню Николаевского кавалерийского училища (1901), вышел в Л.-Гв. Атаманский полк, офицер 15-го Донского казачьего полка (1911). В Великой войне полковник, командир 24-го Донского казачьего полка (1917). Командир 1-го конного полка Донской армии (1918), генерал-майор, командир бригады, 2-го Донского корпуса, конной группы, начальник 9-й Донской конной дивизии (1919), командир 4-го Донского корпуса, конной группы (март

1920 г.), генерал-лейтенант. В эмиграции в Болгарии, в 1922 г. вернулся в СССР, арестован в 1930 г., расстрелян по делу “Казачьего блока” в Москве 8 мая 1931 г.

176 Трагедия Казачества. Т 3. С. 400.

177 Егоров А.И. Указ. соч. С. 181.

178 Там же. С. 182 и 183.

179 Трагедия Казачества. Т. 3. С. 415.

180 Ревшин Александр Петрович — р. 11 декабря 1870 г. в Харьковской губернии, из дворян. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1889), Николаевское кавалерийское училище (1891), вышел офицером в 25-й драгунский Казанский полк. Окончил академию Ген штаба (1904), годичный курс Офицерской кавалерийской школы (1905). В Великой войне полковник, начальник штаба 3-й Донской казачьей дивизии (1914), 16-й кавалерийской дивизии (1915), Георгиевское оружие (9 марта 1915 г.), командир Крымского конного полка (24 января 1916 г.), начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса (с 3 сентября 1917 г.), генерал-майор (29 сентября 1917 г.), начальник 3-й “Сердюцкой” дивизии (декабрь 1917 г.). В гетманской армии (1918), во ВСЮР и Русской Армии, начальник Чеченской конной дивизии (с мая 1919 г.), группы войск (с сентября 1919 г.), 3-й конной дивизии в Крыму (1920), взят в плен в дер. Ново-Михайловке 27 мая 1920 г.

181 Плюшевский-Плюшик Юрий Николаевич — р. 2 июня 1877 г. Окончил Александровский кадетский корпус (1895), Константиновское военное училище (1898), вышел офицером А.-Гв. в 1-ю артиллерийскую бригаду. Окончил академию Генштаба (1905). В Великой войне полковник, 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. Первопоходник, генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии (с 27 ноября 1918 г.), штаба ВСЮР (с января 1919 г.), генерал-майор (13 февраля 1919 г.)- В эмиграции в Югославии, Франции, умер в Париже 9 февраля 1926 г.

182 Слашов Яков Александрович — р. 29 декабря 1885 г. в Санкт-Петербурге, сын офицера. Окончил реальное училище (1903), Павловское военное училище (1905), академию Генштаба (1911), офицер Л.-Гв. Финляндского полка. В Великой войне Георгиевское оружие (1915), орден Святого Георгия 4-й ст. (1916), полковник (12 ноября 1916 г.), командир Л.-Гв. Московского полка (июль 1917 г.). В Добровольческой армии (с 18 января 1918 г.), начальник штаба отрядов Шкуро (июнь 1918 г.), начальник 1-й Кубанской отдельной пластунской бригады (15 ноября 1918 г.), начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, во ВСЮР генерал-майор (апрель 1919 г.), начальник 5-й, 4-й пех. дивизий, командир 3-го армейского корпуса (ноябрь 1919 г.), командир 2-го армейского корпуса, генерал-лейтенант (март 1920 г.). В эмиграции в отставке (декабрь 1920 г.), вернулся в Советскую Россию (3 ноября 1921 г.), служил в Красной армии, убит в Москве 11 января 1929 г.

183 Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 234.

184 Там же. С. 234, 335.

185 Переключка. Орган Об-ва Галлиполийцев. Нью-Йорк, июль 1961, № 116.

186 Деникин А.И. Указ. соч. С. 235.

187 Там же. С. 118.

188 Буденный С.М. Пройденный путь. С. 256.

189 Там же. С. 269 и 271.

. 19° Там же. С. 272.

191 Там же.

192 Там же. С. 273.

193 Там же. С. 273, 274.

194 Там же. С. 276.

195 Буденный не был сверхсрочным унтер-офицером: начал службу в Приморском драгунском полку в 1904 г., уволился в запас в 1908 г. С началом Великой войны был призван по мобилизации.

Из его Георгиевских крестов (знаков отличия военного ордена) установлены два: 4-й ст. № 643701 за 21 мая 1916 г. и 3-й ст. № 203480. Других наград не найдено (по данным Курепина Ю.Г.).

196 Буденный С.М. Указ. соч. С. 277.

197 Егоров А.И. Указ. соч. С. 188.

198 Буденный С.М. Указ. соч. С. 278.

199 Там же. С. 279.

200 Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 233.

201 Там же. С. 236.

202 Буденный С.М. Указ. соч. С. 265.

203 Егоров А.И. Указ. соч. С. 226.

204 Чавдарь Э. 1919-й год. // Новое Русское Слово. Нью-Йорк, 20 августа 1959 г.

205 Там же, от 18 августа.

206 Бочаров Павел Григорьевич — р. в 1869 г., казак ст. Усть-Джегутинской ККВ. Окончил Баталпашинское городское училище, Ставропольское казачье юнкерское училище (1891). В Великой войне помощник командира 2-го Хоперского полка ККВ (на 1 февраля 1917 г.), полковник (4 марта 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Хоперского полка, 1-й Хоперской бригады (май 1919 г.), 2-й бригады 1-й Кавказской казачьей дивизии (с 22 ноября 1919 г.), в Русской Армии, на о. Лемнос, генерал-майор. В эмиграции, в составе Кубанского офицерского дивизиона в Югославии (1925), до Второй мировой войны там же.

207 Ковалев Николай Филиппович — казак ст. Бекешевской ККВ, урядник Собственного Е.И.В. Конвоя. В Великой войне произведен в прапорщики за боевые отличия, младший офицер 6-й сотни 2-го Хоперского полка ККВ (к 1 февраля 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, сотник, командир сотни 2-го Хоперского полка (1919).

208 Галкин (Корсов) Александр Семенович — р. ок. 1898 г., казак ст. Баталпашинской ККВ, сын офицера. Окончил Владикавказский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1 октября 1917 г.). С весны 1918 г. в составе отрядов, затем 1-й Кавказской казачьей дивизии Шкуро, в Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий, командир сотни, адъютант 2-го Хоперского полка ККВ (1919). В начале 20-х гг. в Иностранном легионе, в эмиграции во Франции (1925), в группе джигитов Елисеева, проживал в Голландии (на 1961 г.).

209 Якушев Григорий — в Великую войну вступил офицером 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (1914), есаул, командир сотни Ставропольского полка ККВ на Персидском фронте (1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник 2-го Хоперского полка (1919).

210 Булавинов Леонтий (Леонид) — р. ок. 1892 г., казак ст. Суворовской ККВ. Окончил Кубанское реальное училище, сотню Николаевского кавалерийского училища. В Великой войне командир сотни 3-го Линейного полка ККВ, сотник (1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковой казначей 2-го Хоперского полка (1919). В эмиграции, умер в США 12 июня 1934 г.

211 Борчевский Юрий Николаевич — в Великой войне подьесаул 4-й Кубанской казачьей батареи. Участник совместного десанта с немцами на Тамани (1918), во ВСЮР офицер 10-й Донской казачьей дивизии (1919). В эмиграции в Чехословакии (на 1933 г.).

212 Перетятыкин Владимир — из казаков ККВ. Окончил Темрюкское городское училище, Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне полковник 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ (1917). Возглавлял казаков в совместном десанте с немцами на Тамани (1918), расстрелян большевиками весной 1920 г.

213 Пестовский Владимир Иванович — р. в 1886 г., в Великой войне войсковой старшина, командир 22-го Кубанского пластунского батальона (16 сентября 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир батальона в 1-м Кубанском стрелковом полку (1918), в Донской армии начальник отрядов (октябрь—ноябрь 1918 г.), генерал-майор, командир пехотной бригады — 2-й Дроздовский и Самурский полки (октябрь 1919 г.), в отставке (28 апреля 1920 г.). В эмиграции в Париже, после Второй мировой войны председатель общества совпатриотов на Юге Франции, вернулся в СССР в 1947 г.

214 Слюсарев Максим Михайлович — из казаков ТКВ, в Великой войне хорунжий 2-го Горско-Моздокского полка ТКВ (на 28 ноября 1914 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, подьесаул, врид (временно исполняющий должность) начальника штаба пехотной бригады — 2-й Дроздовский и Самурский полки (октябрь 1919 г.).

215 Будённый СМ. Указ. соч. С. 313.

216 Краморов — из казаков ККВ, в Великой войне подхорунжий, вахмистр сотни 2-го Лабинского полка ККВ, за боевые отличия произведен в прапорщики (1916), хорунжий (4 марта 1917 г.). В первых отрядах Шкуро на Кубани (1918), в Добровольческой армии и

ВСЮР, есаул, помощник командира 2-го Хоперского полка (1919). В эмиграции в Париже на 1949 г.

217 Дубков Владимир — казак ст. Суворовской ККВ. Окончил Владикавказский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1 октября 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, сотник, начальник пулеметной команды 2-го Хоперского полка (1919). В эмиграции во Франции, шофер такси в Париже, во Второй мировой войне был мобилизован немцами со своей машиной в транспортную колонну, погиб во время американской авиабомбардировки в 1944 г.

218 Буденный С.М. Указ. соч. С. 300.

219 Соколовский Василий Иоанникович — окончил академию Генштаба (1915), подполковник. В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник штаба 1-й Конной (Кубанской) дивизии (23 октября 1918 г.), 1-го Конного корпуса (с 11 ноября 1918 г.), армейской группы генерала Врангеля (с ноября 1918 г.), 3-го Кубанского корпуса генерала Шкуро (май 1919 г.), 1-й Кавказской казачьей дивизии (октябрь 1919 г.), полковник, в Русской Армии, Галлиполи. В эмиграции во Франции, начальник Константиновского пехотного училища, умер в Париже после 1933 г.

220 Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 236, примечание.

221 Егоров А.И. Указ. соч. С. 188.

222 Там же. С. 193, схема № 21.

223 Буденный С.М. Указ. соч. С. 312.

224 Там же. С. 312 и 313.

225 Трагедия Казачества. С. 453.

226 Проценко Яков Иванович — из казаков ККВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1914). На Великую войну вышел во 2-й Хоперский полк ККВ, командир сотни в Кубанском отряде особого назначения А. Г. Шкуро, подъесаул (1917). В марте 1918 г. по возвращении с Персидского фронта на станции Кавказская (область Кубанского войска) арестован военно-революционным трибуналом и расстрелян.

227 Стасиков — во ВСЮР, подпоручик, вр. командир сотни 2-го Хоперского полка ККВ (ноябрь 1919 г.). В эмиграции во Франции, служилшофером (на 1928 г.).

228 Буденный С.М. Указ. соч. С. 319.

229 Егоров А.И. Указ. соч. С. 197.

230 Образцов Дмитрий Васильевич — из студентов, в Великой войне доброволец 14-го пехотного полка, полный бант Георгиевских крестов, произведен в офицеры (1915), командир батальона, штабс-капитан (1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, в 3-й роте 1-го Офицерского батальона (с 3 января 1918 г.), адъютант 1-го Офицерского Марковского полка (июль 1918 г.), командир офицерской роты того же полка, капитан (с 14 марта 1919 г.), командир 4-го батальона 1-го Марковского полка (с 7

июля 1919 г.), помощник командира 2-го Марковского полка (июль 1919 г.). Убит под Касторной 2 ноября 1919 г., полковник (посмертно).

231 Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 236.

232 Буденный СМ. Указ. соч. С. 357.

233 Как указано в биографической справке П.В. Чеснакова (см. выше), генерал в эмиграции жил в Югославии и умер в 1948 г.

234 Буденный СМ. Указ. соч. С. 356.

235 Рудько Вениамин Исаевич — из казаков ККВ. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища, вышел в 1-й Запорожский Императрицы Екатерины Великой полк ККВ. В Великой войне есаул, командир сотни того же полка. В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 2-го Запорожского полка ККВ (с 23 октября 1919 г.), командир 2-й бригады 4-й Кубанской казачьей дивизии, в Русской Армии командир Запорожского полка (с апреля 1920 г.), о. Лемнос. В эмиграции в Сербии, командир 2-го Сводно-Кубанского полка (1921), умер в Нише (Югославия) 9 апреля 1941 г.

236 Ка(у)лабухов Владимир Николаевич — р. 14 июня 1890 г., казак ст. Новопокровской ККВ. Окончил Екатеринодарское реальное (1910) и Елисаветградское кавалерийское (1912) училища, вышел в 1-й Запорожский Императрицы Екатерины Великой полк ККВ. В Великой войне командир сотни (1916), полковой адъютант 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул 1-го Кавказского полка ККВ (1919), старший адъютант атамана Баталпашинского отдела. Умер от тифа в декабре 1919 г., похоронен в ст. Новопокровской в ограде Николаевской церкви.

237 Егоров Афанасий Ефимович — р. в 1881 г., сын вахмистра. Окончил Черниговское городское училище, Черниговское пехотное юнкерское училище (1901), академию Генштаба (1912). В Великой войне старший адъютант штаба 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии, капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник штаба 3-й Кубанской казачьей дивизии (с 10 марта 1919 г.), 2-го Кубанского корпуса (с 6 ноября 1919 г.), в Русской Армии начальник штаба Сводного (Конного) корпуса (28 апреля 1920 г.), 1-го армейского корпуса, генерал-майор. В эмиграции, в Русском Корпусе командир 2-го полка (23 октября 1941 г. — 4 января 1942 г.), умер в 1957 г.

238 Кравченко Георгий (Юрий) — окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1911), вышел хорунжим в 1-й Лабинский генерала Засса полк ККВ. В Великой войне подъесаул того же полка (март 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир родного полка (1919), погиб в Северном Донце в ноябре 1919 г.

239 Будённый СМ. Указ. соч. С. 319 и 320.

240 Аеникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 236.

241 Трагедия Казачества. Т 3. С. 629.

242 Кулабухов Алексей Иванович — р. 15 марта 1880 г., казак ст. Новопокровской ККВ. Окончил Ставропольскую духовную семинарию (1901), учился в Императорском

Юрьевском (Дерптском) университете, священник, член Кубанской рады (1917—1919). Первопоходник, член Кубанского правительства по внутренним делам (1918), член делегации на Парижской мирной конференции (1918—1919), повешен генералом Покровским в Екатеринодаре 7 ноября 1919 г. за якобы подписанный договор с горскими народами. В действительности был подписан лишь проект договора, предусматривающий совместные действия ККВ и горцев против большевиков в случае ухода Добровольческой армии с Кубани и Кавказа.

243 Тарарыкин Иван Иосифович — р. ок. 1890 г., казак ст. Келермесской ККВ, урядник Собственного Е.И.В. Конвоя. В Великой войне окончил 3-ю Петергофскую школу прапорщиков (1915), младший офицер 2-го Линейного полка ККВ, особого отряда штаба 9-й армии (1916), в партизанском отряде Бичерахова на Персидском фронте (1917) и под Баку (1918), есаул, орден Святого Георгия 4-й ст., Георгиевское оружие. Во ВСЮР полковник, помощник командира 2-го Хоперского полка (1919), командир 1-го Черноморского полка (март 1920 г.). В эмиграции, в Русском Корпусе, умер в США в мае 1961 г.

244 Ольшанский -- окончил Николаевское кавалерийское училище (1915), вышел корнетом в гусарский полк. В отряде Шкуро (1918), ротмистр, командир сотни 2-го Хоперского полка ККВ (1919). В эмиграции в США, умер в Нью-Йорке в 1949 г.

245 Мальцев Павел Васильевич — р. ок. 1890 г., казак ст. Келермесской ККВ. Окончил Кубанскую учебную семинарию, Оренбургское казачье училище (1911), вышел в 1-й Екатеринодарской кошевого атамана Чепеги полк ККВ. В Великой войне офицер 2-го Екатеринодарского полка, начальник особого отряда штаба 9-й армии, Георгиевское оружие (1916), есаул (1917). Первопоходник, комендантский адъютант Екатеринодара (1918 —1919), войсковой старшина, командир 2-го Хоперского полка (1920).

246 Мельников — из казаков ККВ, хорунжий 1-го Хоперского полка ККВ (1919), после капитуляции в апреле 1920 г. Кубанской армии под Адлером—Сочи сослан в Холмогоры Архангельской губернии. Бежал за границу, в эмиграции во Франции (на 1933 г.).

247 Тимановский Николай Степанович — р. в 1889 г., гимназист-доброволец в Русско-японскую войну, георгиевский кавалер, офицерский экзамен (ок. 1906 г.). В Великой войне в 13-м стрелковом полку 4-й “Железной” стрелковой бригады, орден Святого Георгия 4-й ст., Георгиевское оружие (1916), полковник, командир Георгиевского батальона в Ставке (1917). Первопоходник, командир 1-го Офицерского Марковского полка (с мая 1918 г.), генерал-майор (12 ноября 1918 г.), командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии, начальник Отдельной бригады в Одессе, Румынии (январь—апрель 1919 г.), начальник 1-й пехотной дивизии (2 июня 1919 г.), генерал-лейтенант, начальник Марковской дивизии (10 ноября 1919 г.), умер от тифа на ст. Чернухин Херсонской губ. 18 декабря 1919 г., похоронен в усыпальнице Екатерининского собора в Екатеринодаре.

248 Гейман Александр Александрович — р. 26 августа 1866 г., казак ст. Геймановской ККВ. Окончил Тифлисский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище (1885), Офицерскую стрелковую школу (1912). В Великой войне полковник, командир 14-го, 8-го, 2-го Е.И.В. Великой Княжны Ольги Николаевны Кубанских пластунских батальонов, генерал-майор (1916), начальник 3-й Кубанской отдельной пластунской бригады (1917). Во ВСЮР и Русской Армии, командир Майкопского отряда, начальник 2-й Кубанской отдельной пластунской бригады (с 15 ноября 1918 г.), генерал-лейтенант (1918). В эмиграции, умер в старческом доме в Великой Киекинде (Югославия) в 1939 г.

- 249 Флейшер Николай Алексеевич — казак ст. Дондуковской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне есаул 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, комендант Майкопа, расстрелян красными в Армавире в 1920 г.
- 250 Бабаев Иван Терентьевич — казак ст. Усть-Лабинской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне войсковой старшина 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, в комиссии “офицерской чести” (1918). В эмиграции, умер в Греции после 1950 г.
- 251 Некрасов Александр Семенович — р. в 1891 г., казак ст. Николаевской ККВ. Окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус (1911), сотню Николаевского кавалерийского училища (1913). В Великой войне подъесаул 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (на январь 1917 г.). В эмиграции в Югославии, войсковой старшина, в Русском Корпусе, умер в Германии в 1950 г.
- 252 Сейделер Мстислав Николаевич — р. 12 июня 1886 г. в Тифлисе, сын полковника. Окончил Михайловское артиллерийское училище (ок. 1907 г.). В Великой войне капитан гвардии. Весной—летом 1918 г. начальник артиллерии отрядов Шкуро, в Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 2-го Кубанского казачьего конно-артиллерийского дивизиона (октябрь 1918 г.), командир Кавказского казачьего конно-артиллерийского дивизиона (1919). В эмиграции во Франции, умер в Париже 22 ноября 1939 г.
- 233 Врангель П.Н. Указ. соч. Т. 5. С. 274, примечания.
- 254 Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 266.
- 255 Там же. С. 262.
- 256 Там же. С. 273-275.
- 257 Там же. С. 118.
- 258 Драгомиров Абрам Михайлович — р. 21 сентября 1868 г. в С. Петербурге, сын генерала. Окончил Пажеский корпус (1887), академию Генштаба (1893), вышел в Л.-Гв. Семеновский полк, командир 9-го гусарского Киевского полка (с 1910 г.). В Великой войне начальник Сводной кавалерийской дивизии, командир Сводного кавалерийского корпуса (ноябрь 1914 г.), ордена Святого Георгия 3-й и 4-й ст., командир 9-го армейского корпуса (1915), командующий 5-й армией (1916), главнокомандующий армиями Северного фронта (1917). Председатель Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (октябрь 1918 г. — сентябрь 1919 г.), командующий войсками Киевской области (сентябрь—декабрь 1919 г.), председатель кавалерской думы ордена Святого Николая Чудотворца (с 19 сентября 1920 г.). В эмиграции в Югославии, Франции, умер в Ганьи под Парижем 9 декабря 1955 г.
- 259 Драценко Даниил Павлович — р. в 1876 г. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1897), академию Генштаба (1908), вышел в 37-й пехотный Екатеринославский полк, в Русско-японской войне. В Великой войне полковник, начальник

разведывательного отделения полевого штаба Кавказской Отдельной армии, орден Святого Георгия 4-й ст. (1916), начальник штаба 39-й пехотной дивизии (март 1916 г.), генерал-майор (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник группы войск в Чечне, заставившей капитулировать части Красной армии и чеченцев под Алхан-Юртом (март 1919 г.), начальник 1-й Конной дивизии, командующий группой войск Астраханского направления (1919), представитель главнокомандующего ВСЮР в Батуме (1920), в Русской Армии начальник штаба в десанте на Кубань (август 1920 г.), командующий 2-й армией (сентябрь—октябрь 1920 г.), генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, командир 1-й бригады в Русском Корпусе (11 мая 1942 г.), умер в 40-х годах.

260 Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 230.

261 Там же.

262 Кубанский календарь. Белград. 1931. С. 54.

263 Туненберг Ростислав Михайлович — из дворян, командир роты Киевского военного училища, капитан. Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Кубанского стрелкового полка, полковник (1918), командир 2-й бригады 2-й пехотной дивизии с оставлением командиром полка (с 11 марта 1919 г.), генерал-майор (с 15 июня 1919 г.), начальник участка на Перекопе (март 1920 г.), в Русской Армии командир бригады 34-й пехотной дивизии (май 1920 г.). Умер в Советской России в 1920 г.

264 Бредов Николай Эмильевич — р. в 1873 г., из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1889), Константиновское военное училище (1891), академию Генштаба (1901). В Великой войне командир 21-го армейского корпуса, генерал-лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР, в Киевском центре (с 25 ноября 1918 г.), с июля 1919 г. по март 1920 г. — начальник 7-й, 15-й пехотных дивизий, командующий войсками в Киеве, Одессе, командующий Отдельной Русской добровольческой армией в походе из Одессы в Польшу (январь—февраль 1920 г.). В эмиграции в Болгарии, в 1945 г. выдан в СССР.

265 Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 126.

266 Краснов Петр Николаевич — р. 10 сентября 1869 г. в С.-Петербурге, казак ст. Каргинской ВВД, сын генерала. Окончил Александровский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889), Офицерскую кавалерийскую школу, вышел хорунжим в Л.-Гв. Атаманский Наследника Цесаревича полк, полковник (19 марта 1910 г.), командир 1-го Сибирского атамана Ермака Тимофеевича полка СибКВ (23 июня 1911 г.). В Великой войне командир 10-го Донского казачьего полка, генерал-майор (2 ноября 1914 г.), командир 3-й бригады Кавказской Туземной конной дивизии (с 1 апреля 1915 г.), командующий 2-й Сводной казачьей дивизией (16 сентября 1915 г.), 1-й Кубанской казачьей дивизией (10 июня 1917 г.), 3-м кавалерийским корпусом (24 августа 1917 г.), орден Святого Георгия 4-й ст. (30 декабря 1915 г.). Войсковой атаман ВВД (4 мая 1918 г. — 2 февраля 1919 г.), генерал от кавалерии (26 августа 1918 г.), в Северо-Западной армии (22 июля 1919 г.). В эмиграции в Германии, Франции, во Второй мировой войне начальник Главного Управления Казачьих Войск (31 марта 1944 г. — май 1945 г.), выдан в СССР, казнен 16 января 1947 г.

267 Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 268.

268 Там же. С. 264.

269 По установлению советской власти, станица Уманская, как и многие другие на Кубани, в 1932 г. была занесена на “черные доски”. Это означало немедленное прекращение подвоза товаров, всякой торговли — с закрытием магазинов и вывозом из них всего “до последнего гвоздя”, взыскание “всех долгов”. Станицы окружались войсками Красной армии и ОГПУ, превращались в резервации (никого не впускали и не выпускали) и обрекались на голодомор. В дальнейшем станицы заселялись красноармейцами и сотрудниками НКВД.

Дабы стереть всякую память о казачестве, станицы переименовывались. Уманская до сих пор носит имя Ленинградская. По подсчетам командования германских войск, пришедших в 1942 г. на Кубань, казаков там насчитывалось лишь 10 процентов.

270 Гурбич — казак ст. Павловской ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, командир сотни Корниловского конного полка, есаул (1919).

271 Троян Иван Николаевич — казак ст. Вознесенской ККВ, в Великой войне урядник конвоя заместника на Кавказе. В Добровольческой армии и ВСЮР, сотник Корниловского конного полка (1919).

272 Полтавский Илья — р. ок. 1892 г., казак ст. Ессентукской ТКВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1913). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул 1-й Терской казачьей дивизии 3-го Кубанского конного корпуса (1919). В эмиграции в США.

273 Коноков Степан — р. ок. 1892 г., казак ст. Ессентукской ТКВ. Окончил Оренбургское казачье училище (1913). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул 1-й Терской казачьей дивизии 3-го Кубанского конного корпуса (1919). Умер в Константинополе в 1921 г.

274 Булавинов Евграф Васильевич — р. в 1889 г., казак ст. Суворовской ККВ, в службе с 1910 г., старший урядник Собственного Е.И.В. Конвоя. В Великой войне окончил 3-ю Петергофскую школу прапорщиков (1915), хорунжий 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (1 февраля 1917 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул 2-го Хоперского полка (1919). В эмиграции, умер в Касвиле под Нью-Йорком (США) в 1957 г.

275 Колков Георгий Иванович — р. в 1882 г., из казаков ККВ. В Великой войне окончил Тифлисское военное училище (4 месяца), прапорщик 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (на 5 марта 1917 г.). С весны 1918 г. в составе отрядов Шкуро, есаул, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир “Волчьего дивизиона” 1-й Кавказской казачьей дивизии (1919), затем в составе в 3-й Кубанской казачьей дивизии, полковник (1920). В Русской Армии командир “Волчьего” полка, переименованного в Крыму, после гибели генерала Н.Г. Бабиева, в 1-й Лабинский генерала Бабиева полк ККВ (октябрь 1920 г.).

276 Штандарт 2-го Хоперского полка ККВ хранится в музее Кубанского войска в Хоуэлле (США).

277 Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 76 и 77.

278 Колесник Евдокия Николаевна — казачка ст. Суворовской, старшая сестра милосердия 2-го Хоперского полка ККВ (1919). В эмиграции жена есаула Е.В. Булавина, умерла в Касвиле под Нью-Йорком (США) в 1952 г.

279 Елисеев Андрей Иванович — казак ст. Кавказской ККВ. В Великой войне георгиевский кавалер (1915), окончил Телавскую школу прапорщиков, хорунжий 3-го Кавказского полка ККВ (на декабрь 1916 г.). Участник восстания казаков в Кавказском отделе ККВ (март 1918 г.), в Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина 1-го Кавказского полка ККВ (1920), в апреле 1920 г. при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи попал в плен. В лагерях, расстрелян красными вместе с сыном в 30-х гг.

280 Елисеев Георгий Иванович — р. в 1896 г., казак ст. Кавказской ККВ. В Великой войне вольноопределяющийся 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1916), окончил Тифлисское пехотное военное училище (1917), хорунжий 2-го Черноморского полка ККВ в Персии. Участник восстания казаков в Кавказском отделе ККВ (март 1918 г.), в Добровольческой армии и ВСЮР, сотник Корниловского конного полка (1919), в Русской Армии, есаулом того же полка погиб в Таврии в июле 1920 г.

281 Толстов Василий Григорьевич — р. 24 декабря 1857 г., казак ст. Темижбекской ККВ, окончил Кубанскую войсковую гимназию, Ставропольское казачье юнкерское училище (1878), офицер 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны и 1-го Кубанского полков ККВ, командир 2-го Кубанского полка, генерал-майор, атаман Кавказского отдела ККВ (1914—1917). В 1920 г. в Крыму, о. Лемнос, эмигрировал в Югославию. В чине есаула написал исторический очерк (1896), затем фундаментальное исследование “История 1-го Хоперского полка ККВ” (1901), “Памятку 1-го Кубанского полка” (1914). Повторно в 1932—1934 гг. написал “Историческую памятку Хоперского полка ККВ” и “Краткую историческую памятку Кубанского генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полка ККВ”, служил псаломщиком в монастыре в Хопове, умер 25 ноября 1935 г.

282 Гулыга Иван Емельянович — р. 26 августа 1857 г., казак ст. Незамаевской ККВ. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1877), академию Генштаба (1899), атаман Кавказского отдела ККВ, генерал-майор (6 декабря 1912 г.). В Великой войне начальник 2-й, затем 1-й Кубанских отдельных пластунских бригад, Георгиевское оружие (1915), командир Терско-Кубанского пластунского корпуса, генерал-лейтенант (1 октября 1917 г.). Командующий Кубанской армией (17 января — 14 февраля 1918 г.), первопоходник, во ВСЮР врид начальника 8-й Донской казачьей дивизии (1919), в резерве офицеров Генштаба (1920). В эмиграции, умер в Югославии в июне 1936 г.

283 Абазинцы, абазины — народ Северного Кавказа, известный по русским летописям XII в., ныне проживающий на территории Карачаево-Черкесии, Ставропольского края, Адыгеи и Кабардино-Балкарии.

284 Короленко Прокофий Петрович — р. 5 июля 1834 г., казак ст. Павловской Черноморского войска. В службе казаком 6-го конного полка ЧКВ (5 июня 1851 г.), за отличие в делах против горцев урядник (1852), помощник старшего адъютанта войскового дежурства (март 1866 г.), архивариус войскового архива (январь 1893 г. — май 1902 г.), автор более 30 трудов. Умер в Ставрополе 6 февраля 1912 г.

285 Мистулов Эльмурза Асланбекович — р. 16 сентября 1869 г., из казаков-осетин ст. Черноярской ТКВ, сын ротмистра, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1890), вышел в 1-й Волгский полк ТКВ, участник военной экспедиции в Китай (1900), Русско-японской войны в составе Терско-Кубанского полка, Золотое (Георгиевское) оружие и орден Святого Георгия 4-й ст. (25 февраля 1907 г.), командир 2-го Сунженско-

Владикавказского полка ТКВ в Персидском походе (1913), полковник (6 мая 1914 г.). В Великой войне командир 1-го Кавказского заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (31 марта 1916 г.), командир 2-й бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии (20 декабря 1916 г.), генерал-майор (январь 1917 г.), командир Отдельной Кубанской казачьей бригады в Персии (ноябрь 1917 г.). Командующий войсками Терского войска (8 июля 1918 г.), погиб (застрелился) в ст. Прохладной 9 ноября 1918 г.

286 Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского Казачьего Войска 1696— 1896 гг. Харьков, 1896. С. 24.

287 Стояновский Константин Никитич — из казаков ККВ, генерал-майор (14 мая 1911 г.), перед Великой войной в отставке с чином генерал-лейтенанта. В Великой войне принят на службу генерал-майором (22 октября 1914 г.), начальник 3-й Забайкальской отдельной казачьей бригады (до 30 декабря 1915 г.), затем переведен в резерв чинов при штабе Кавказского военного округа.

288 Имеется в виду 1-й Кавказский заместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк ККВ. В Великой войне входил в Закаспийскую отдельную казачью бригаду (до осени 1915 г.), затем в состав 5-й Кавказской казачьей дивизии.

289 Потто Александр Васильевич — сын генерала. В Великой войне полковник, командир 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (с 2 июля 1914 г.), генерал-майор.

290 Ларионов Григорий Антипович — р. в 1868 г., из казаков ККВ, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище, Офицерскую стрелковую школу. В Великой войне войсковой старшина, помощник командира 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ. В эмиграции, умер в Югославии.

291 Потто Василий Александрович — р. 1 января 1836 г., из дворян Тульской губ., воспитывался в Тульском Александровском, Орловском Бахтина кадетских корпусах и в Дворянском полку. Произведен в прапорщики в Новороссийский драгунский полк (1855), участвовал в блокаде и взятии Карса, в польской кампании (1863), капитан, преподаватель Николаевского кавалерийского училища (1866), переведен штабс-ротмистром в Л.-Гв. Уланский полк с оставлением при училище, начальник Оренбургского казачьего юнкерского училища (октябрь 1870 г. — декабрь 1881 г.), переведен в Л.-Гв. Уральский казачий эскадрон с оставлением начальником училища, полковник (февраль 1877 г.), генерал-майор, начальник военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа (1899), автор многих трудов по военной истории, генерал-лейтенант, умер 29 ноября 1911 г.

292 Подьесаул Фостиков был представлен к Георгиевскому кресту 4-й ст. за бой 14—15 августа 1917 г. при занятии высоты у озера Зеребар, к Георгиевскому кресту 3-й ст. — за бой 25—26 сентября 1917 г. у сел. Мириван (по данным Курепина Ю.Г.).

293 Кубанец. Нью-Йорк, ноябрь 1981, № 40, с. 13.

294 Российский Государственный военный архив (РГВА). Ф. 192, оп. 3, д. 1063, л. 28.

295 РГВА. Ф. 192, оп. 3, д. 1063, л. 31.

296 Там же. Д. 1064, л. 38.

297 Там же. Л. 39.

298 Там же. Д. 1050, л. 3.

299 Там же. Л. 5, 5об. и 6.